

иеромонах
Хрисанф

Сыны Света

Воспоминания
о старцах Афона

Иеромонах Хрисанф

Сыны Света: Воспоминания о старцах Афона

*Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
Сыны Света: Воспоминания о старцах Афона/ Пер. с греч. А. В. Марков: Сибирская
Благовонница; Москва; 2010
ISBN 978-5-91362-267-9*

Аннотация

Книга «Сыны Света» – это впервые переведенные на русский язык воспоминания иеромонаха Хрисанфа (1894-1981), духовника скита Праведной Анны, о греческих подвижниках и старцах Святой Горы Афон, наставлявших его на путь спасительного подвига. Вошедшие в сборник писания старца Хрисанфа были созданы в период с 1960-го по 1981 год для многочисленных духовных чад. Они представляют собой трезвое рассмотрение христианских примеров веры и благочестия, явленных праведниками наших дней, которые шли путем святоотеческой традиции и стали истинными сынами Света, по заветам Святого Евангелия. Написанные простым языком, пронизанные любовью и добрым юмором, письма и воспоминания блаженного старца раскрывают чудные, незабываемые картины подвижнической жизни святогорцев и греческого народного благочестия. Писания эти – светлый след духовной жизни самого иеромонаха Хрисанфа – жизни, преисполненной высочайшими подвигами и дивными переживаниями по подобию древних отцов.

Содержание

Пролог	6
Краткое жизнеописание афонского старца Хрисанфа, духовника скита Праведной Анны (1894–1981)	8
Часть первая	15
Цанис и Елена	16
Бабушка и госпожа Георгена	17
Воспитание детей во времена отца Хрисанфа	21
О школьном обучении	23
Об аттических отцах	25
Старица Синклитикия	27
Король Оттон и королева Амалия	28
Монастырь Святого Спиридона и церкви Пирея	29
Священники из Пирея	30
Отец Герман	32
Афины вчера и сегодня	33
Дед Димитрий, могильщик	35
Лука Бефаний, подвижник	36
Как был основан монастырь Святой Ирины Хрисоваладской	37
Святой Савва Калимосский	39
Надгробие в Кератсинии	41
Наум	42
Иоанн Босой	43
Пресвятая Богородица Громовая и святой Стефан Пирейский	44
Святитель Нектарий и храм Вознесения	45
Отец Гавриил Маликоцакис Кавсокаливит о заблуждении	48
Метохия Вознесения становится маяком для ищущих монашеской жизни	49
Тяга к монашеской жизни	51
Часть вторая	53
Начало монастырской жизни	54
Отец Иероним об искушениях новоначальным	56
Первые уроки монастырской жизни	58
Первые поучения отца Иеронима в монастыре Симонопетра	59
Жизнь в монастыре Симонопетра	60
Отец Иероним – урок смирения	65
Учение отца Григория повара	67
Отцы Геласий, Онуфрий и Мина о точном соблюдении церковного Устава	68
Отцы Матфей, Леонтий и Даниил	70
Отцы из Симонопетра	73
О святом Симоне Мироточивом	75
Эконом, ставший погонщиком	77
Как женатый человек стал монахом	80
Отец Гедасий из Симонопетра	81
Праздник святой Ксении	81

Монах Геронтий	84
Монах-садовод	85
Старец Косьма из Симонопетра	87
Каким образом душа в общежительном монастыре обретает очищение	88
Уход из общежительного монастыря	90
Отцы Каливы Честнаго Предтечи скита Святой Анны	92
Отец Григорий	92
Духовник отец Аверкий	93
Отец Герман	96
Старец Азария	98
Старец Нектарий	100
Скит Святой Троицы	104
Что сообщил старец Онуфрий отцу Хрисанфу прежде, чем принять его	104
Поучение отца Онуфрия, духовного наставника старца, в Неделю о Фоме	106
Отцы каливы Святой Троицы	110
Праздник Вознесения Господня в скиту Святой Анны	112
Отцы каливы Преображения Господня	115
Старец Онуфрий, послушник отца Мины	115
Старец Онуфрий Кипрский	116
Отец Мина Черногорский	117
Рассказы старца Онуфрия о старце отце Мине	124
Отец Серафим	127
Старец Дамаскин	127
Из жизни и поучений разных отцов	129
Отец Вениамин	129
Послание старца Хрисанфа монаху, передающее поучение старца Онуфрия на день памяти праведной Анны	129
Рассказ старца Онуфрия об отцах Нифонте и Филимоне	132
Монах Арефа	134
Отец Харитон и отец Григорий (Алифантис)	135
Отец Косьма, ученик старца Саввы, и отец Арефа	138
Поучение о смирении со слов святых отцов Православия	139
Отец Арефа и книга «По стопам Христа»	140
Гневный лик Владыки Христа на иконе Пресвятой Богородицы в монастыре Иверон	142
Отец Арефа о страсти неблагодарности	144
Отец Савва и отец Аверкий	146
Старец Дионисий	147
Старец и его послушники на вершине Афона	150
Духовный наставник отец Панарет	151
Святой Анфим Слепец	153
Рассказ о пользе послушания	156
Отцы из Дионисиата	157
Отец Дионисий, ученик старца Геласия	159
Отец Неофит и слепая монахиня	160

Отец Никифор	161
Монах Иоаким	162
Совершенный послушник	162
Старец Нектарий из каливы Трех Святителей	163
Рассказ отца Хрисанфа о других скитских отцах	164
Старец Гавриил	165
Отец Игнатий духовник	167
Юродивый во Христе	169
Духовник отец Иероним (1866–1943)	170
Отец Иоаким из скита Святой Анны (1895–1950)	173
Отец Савва (Маврояннис)	175
Отцы из монастыря Григориат	177

Хрисанф, иеромонах Сыны Света: Воспоминания о старцах Афона

Пролог

(к греческому изданию)

Блаженной памяти старец Святой Горы Афон иеромонах Хрисанф, духовник множества братьев, переселившись в вечные обители, оставил нам драгоценное сокровище – письма и рассказы, содержащие воспоминания от самых его детских лет. Отец Хрисанф повествует о жизни освятившихся во Христе старцев и всех добродетельных людей, у которых он на пути христианского совершенства научился как строгости, так и неизреченной сладости священного трезвения и божественной любви.

Мы не могли не догадываться и прежде, что владеем духовным сокровищем, хотя оно от нас и было скрыто вначале.

О том, что мы обязаны предать гласности писания старца, нам напомнили наши братья во Христе – его духовные чада. Последние годы мы посветили подготовке этих духовных заповедей к изданию. С помощью Божией, святыми молитвами старца, эта книга станет первым сборником его сочинений. Пусть она послужит духовной пользе всех, кто сейчас приступает к чтению.

Вошедшие в данный сборник писания старца были созданы в период с 1960 по 1981 год. Отец Хрисанф выверял все свои записи и делал исправления. Мы решили сохранить без изменений особенности его речи, уточнив только в некоторых местах орфографию или пунктуацию. Лишь несколько раз мы позволили себе улучшить стиль, чтобы приблизить разговорные выражения старца к требованиям письменной речи.

Мы убеждены, что рассказы старца, трезвое рассмотрение им христианской нравственности весьма полезны для духовного роста. Они – светлый след духовной жизни блаженной памяти отца Хрисанфа.

Молос. Монастырь Пресвятой Богородицы Одигитрии

Особенно важна их публикация в нашу «новейшую» эпоху, когда евангельский дух, являемый в подвижничестве и молитвенных помыслах, изгоняется из повседневной жизни

с бесовской одержимостью. Догматическое сознание современных христиан часто помрачено, поэтому они теряют ориентиры и отступают от святоотеческого, православного благочестия и веры.

Мы благодарим Всеблагого Господа и блаженного старца нашего Хрисанфа, не оставивших нас милостью. Благодарим всех, кто помог нам довести работу над книгой до конца.

Особую благодарность выражаем г-ну Фикирису Пандазису за оплату издания книги и желаем ему преуспевания и благой веры.

Святой монастырь

Пресвятой Богородицы Одигитрии,

Молос, Локрида

Краткое жизнеописание афонского старца Хрисанфа, духовника скита Праведной Анны (1894–1981)

Поистине велико дерзновение того, кто пытается представить, пусть и обзорно, в рамках краткого биографического очерка, жизнь этого афонского старца, всю преисполненную духовными подвигами и дивными переживаниями. В своих трудах ради Христа отец Хрисанф сравнился с древними подвижниками Святой Горы, напомнив нам о прежних отцах, принуждавших себя к спасительному подвигу. Нам остается только верить, что сознание своей дерзости и человеческой немощи извинит скромность этого очерка. Приступая к своему труду, мы обращаемся с молитвой, призывая самого отца Хрисанфа, духовника братьев и подвижника Святой Горы, снизойти к нашему скромному предприятию. Мы пишем только для того, чтобы братия, читая записки самого старца, знали хотя бы вкратце жизнь того, кто оставил нам эти письменные труды для нашего спасения.

Всю жизнь блаженной памяти старец скрывался от людей, будучи совершенно неведом миру. Для того чтобы его не замечали, он избрал нищету, ходил в ветхих одеждах, притворно изображал грубость и безумие. Все эти подвиги старец совершал с великим смирением, чтобы заслужить себе мирское бесчестие, столь желанное и Христом возлюбленное. Но благодать Божия, всегда устрояющая, чтобы духовные светочи «поставлялись на свещницу» ради просвещения и духовной помощи всем людям, устроила так, что и отец Хрисанф стал на долгие годы духовным наставником множества людей – клириков, монахов и мирян.

И это случилось вопреки тому, что он сам с детства помышлял только о жизни безмолвника, образуемой созерцанием и восхождением на духовные высоты.

Старец Хрисанф родился в 1894 году в Пирее. Его благочестивыми родителями были Афанасий Вреттарос и Евгения, в конце жизни принявшая монашество с именем Мелания. Во святом крещении будущий старец был наречен именем Христ.

Прихожане рассказывали, что младенец, стоя в святой купели, перекрестился, и священник, знаменитый проповедник отец Николай Планас, увидев сие знамение, сказал с изумлением, что новопросвещенный младенец воспримет дар святого священства и благоугодит Богу.

Воспитанием маленького Христа занималась его благочестивая прабабушка Деспина, возжигательница лампад в Спасо-Преображенском храме в Пирее, недалеко от Левки. Младенец возрастал поистине в «наставлении и разумении Господа». До самой своей кончины блаженной памяти старец Хрисанф со слезами вспоминал ее строгую келью, порядок духовной жизни, поучения о скромности, сердечной молитве, добродетелях и благодати монашеского образа жизни.

Уже в пять лет мальчика стали водить в церковь Святого Пророка Елисея в Монастираки, где ревнители духовной жизни со всех Афин собирались регулярно, чтобы служить всенощную по Афонскому уставу. Прабабушка, желая научить мальчика истинной духовной жизни, указывала ему во время всенощной на предстоящих Богу святых людей, ставя в пример их богоугодную жизнь. Те просветленные благочестием лица, как рассказывал сам старец, неизгладимо запечатлелись в его детском сердце. До самой смерти он вспоминал первых встреченных им святых: священника отца Николая Планаса, благоговейнейшего отца Антония из храма Святителя Николая в Певкаких, отца Мефодия с Афона, подвижницу монахиню Синклитикию, неподражаемых в делах благочестия певчих Александра Пападиамандиса на правом клиросе и Александра Мораитидиса на левом, и других мирян, совершавших подвиг добродетели. Чуткий и смывленный Христ, ревностно желая уподобиться им, бежал

в храм босиком, забывая и о еде, и об усталости, в нищей одежде – только бы пережить вместе с ними святые часы всенощной. Ведь так несказанны там и радость спасительных песнопений, и дивно звучащие молитвословия Господу Богу, и священные чтения и свято-отеческие поучения, преисполненные сладчайшим именем Владыки Христа! Так, с самого раннего возраста будущий старец посвятил себя духовным подвигам, ибо постиг сладость жизни во Христе.

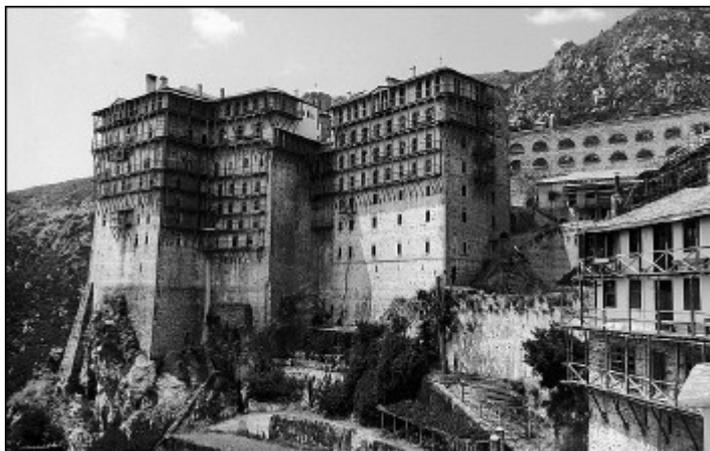
Кроме этого благословенного круга храма Пророка Елисея, Христ, когда подрос, познакомился с благочестивейшими духовными наставниками с Афона: отцом Панаретом, отцом Матфеем, отцом Яннисом и другими учениками и последователями святителя Нектария Эгинского. Они обычно служили в храме Вознесения в Панкратии – метохии святого монастыря Симонопетра.

Самой значимой для отрока стала встреча со славным и добродетельным старцем Иеронимом из Симонопетра. Тогда отец Иероним был еще простым монахом, а позже стал игуменом этой обители. Христ называл его своим любимым учителем. Общение с отцом Иеронимом изменило всю жизнь Христа. Когда ему исполнилось семнадцать лет, он отправился на Святую Гору, дабы упражняться в благочестии в монастыре Симонопетра.

В метохии Вознесения, куда Христ ходил вместе со своими товарищами, он был будто «жаждущий олень», стремившийся наполнить свою душу сладчайшими водами трезвенных поучений всех афонских старцев и духовников. Они учили его строгой христианской жизни, умной сердечной молитве и высоте монашеского жительства.

Весь этот духовный опыт, усвоенный с младых ногтей, возжег в сердце благословенного Христа пламень желания высочайшей духовной жизни и неутолимое стремление пройти стезей преподобных.

Итак, в 1911 году семнадцатилетний юноша, подготовленный всеми обретенными им добрыми духовными навыками и «окрыляемый божественной любовью», удалился из мира и стал монахом на Святой Горе Афон, в «ограде Пресвятой Владычицы нашей Богородицы».

Монастырь Симонопетра

Сначала он направился в святой монастырь Симонопетра, чтобы видеться со своим любимым духовным наставником Иеронимом. Целый год он пробыл послушником у старца и, несмотря на свой юный возраст, подвиг свой совершал со всей ответственностью зрелого мужа. По благодати Божией и благодаря отеческим наставлениям и поучением старца Иеронима, Христ стал образцовым послушником. Он помогал всем отцам в святой общине монастыря. Его отличали совершенное послушание, отсечение собственной воли и преисполнение божественным помыслом. Он первым приходил на церковные службы и первым брался за все служения и работы в монастыре.

После Христ познакомился с другими отцами-подвижниками, приходившими в монастырь, и, воспламеняемый желанием высочайшей жизни безмолвника, оставил многолюдную Симонопетру, отправившись в скит Святой Анны, а именно – в каливу Усекновения главы Иоанна Предтечи. Там он стал послушником старца Азария, который и постриг его в рясофор с именем Хрисанф.

Здесь начались испытания и тяготы монашеской жизни, которые соделали его опытным монахом, очистили и исполнили духовного ведения.

Братия каливы состояла из пяти монахов. Старец каливы, отец Азария, был человеком, усвоившим себе молчание и терпение ради Бога. Старец любил ревностного Хрисанфа и подробно разъяснял ему смысл божественного трезвения. Но вскоре он был вынужден направить его совершать подвиг безмолвия в каливу Святой Троицы над скитом, чтобы избежать соблазна, сеемого завистником-диаволом среди людей, совершающих подвиг во спасение. Позже он постриг Хрисанфа и в великую схиму.

Хрисанф проявил полное послушание старцу, но сердце его болело от преждевременной разлуки с наставником. Вот замечательное его признание. Когда он обернулся, чтобы последний раз взглянуть на каливу, и увидел через открытую калитку, как послушник изучает монашеские книги, а старец дает ему пояснения, он «заплакал горько».

В каливе Святой Троицы Хрисанф жил один. Он очень тосковал. Но «святая Анна, – как говорил он сам, – послала мне соль осолившуюся – старца Онуфрия».

Отец Онуфрий начинал как послушник знаменитого скитского духовника – отца Мины Черногорского. После кончины преподобного отца Мины Онуфрий остался один в каливе Преображения, расположенной неподалеку от каливы Святой Троицы. Их связывали крепчайшие духовные узы, которые и способствовали духовному росту Хрисанфа.

Старец Онуфрий на всю жизнь стал наставником отца Хрисанфа. Он достиг высот ведения как безупречный послушник своего святого духовника – отца Мины. Обучившись у него совершенству монашеской жизни, он на опыте узнал высоту чистейшего подвига созерцаний и посвятил в искусство трезвения восприимчивого к этому будущего старца Хрисанфа. Со всей строгостью и в полном послушании Хрисанф исполнял все предписания в безмолвии каливы, – показав великий подвиг, трезвение, бдение, – одним словом, внутреннее делание умной молитвы.

Духовному восхождению блаженной памяти старца содействовали и другие наставники. Таким был знаменитый своей духовной прозорливостью и опытностью духоносный старец Игнатий Катунакский, «неочитый». Игнатий питал большую любовь к юному Хрисанфу, которого мы узнали уже как старца, и часто называл его «мой Хрисанфелис».

Старцы из скита поражались разуму и скромному нраву юного монаха, а также его дару сокрушения и слез и склонности к усиленному подвигу.

Вот что его отличало: постоянная строгость к себе, жизнь, не знающая уступок, и подвиг, не знающий усталости; совершенное послушание и исполнение высоких монашеских поучений старца Онуфрия; неукоснительное пребывание на всех последованиях и бдениях в честном храме скитском. Его даже старцы прозвали, несмотря на юный возраст, «типикарем», то есть уставщиком, канонархом. Они хотели сказать, что в юноше уже зревают старца.

Сам будущий старец желал пребывать один в каливе Святой Троицы и совершать там подвиг ради своего спасения, вкушая мед безмолвия. Здесь он был «единый, предстоящий единому Богу» и стремился идти путем, который описывает святой Никодим Святогорец на примере преподобного Симеона Нового Богослова: «Единого Иисуса помышляет, единого Иисуса вожделеет, о едином Иисусе помысл его, Иисус для него – высота умного созерцания, Иисус для него – наслаждение языка, Иисус – сладостное занятие и отрада сердца, Иисус – дыхание».

Скитские отцы принудили его принять двух послушников. Они болели туберкулезом, и старцу пришлось отправиться в Афины, чтобы устроить их врачевание. Он не хотел, чтобы по всему скиту распространилась «священная страсть», как из приличия называют эту смертельную болезнь.

После долгого усердия в аскетических упражнениях и подвиге умной молитвы, после этой благословенной субботы покоя, настало время испытаний и бед. Но благодать Божия устроила так, что старец, преисполненный духовным опытом и добродетелями, словно «олива многоплодная», отправился в мир. Он питал плодами духовной жизни многих. Таков был человек, с детства избравший подвиг на орошенных слезами афонских скалах и показавший совершенное божественное самоотречение, усиленное трудами. Божественная любовь произвела в нем «доброе изменение». Ведь эта любовь, как огонь истребляющий, сжигает сердца тех, кто возлюбили Сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа.

Когда будущий старец врачевал своих послушников, разразилась великая смута в ограде Греческой Церкви, произведенная сменой календаря. Это изменение календаря возмутило многих и вызвало неприятие со стороны множества благочестивых клириков, даже в среде архиереев, а также монахов и мирян. Последовали гонения, суды, высылки из монастырей, лишения сана и прочие позорные события. Наконец, дело завершилось расколом, и эта рана Церкви до сих пор не зажила и дает о себе знать.

Отец Хрисанф и другие отцы и духовные наставники из святых обителей и скитов Святой Горы (как и славный отец Евгений Дионисиат, отец Иероним из Святого Павла и другие) попытались совместными усилиями утвердить христиан в отеческом православном благочестии, свято ревнуя об утраченном благочинии. Хрисанф, который с юности возлюбил православное святоотеческое Предание, скорбел о столь непродуманном решении церковного священноначалия. Он дерзновенно обличил тогдашнего архиепископа Афинского

Хризостома (Пападопулоса) за календарное нововведение. Он говорил с болью в душе, что время Богу восстановить тело Церковное, пострадавшее от соблазнов, произошедших из-за самочинного изменения Устава.

При этом старец был столь усерден и духовно осмотрителен, что никогда не впадал в пристрастия и крайности. Несмотря на все неблагоприятные и тяжкие обстоятельства, он продолжал оставаться делателем и учителем послушания, внутреннего подвига и сердечной молитвы. В добром исповедании он ни на шаг не отступал от честного православного Предания. Поэтому-то никогда и не допускал быть дерзким пред очами неподкупного Судии всех. Не теряя духовных ориентиров, он в каждом своем движении был настоящим монахом. Руководствуясь святоотеческими наставлениями, он пестовал в себе самопорицание. Своим духовным чадам старец не уставал говорить, что самое главное в духовной жизни – это «все время укорять себя».

Он очень печалился, когда вспыхивали споры по церковным вопросам. «Эти споры, – говорил он, – иссушают сердце, и тогда нужен великий подвиг и премногие слезы, чтобы вернуть себя в состояние молитвы и к прежней божественной любви». Обсуждение вопросов церковной жизни требует «целомудренной жизни, истинного исповедания и чистоты ума». Старец замечал, что изменение календаря нанесло ущерб духовной жизни православных христиан, потому что они «перестали пребывать все вместе в молитве, стали забывать жития святых и благодеяния Всеблагото Бога, делающие душу мягкой и поощряющие ее любить Бога, и стали посвящать себя вопросам, которые должны исследовать только люди высочайшей духовной жизни».

Уступая многочисленным просьбам, Хрисанф был рукоположен во священника митрополитом Кикладских островов Германом и вскоре получил право принимать исповедь. Он служил на приходе Трех дев – Минодоры, Нимфодоры и Митродоры – в Вотаниконе, затем в храме Святой Филофеи в Петралоне, храме Премудрости Божией в Пирее и, наконец, в

святом храме Троицы на перекрестке улицы Орфея и улицы Праведной Анны в Вотаниконе. Совершал он служение и в других благочиниях, например, в храме Преображения в Кипселе. Этот приходской храм прежде относился к Преображенскому монастырю, по преданию, основанному святой Филофеей Афинской (его постройки сейчас разрушены, а сам монастырь давно упразднен). Именно туда, когда Хрисанф был еще ребенком, был направлен со Святой Горы благочестивейший духовный наставник – отец Мефодий. Отец Мефодий и ввел в Афинах добрый обычай служить всенощные по Афонскому уставу (об этом много писал Александр Мораитидис – афинский псаломщик и духовный писатель).

Храм Святой Троицы на углу улиц Орфея и Праведной Анны в Вотаниконе

Как духовник старец Хрисанф показал себя опытным врачом душ. Его скромная келейка на улице Крокеон, недалеко от Афинского проспекта, стала настоящей Силоамской купелью и духовной лечебницей. Множество болящих, обремененных и израненных душ обращались к отцу Хрисанфу. К нему приходили праведники и грешники, старцы и юные, архиереи, священники, монахи, приверженцы и старого, и нового стилей. Всех старец встречал с распростертыми объятиями. Как истинный духовный наставник, он изо всех сил молился о спасении своих чад и неимоверно страдал и болезновал душой, покуда не «отобразится Христос» в сердцах чад его. Старец не ограничивал часы приема и не знал времени отдыха и перерывов. Он даже не запирает дверь в свое жилище на Крокеон, потому что готов был принять каждого и сразу же оказать помощь: ибо и Сам Христос умер за каждого человека.

В любое время дня и ночи к старцу могли обратиться люди, ищущие прибежища от преследований диавола, изможденные скорбью, отчаянием и многоболезненной суетой жизни сей, а более всего – прискорбными грехами.

Все, кто приходили на прием к старцу, – отчаявшиеся, угнетенные, покрытые зловонной коростой постыдных страстей, с незаживающими гноящимися ранами от стрел лукавого, – не просто приходили в себя, но постигали всю любовь и милость старца. Им уже не хотелось жить во грехе, и они начинали вести жизнь добродетельную и целомудренную, в посте, сердечной молитве, и, даже если они были мирянами, состоящими в браке, монашеская доблесть становилась для них немеркнущим идеалом.

Отец Хрисанф был опытным духовным руководителем. Он обладал особенным даром – воодушевлять человека стремлением к монашеской жизни. Юноши и девушки собирались вокруг него, привлеченные сладостью его учения о высочайших духовных переживаниях монашеского жителства.

Сам старец с особой любовью приветствовал юные души, в которых еще не померкла девственная чистота. С бесконечной отеческой любовью и уважением к ним он пытался

посвятить их в глубины духовной жизни и возвести на высоты умного делания и молитвы. Он страдал ради них и ради них вершил подвиг, ибо видел в них сосуды, пригодные для благодати Всеблагото Бога, для возвышенных созерцаний жизни во Христе и святой благодати священства.

Любовь и забота привлекли к нему множество юных душ, всем сердцем устремившихся к монашеской жизни. Хрисанфу пришлось основать два мужских монастыря и один женский. Эти монастыри он благоговейно освятил в честь Владычицы нашей Пресвятой Богородицы: первый – в честь Ее иконы «Достойно есть», другой – ради иконы «Святой Покров», а третий в честь иконы «Одигитрии-Путеводительницы». Также он позаботился о поселении своих чад в прежде заброшенной каливе святого Покаяния скита Праведной Анны – так обычно называлась калива Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Старец Хрисанф являл самопожертвование до самой своей смерти. Ведь он был связан великим чувством ответственности наставника за своих духовных чад, которые слушали его советы в скромной келье на Кроеон. Велик был его сокрытый от глаз людских подвиг внутреннего делания, трезвения и умной молитвы, бдения и подвижнических упражнений.

Пребывая в мире, старец остался неподвластен помыслам мира и никогда не отступал от созерцания Бога. «Изменился он божественным рачением», и это было очевидно для всех, кто его знал. Живя в миру, он до самой своей блаженной кончины оставался настоящим афонцем. Он жил, вкушал, одевался, беседовал, служил как истовый афонец. Умом он всегда пребывал на Святой Горе и мыслью витал где-то рядом со своей каливой, вспоминая тропы, пещеры и скитские отроги. «Хотя я и далеко оттуда, – говорил он, – воздыхание мое и сновидения мои все там».

Ведь его вдохновляло живое воспоминание о знакомых ему святых старцах, и об их поучениях, столь ярко некогда отозвавшихся в его душе. На всякой праздничной службе он, немного грустя, переносился умом в скитский собор. Из очей его начинали течь слезы, когда он представлял благоговейный взор подвижников, их легкую поступь, старческие лица, казавшиеся изваянными из воска, когда свет свечей выхватывал их из темноты во время всенощной молитвы.

Старец Хрисанф всегда был молчалив и скорбен, преисполнен печали и слез. Он не умел дерзить людям и смеяться над ними, но умел утешать их и обнадеживать. Его истинная любовь была лишена мирского тщеславия и подозрительности. Он был прост как дитя, тих, величествен и кроток как всякий многоопытный старец. Он посылал в мир благословение Божие и Пресвятой Богородицы, Владычицы нашего вертограда. От старца, дивного и богоданного, исходило благословение Афона, любовь в нем была неотделима от почтительности, а сыновнее послушание соединялось с совершенным освящением. Он отверз объятия для всех, передавая нам бесценный опыт духовной жизни.

Многие помнят, как отец Хрисанф шел по проспекту или по афинским и пирейским улицам, сжимая в руке четки из тридцати узлов, неся за спиной узелок из рогожи. Обувь на нем была сбитой, а ряса – вся в дырах и заплатках. Старец всегда спешил с молитвой и благим молением исполнить все духовные нужды своих чад, а иногда помочь им и материально. Часто он возвращался к себе уже глубокой ночью, сбив ноги до крови и падая от изнеможения. Он просил себе только антидор и святой воды: ведь весь день он ничего не ел, так как, обходя роскошные особняки состоятельных людей, не имел времени задержаться на обед. Для него важнее всего был полноценный подвиг и принуждение себя, хотя он и совершал его, будучи в миру, в известных нам пределах.

Жизнь его была жизнью нищего, не нуждающегося ни в каких бытовых вещах. Он никогда ничего не оставлял себе, но все раздавал. Как-то раз, покидая дом своего духовного чада Менидиса, он отдал ему на прощание немного денег за понесенные расходы. Через некоторое время он вернулся и, смущенный, словно маленький ребенок, попросил отдать

ему назад эти деньги. Когда Менидис стал его расспрашивать, что же случилось, старец был вынужден признаться, что увидел нищего, лежащего у дороги и очень нуждающегося в деньгах.

Много было людей, которые, не заявляя никому о себе, приходили на исповедь к старцу. В изумлении они слышали, как старец, прежде никогда их не встречавший, называл их по имени. Многим он неожиданно звонил по телефону, давая краткие и прямые предупреждения о том, что может произойти. И многие из тех, кто смущались исповедовать какие-то свои деяния и помыслы, с изумлением слышали от старца причину своего смущения.

Многие помнят, что отличительной чертой старца был дар слез – «приснотекущие слезы». Бывали минуты, когда очи его были, словно родники. Слезы бежали без всяких вздохов, стекали по щекам и бороде, орошая его стихарь. Это бывало неоднократно, но особенно во время исповеди старец мог так растрогаться, что все видящие начинали осознавать, с каким чувством раскаяния всем надо исповедоваться.

Потребовалось бы написать целые тома, чтобы сохранить для читателей все опытные переживания и свидетельства о дивных событиях, зрителями и участниками которых стали духовные чада старца. Но цель настоящего издания другая. Мы не стремимся представить во всей полноте сведения о преподобной жизни блаженной памяти старца Хрисанфа. Ведь находясь в миру, он всегда избегал всякой чести и признания, для чего порой нарочно представлялся вздорным, грубоватым и сердитым. Некоторые люди, судящие о человеке только по внешнему виду, думали, что старец действительно таков, и неправильно понимали его действия. Они считали, что старец и душой груб. Но он вел себя так не по собственному произволению (как и не было у него нужды казаться лучше, чем он есть), но только ради пользы наших душ. Ибо «как неотъемлемое свойство огня – свечение, а святого миро – благоухание, так и неотъемлемое свойство благих деяний – приносить пользу» (святитель Василий Великий).

Мы пишем только о небольшой части дивных событий, которые духовные чада старца увидели своими глазами. Хотя прошло уже двадцать пять лет со дня его успения, мы со страхом приступаем к работе, чтобы ни в чем не оскорбить память нашего духовного наставника. Пока старец Хрисанф был жив, он, если слышал похвалу себе и своему благочестию, сразу же возражал, как другие люди возражают, когда их оскорбляют и унижают.

Старец достиг глубины самоукорения, и его смирение было неподдельным и самым искренним.

Вот таким, если говорить совсем кратко, был смиренный и незаметный (а некоторыми людьми и неправильно понятый) отец Хрисанф. Но за его убогим обликом скрывалось неизреченное духовное величие. Это величие восторжествовало, по благодати Божией, в Афинах времени А. Пападьямандиса¹ и на Святой Горе Афон, этом благоуханном и отведенном для святых «Саду Богоматери». Ведь рядом со старцем было множество других освятившихся в духе подвижников, овеванных благоуханием благодати Святого Духа.

Земная жизнь старца завершилась 29 мая 1981 года в результате кровоизлияния в мозг². Старец переселился в вечные обители, чтобы повстречаться там с любимыми старцами и со всеми, о ком он повествовал в своих несравненных рассказах. Честные мощи отца Хрисанфа, согласно его воле, были перенесены в священный скит Праведной Анны и погребены на скитском кладбище. Земля Святой Горы приняла ревностно и почтительно изможденное трудами тело блаженного старца Хрисанфа.

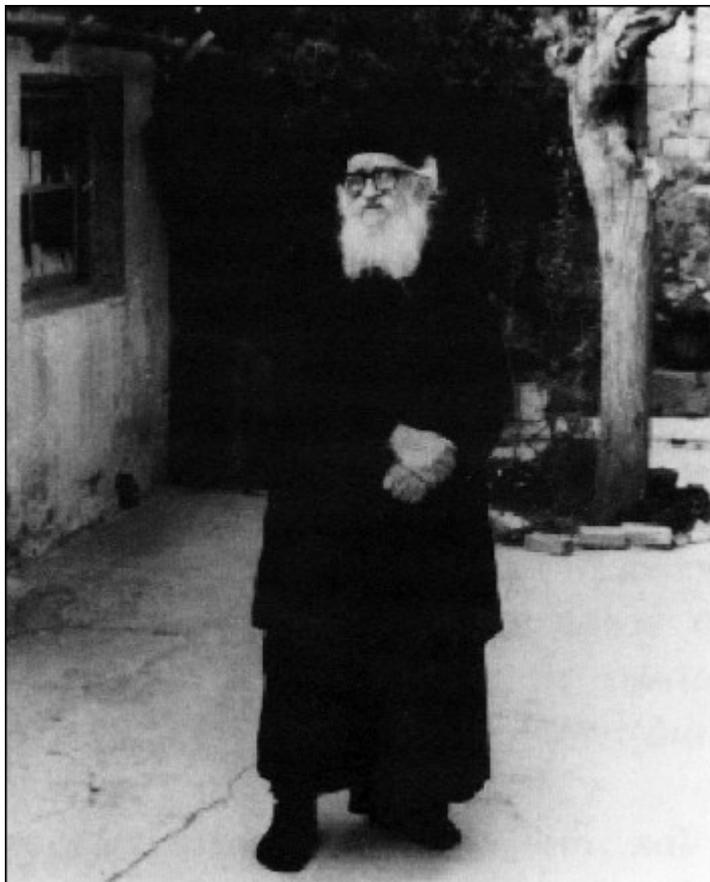
Да будет память его вечной и да пребудет с нами его святые молитвы. Аминь.

---

¹ А. Пападьямандис – псаломщик в Афинах, крупнейший греческий писатель.

² В день взятия Константинополя. Старец, по достоверным свидетельствам, заранее знал день своей смерти.

Часть первая Воспоминания о детских годах

Иеромонах Хрисанф

Цанис и Елена

Моя прабабушка, вырастившая меня, была дочерью Петра и Анны, с острова Эгина. Прародителя моего звали Алифантий. Было у него три сына: Апостол, Андрей и Панаг, а также четыре дочери: Деспина, Билио, Левтерья и Катерина.

Деспина, моя прабабушка, была выдана замуж насильно и сначала жила в Пирее. Она меня учила монашеской жизни с самых первых лет и загадочно предвещала мне: «Всеблагой Бог призвет тебя к высоким занятиям. Будь внимателен, не упusti этого. Ты видишь, кто в Пирее помогает нищим? Никто, кроме Цаниса и Елены.

Эта святая и благословенная супружеская пара создала детский приют, в котором бедных детей и сирот обучали всем ремеслам, и больницу, в которой всем нищим могла быть оказана помощь. Иногда, бывало, Цанис скажет Елене, рассуждая, как все люди:

– Елена, не съешь ли немного мяса, рыбы или сыра?

А она отвечала:

– Ах, мой Цанис! Здесь мне вкушать наслаждения или в будущей жизни?

– Делай, Елена, как пожелаешь.

Ели они всю жизнь только хлеб с оливками, посыпав душицей. Но память о них жива в новом поколении.

И ты будь внимателен. Если в кармане оказался гривенник – пожертвуй. Жизнь свою нужно быть готовым пожертвовать. Я хотела стать монахиней, но меня принудили выйти замуж. Помогай монастырям, тогда станешь благим человеком для всех, кто с тобой общается».

Так прабабушка говорила мне почти каждый день, приводя различные примеры, чтобы я не любовался собой и не сидел во тьме невежества. Пишу об этом, чтобы вы увидели, сколько благочестивых жителей было в богоспасаемом граде Пирее. Она и вырастила нас, хотя не умела писать и произносила слова с албанским выговором.

Бабушка и госпожа Георгена

Госпожа Георгена, как у тебя дела? Все ли у тебя хорошо? Как жизнь? Благодарю Всеблагого Бога за милость, которой ты удостоилась: ты купила участок и построила домик из кирпича, где теперь слышны детские голоса, и не огорчайся, что твои окна пока без стекол и запираются только ставнями. Ты, будто курочка, собираешь своих цыпляток, а сосед-то все равно не знает, есть у тебя хлеб или нет.

Когда я вспоминаю тебя, Георгена, в душе моей – и радость, и печаль. Оттого радость, что ты отправилась в храм Елисея Пророка и получила благословение и от отца Николая Планаса, и от отца Антония, который служит в церкви Святого Николая в Певкакии. А печалюсь оттого, что, хотя я и возжигательница лампад и служу в Преображенском храме, но не чувствую той радости, которую чувствуешь ты на всеобщих в храме Пророка Елисея.

Очень тебя прошу: когда отправляешься на всеобщие, бери с собой моего правнука. Ведь я вижу, Владыка наш Христос призвал его к иночеству. Я ему постилаю мягкую подстилку из сена, а он этим недоволен. Встаю утром – а он взял себе старый коврик и спит на нем. В храм он идет без обуви, в рваной рубахе, и это его не смущает. Привечает его отец Николай, его крестивший, и мой внук, отец Георгий. Поэтому очень тебя прошу: бери его с собой и приводи обратно, а то тут много бродит евреев и цыган, – еще украдут мальчика.

Ты знаешь, что в церкви, где служу, мне платят пятьдесят лепт. На что их потратить? Всю мою собственность, которая числилась у нотариуса, у меня прямо из рук увели, как только умерла моя дочь Катика, – я же терпеливо пришла в эту келейку при церкви и поселилась тут вместе с сестрой, у которой все имущество тоже как ветром сдуло. А я – хозяйка, как ты знаешь; я шила что-то и ждала от своих богатых племянников, Кумусеев, что дадут что-то на житье мне и моей внучке Евгении, а то она вся уже измучилась шить модные одежды. Теперь ведь уже никто не носит наших, православных, всем только французские платья подавай. Она сама, когда слышит, как вокруг судачат, что она «шьет по-французски», говорит: лучше уж умереть, чем слышать это – «шьет по-французски».

Еще прошу простить, что не могу заплатить тебе. Пусть правнук приходит домой к тебе, и идите прямо-прямо в Руфос, а из Руфоса направляйтесь к церквушке Пророка Елисея, где благоуханная память святой Филофеи Афиняныни.

– Вставай, Христ, дружок. Отправляемся в Каминии к госпоже Георгене, потому что завтра нам надо идти в Святого Спиридона. Скажу сейчас тебе вещь, которую никогда не забывай. Святой Спиридон, друг, был большим монастырем, наставлявшим весь Пирей. Но пришел Оттон, отнял у монастыря все имущество и раздал своим французам. Затем мало-помалу стали прибывать островитяне с Идры, Спетсий, Эгины, Метены. Сначала Оттон прогнал батюшек, а затем греков стало больше и они вытеснили французов. Левка, где мы живем, называется иногда Эгинетикой, потому что все жители у нас родом с Эгины. Я и сама одна из них.

Только не забывай: когда будешь у нашей Георгены, ничего не ешь из предложенного. Ведь ты идешь на всеобщую, а перед всеобщей надо поститься, иначе как же ты сможешь понять, что там читают из святых творений святого Спиридона.

* * *

– Привет, госпожа Георгена! Как себя чувствуешь? Все ли у тебя хорошо?

– Хорошо, малыш. Ты на всеобщую? Тебя бабушка прислала? Сварить ли тебе кофе из ячменя? У меня есть только этот кофе, а больше ничего.

Я молчал.

– Поняла, чадо: тебе бабушка не велела пить кофе, потому что мы идем на всенощную. Слушайся бабушку – это важно для спасения души. Сейчас скажу тебе кое-что: не надо печалиться.

– А я, госпожа Георгена, и не печалюсь.

– В церкви, куда мы идем, ты слышишь, что, когда священник читает Евангелие, он приветствует нас. Каким словом приветствует? Словом «радуйтесь». Это слово и ты говори, – в храме Святого Павла, где читает проповеди Врихоропулос со Спетсиев, помню, он нам объяснял, что не знают печали те люди, которые веруют в Бога. Они всерадостны, потому что крестились во имя Его. Поэтому смотри, чадо, в конце литургии, когда все люди начнут выходить из церкви, они с радостью и ликованием будут брать антидор, а затем дома его вкушать. Поэтому говори всем «радуйтесь», а не «привет». Теперь вставай, – нам уже пора на всенощную, она сегодня рано начинается.

– Дай, добрая Георгена, я понесу твой костыль: ведь ты старая, а дорога долгая, можешь устать.

– Что ты, Христ, я пойду без устали, чтобы получить мзду от Бога. Разве не слышал ты слова Христа: *приидите труждающиеся... и аз упокою вы*³? Какое это упокоение? Рай это! Тебя это огорчило, но мы обязательно отдохнем, когда будем у Святого Иоанна Рента, где депо и водонапорная башня железной дороги.

– Как хорошо, госпожа Георгена! Мы вышли из дома.

– Посмотри теперь, малыш, внимательно, как заходит солнце, и помолись мысленно: «Христе мой, настави мя, Пресвятая Богородице, Владычице моя, покрый мя, и святой мой Спиридоне, и Ангеле мой, пришедый поднять душу мою, соблюдайте мя, да буду добрым чадом».

– Да будет так, госпожа Георгена!

Из любопытства я стал присматриваться, что делается в соседнем дворе. Госпожа Георгена спросила меня:

– О чем, Христ, задумался, что так пристально туда смотришь?

– Увидел детей Врериса в ботинках и подумал: «Вот богатые дети – они в ботинках и хорошей одежде, они не мерзнут в нашей школе, где зимой не заделаны окна».

– Это ты нехорошо думаешь. Разве ты не слышал, что Врихоропулос говорил в воскресенье, когда мы вместе были в церкви и ты еще помогал ему поставить аналой? Богач был предан на мучения, а Лазарь, босой и скрюченный, пошел в рай. Об этом размышляй, чадо, – люби нищету, будь нищим. Христос, Бог наш, носил бедную одежду, и мы должны Ему подражать. Пока мы идем до Пророка Елисея, говори только: *Господи, помилуй*.

Так мы пешком дошли до Афин.

Я по малолетству решил попробовать пройти по рельсе железной дороги. Сделал два шага, а на третий упал из-за своей страшной гордыни и разбил лицо.

– Что ты наделал, мой Христ? Где твое прежнее внимание? А если бы ты ногу сломал, что бы мы делали? Ты бы всю жизнь хромал, и все бы про тебя говорили: «Вот, хромой, безногий, идет в город». Поэтому и нужно быть внимательным всю жизнь. В церковь Пророка Елисея мы приходили еще до начала службы. Афонский иеромонах Мефодий претерпел множество искушений, прежде чем ему дали право совершать всенощные в этой маленькой церквушке. Он поставил деда Илию совершать чтения два часа до начала службы. Входишь в церковь, а там уже сидит старица Синклитикия – истинная святая, которая ест только один сухарь в день. Дед Илия восседает на стасидии под иконой святого Онуфрия. Он читает, и я, старая, помню, что он читал: «Когда душа отделится от нашего тела, она вступит на лестницу, возводящую прямо к небу. Эта лестница тоньше, чем волос у нас на голове. С одной

---

³ Мф. 11, 28.

стороны будут ангелы, а с другой – бесы». Они станут во всем тебя испытывать, и даже как ты с завистью смотрел на детей Врериса, какие мол они богатые.

Услышав это, я зарыдал. Со мной вместе заплакала и Георгена. Вздыхая, с глазами, полными слез, она сказала мне:

– Посмотри на свою бабушку. Она плачет, потому что вспоминает о смерти и о той лестнице, по которой всем нам нужно будет пройти. Об этой лестнице и ты вспоминай, мой Христ, и тогда станешь хорошим человеком.

По дороге она меня спросила:

– Произносишь ли ты всегда, чадо, «Господи, помилуй»? Помни, что всегда у тебя в уме должно быть «Господи, помилуй».

Так мы дошли до Руфа. На улице ни одного человека. Мы переступили порог церкви

Пророка Елисея и увидели там самых благоговейных жителей Пирея и Афин. Все они с умилением и сокрушением слушали чтение старого Илии.

Прихожане, после многих трудностей и неувязок, добились открытия церкви Святого Фанурия. Это произошло по молитве святого, а то многие, приезжавшие из-за границы, говорили, что никакого святого Фанурия не существовало. Они видели множество чудес, которые Всеблагий Бог соделывал через Своего угодника, но при этом препятствовали возведению церкви в честь этого святого. Священник был столь рачителен во время всенощной, что с него брали пример все приходившие на эту службу.

Среди ревнителей богослужения был Георгий Леусий с Эгины. Он посоветовал мне: «Стань добрым человеком, как те святые мужи, которые сейчас, ты знаешь, на Афоне, в Лавре: отец Герасим, отец Никодим и Спиридон-врач. Сегодня день памяти святителя Спиридона: пусть он покроет тебя, а то на Святой Горе тебя ждет множество искушений».

Георгена мне говорила:

– Послушай, как дед Илия читает из «Кириакодромиона» Агапия⁴.

Вот уже восемь часов, половина девятого, и начинается всенощная.

По рядам разносится шепот: «Идет отец Антоний».

Все в храме встают и совершают земной поклон.

Отец Антоний положил поклон перед святыми иконами, вошел в алтарь и очень тщательно осмотрел большой престол и жертвенник, не упала ли туда муха или какое-либо насекомое. Затем он начал сосредоточенно служить повечерие. Все внимательно и благоговейно прислушивались к произносимым словам. Тогда же читался канон ко святому Причащению. Большинство причастников, прежде чем приступить к таинству, за восемь дней до этого отказывались от мяса, за шесть – от рыбы, за три – от масла и приносили Богу чистейшую исповедь. Поэтому, когда они причащались, то были что ангелы по обличью.

---

⁴ *Кириакодромион* – сборник чтений на воскресные и праздничные дни, изъяснение праздников, составлено Агапием Критским (Ландосом).

Святой Николай Планас, священник (f1932)

После вновь послышался шепот: «Прибыл экипаж, приехал отец Николай». Он служил литургию, весь переполненный счастьем. Маленькие дети, чистые как ангелы, видели, что он не ступает по земле, а приподнимается над ней. Он ничего не ел, только причащался, спал лишь один час днем и ел хлеб с водой.

Воспитание детей во времена отца Хрисанфа

(из письма старца)

Как ты поживаешь, госпожа Мария? Что у тебя происходит? Я не забываю о тебе: прошу Пресвятую Богородицу подать тебе здравие, как и твоим детям и внукам. Ты мне исповедалась, и я должен написать тебе несколько советов. Я знаю, что нет нужды тебе что-то особо советовать, поэтому скажу только, что лучше всего воспитывать своих внуков на острове подобно тому, как воспитывали нас. Ты помнишь, что, когда наступала Великая Четыредесятница, нас готовили еще на Сырной седмице:

– Дети, скоро перед нами умрут семь инокинь-седмиц. Мы должны им подражать, поститься и вкушать масло только в субботний и воскресный день.

Мы отвечали с детской простотой:

– Мама, эти монахини еще не умерли? В пятницу первой седмицы нам говорили:

– Сейчас умерла одна монахиня, которая всю свою жизнь постилась. Попостимся и мы, чтобы прийти ко Владыке Христу. Он нас примет в Свои объятия, поведет нас с Собой в рай, как Он взял с Собой детей и благословил, когда шел в Иерусалим.

Внимая звону колокола, мы смотрели, как на глазах священников выступают слезы, и спрашивали:

– Добрая бабушка, почему священники плачут и вы все тоже плачете?

И получали ответ:

– Дети, сейчас Великая Четыредесятница, когда предстоит умереть шести малым монахиням и одной великой. Великая умирает в конце Великой Седмицы, и она нас удостоит видеть нашего Христа на Кресте. А в день Светлого Воскресения мы наденем постиранную и чистую одежду и отправимся в церковь. В ночь священник возгласит «Христос воскресел!», забьют колокола и вся церковь заблестит, как молния, от множества светильников. Наконец, мы все причастимся, малые и великие, а после службы священник каждому вручит красное яйцо – сначала самым маленьким, а потом и более взрослым.

– А почему, бабуля, сначала малышам?

– Потому что маленьким детям предстоит научиться любви Христовой. А любви Христовой учат нас священники. Видишь, где бы мы ни были, мы встаем, когда священник идет мимо, и кланяемся ему, а он отвечает: «Христу Богу кланяемся».

Так мы учились любить нашего Христа. Многие дети ходили в церквушки рядом с домом, молились в них и учились ступать по пути святости.

Когда родители слышали, что мы произносили непристойное слово, то, как только начинался ливень, при вспышках молний и ударах грома вставали на колени дома и со слезами нам говорили:

– Вы видите и слышите, что происходит? Это потому что вы произносили неподобающие слова и не покайтесь. За это Господь наш Иисус Христос и грозит всему миру.

А мы молились:

– Прости нас, Христе, прости нас.

– Чтобы Христос простил нас, принесите воскресную лампаду, затеплим ее – и гнев остановится.

И правда, как только лампада загоралась, гром стихал и молнии уже не сверкали на небе.

Мы радостно говорили:

– Христос Бог наш простил нас! Мы больше никогда не будем произносить тех слов.

Родители, чтобы научить детей милостыни, поступали так: когда нищий проходил мимо дома, они вручали детям хлеб, чтобы те отдали его нищему.

Затем говорили:

– Вы отдали хлеб проходящему нищему? Христос Бог теперь благословит наш хлеб и мы можем не месить тесто в субботу, а отложить дело до понедельника.

И поистине, по чудодейственной воле Владыки, хлеб хранился дольше и до понедельника тесто не ставили. Поэтому маленькие дети, лишь увидев странника, начинали спорить между собой, кто введет его в дом и накормит. До 1940 года на островах не было гостиниц, потому что странников принимали церковнослужители в своих кельях и простые жители острова у себя в домах.

И ты, госпожа Мария, следи, чтобы внуки тебя никогда не увидели сердитой, но всегда разговаривай с ними кротко. Читай им жития святых. Никогда не делайте ничего гнусного, не спорьте на глазах у детей – это причиняет им вред. Водите их в церковь, пусть они попостятся немного и после причастятся Пречистых Таин. А то сейчас многие священники и богословы стали говорить, что можно причащаться вообще не постясь. Смотрите, так не поступайте.

Вот что вкратце написал я вам, чтобы вы помолились Пресвятой Богородице за меня, отца Хрисанфа. Молитвы и благословения всем православным Австралии от грешника.

О школьном обучении

(из письма)

Мы не знаем, что нас ждет, хотя мы давно записаны в ополчение Единой Святой и Апостольской Церкви – Матери нашей. Мы думаем, что искушения нас не затронут. Но мы не задумываемся, что, как нас предупреждал сосуд избранный, мы должны всегда принуждать себя, ибо *дни лукави суть*. Но зачем говорить «дни»? Не о днях речь, но о предпочтениях современных людей, поднявших по своей гордыне войну против Бога. К ним относятся слова проповедника веры преподобного Космы Фламиата, сказанные еще в 1850 году. Он предупреждал наших предков, что нужно быть осторожными, потому что лукавая Англия со своим масонством за сто лет заставит совершенно уйти Владыку Христа из этих краев освобожденной Эллады. Лукавые англomanы скажут Господу: «Ступай к Себе на небо», – и будут изрыгать хулы, и принуждать верующих греков к тому же.

Эти слова преподобного остались неслышанными. И в наши дни мы видим, сколь легкомысленно относятся люди к слову Евангелия Христова.

Наставники нас учили по примеру Елеазара, слуги Авраама, которого тот послал в Месопотамию за Ревекой, женой для Исаака. Он подошел к источнику и сказал: «Боже мой, Боже мой». Наши учителя, когда мы были совсем маленькими, не просто говорили: «Боже мой, Боже мой». Они хотели, чтобы в наших сердцах ожила любовь к Богу. Поэтому они велели, преклонив колена перед алтарем и воздвигнув руки ввысь, произносить: «Боже милостивый мой, Боже родной мой».

Так нам объяснял учитель, но в час молитвы вошел директор и сказал, что нужно молиться теми словами, которые записаны в книге, и никак иначе. Учитель замолчал, а когда директор ушел, учитель обратился к нам, хотя мы были еще маленькими, с речью, которую я помню до сих пор:

– Чада мои, мы – православные христиане и должны хранить нашу веру, православную веру отцов, потому что ее многие преследуют. Мы видим в наши дни, что почти все православные люди во всех странах погнали Христа прочь из своей повседневной жизни. Только немногие чтут Христа и любят Его.

Когда стало распространяться коммунистическое мировоззрение, в Греции были в свободном обращении и коммунистические, и антикоммунистические книги.

Наши отцы еще знали поучения святого Космы Фламиата. Как современно звучат все его слова!

Когда мы были юными, нам раздавали хорошо изданные коммунистические книги о том, что с нами поступают несправедливо, потому что мы трудимся, а нам платят недостаточно. Там объяснялось, что эти несправедливости чинят не только с нами, но и с нашими родственниками.

Но церковные знакомые, преданные вере, раздавали нам детские книги, укреплявшие в благочестии и в непорочной вере. Эти книги были поддержкой и опорой всему нашему богоспасаемому народу.

Однажды мне дали почитать две книги. В одной из них рассказывалось, что как-то в Германии, в Берлине, один коммунистический преподаватель собрал всю молодежь, и даже детей, и стал их учить атеизму, ставя все с ног на голову, и говорить, что Бога нет. Он сказал, что, если мы допустим, что Бог есть, нам придется Его слушаться.

Юные собеседники, которым было от 12-ти до 15-ти лет, ответили ему: «Зачем нам быть учениками Вольтера и Дарвина? Мы – христиане, и Бог есть. Идите отсюда, несчастные люди».

Таким образом дети переспорили атеистов. Поэтому-то и коммунизм в Германии наступил не сразу.

Мы должны благодарить Всеблагого Бога за то, что Он исполнил Свое обетование: Любящие Меня любимы Мною и проведут свою жизнь без притеснений, если потерпят малую скорбь от злонамеренных людей ради имени Моего.

Вот, вкратце вам пишу, чтобы никогда не забывали о своем спасении. Чтобы слушаться Владыку, нужно внимать Ему и просить Его и Пресвятую Богородицу защитить вас. От этого и души ваши обретут спасение, и наш греческий православный народ выйдет на стезю блага. Вы ополченцы Святой Соборной и Апостольской Церкви Христовой, – так совершайте же подвиг ради спасения ваших братьев. Пусть за ваш благой пример и за ваше смиренное обращение с братьями Пресвятая Богородица удостоит вас, молитвами святого Григория Паламы Фессалоникийского, стать истинными Ее чадами. Таким стал святой Николай Кавасила, написавший глубокомысленнейшую книгу о страшных Христовых Тайнах.

Житейских дел не обсуждайте, а обсуждайте лучше книги отцов-пустынников, которые совершали подвиг, отдали кровь и приняли дух, а также книги их учеников, записавших изречения, в том числе и эти слова: *дай кровь и прими дух*.

Прошу молитв.

Об аттических отцах

Возлюбленное чадо Господа нашего Иисуса Христа, радуйся неизглаголанной радостью из мертвых восставшего Господа нашего и, радуясь, ликуй блаженной святой жизнью во Христе. Ибо к ее светлому любомудрию тебя призвала вселюбовь Христова!

Напишу тебе то небольшое о спасении, что сохранил мой смиренный разум и память и что позволит мне Господь ради твоего священства. Итак, послушай.

До вторжения турок в Афины на колоннах бывшего храма Зевса Олимпийского жили отцы-столпники. Они не нуждались ни в чем материальном, но были как ангелы, носящие земное тело. Наши отцы-афиняне, взирая, какой высоты бесстрастия, прозорливости и проницательности достигли эти столпники, оставили все и стали в окрестных горах Аттики совершать подвиг безмолвия. Они спрашивали столпников, какую жизнь следует вести в отшельничестве, и те разъясняли им все подробности.

Поучения и подвижнические обычаи этих столпников были сохранены для нас в преданиях наших отцов. Они совершали свой подвиг, проживая в одиночестве и порицая самих себя, всякий раз говоря, что они недостойны жить среди людей. Отцы боялись, что нахождение среди людей может послужить препятствием любви Божией. Уединение учило их смотреть на себя, как на зловонные отбросы. Если кто-то подходил к ним и просил дозволения поселиться рядом с ними, они воспрещали ему, говоря богомудренно: «Яко Ты, Господи, наедине в надежде вселился в меня»⁵. Но если пришедший человек настаивал и долго просил, то они позволяли поселиться рядом и учили его, что безмолвие – это средство отказаться от любой страсти, даже самой малой. Все наши отцы разумно вершили безмолвие и так достигли меры высочайшей святости.

Мы и сейчас можем видеть следы их уединенного делания – на всех окрестных аттических горах есть скиты, которые обычно называют «ульями»: ведь их обитатели вкушали мед безмолвия, который услаждает душу, заставляя ее совершенно забывать о своих притязаниях.

Многие из них позднее ушли на Афон и, как отменные труженики, возлюбившие сладость безмолвия, стали великими учителями для своих сверстников на Афоне. Афонские монахи, когда хотели обозначить, что поучения старца очень славны, говорили: «Вот как сказал отец из Аттики». Люди, слыша: «из Аттики», сразу же становились внимательнее к поучениям, потому что видели в них практическое применение созерцательной жизни.

Наши отцы читали пространную редакцию жития святого Марка Подвижника и дивились, как он, совершавший подвиг безмолвия один в горах Аттики, перешел «не-мокреными ногами» моря, дойдя до Египта. Когда, по Промыслу Божию, люди там о нем узнали, преподобный Марк их спросил: «Есть ли сегодня такие, которые скажут горе сей: *поднимись и вверзись в море?*» – и сразу же сам привел в движение гору, стоявшую перед ним, и она бы уже обрушилась в море, если бы святой не сдержал падения.

Поэтому, если желаешь спасения своей душе, всегда будь молчалив. Никогда не гневайся, пусть в тебе правит ум, и во внутреннем делании всегда вспоминай: *Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю.*

Послушай о событии, которое записано в книгах отцов. В одном монастыре было множество братьев. Один из них попросил игумена разрешить ему отправиться в пустыню для безмолвия. Игумен же воспретил, сказав богомудренно:

---

⁵ См. Псал. 4, 9.

– Ты, чадо мое, хотя и пришел в монастырь, но не приложил еще никаких усилий к тому, чтобы изгнать гнев и ярость из сердца. Поэтому не отпускаю тебя туда, где тебе станет хуже.

Но монах продолжал просить игумена, и наконец, после многочисленных уверений, тот отпустил брата со словами:

– Возьми этот сосуд, он тебе послужит.

Монах взял сосуд и отправился в пустыню безмолвствовать. Первый раз он набрал воды и успокоился. Второй раз вода размыла почву под дном сосуда, и сосуд не стоял прямо, а это брата раздражало. На третий раз совсем нельзя было установить сосуд. Брат разгневался и разбил сосуд. Когда он одумался, то вспомнил слова игумена, что он не готов к такому подвигу. Вернувшись в монастырь, он попросил братьев не смеяться над ним, не попрекать его и не дразнить: «Расскажи, как ты разбил сосуд». И наконец, он исправился, ибо «не место, а нрав исправляет человека».

Всякий человек, желающий спастись, должен быть терпелив, повиноваться уму, очищать душу от страстей и направлять ее к естественным добродетелям, возводящим к любви и стремлению к Богу. И ты, если хочешь стать монахом, будь терпелив в миру, потому что в монастыре понадобится еще большее терпение. Соделай хотя бы это – и сам увидишь пользу, происходящую из кротости. Всеблагой Бог назвал блаженными кротких и безмолвных.

Помолись Богу и за меня, гневливого.

Старица Синклитикия

В храме Пророка Елисея прислуживали и монахини из святого монастыря Преподобной Филофеи Афинской. Они совершали подвиг по домам, потому что король Оттон вместе со своими баварцами упразднил этот монастырь, как и множество других обителей по всей Греции.

Среди монахинь, приходивших в храм помочь, была Синклитикия. Она приняла монашество, будучи еще совсем юной. Духовником ее был отец Мефодий. Жила она в большой строгости: питаясь только сухарями и запивая их водой. Хотя мне было совсем мало лет, я запомнил ее в храме Пророка Елисея. Она совсем иссохла от своего подвига и многочисленных болезней. Она никогда ни с кем не разговаривала, но всегда молилась, чтобы не лишиться сердечного собеседования с Триипостасным Богом и проистекающих из этого духовных благ, которых она сподобилась еще в молодые годы, живя в монастыре Преподобной Филофеи.

Я, маленький мальчик, смотрел на эту монахиню и дивился ей. Только один раз она мне сказала несколько слов, что бывало крайне редко, – и то ради особой духовной пользы:

– Можешь ли ты один погасить огонь, который развел селянин для сжигания терний на поле и подготовки его к пахоте? Также невозможно погасить и пламя любви к Богу, которую стяжали наши отцы в этом богохранимом городе Афины.

Тогда я не понял смысл этих слов: я был слишком мал. Но, когда я отправился на Святую Гору и в скиту Праведной Анны стал послушником блаженной памяти старца Онуфрия, чада отца Мины, старец разъяснил мне, что такое «пламя любви к Богу», о котором говорила монахиня Синклитикия.

Когда настал час смерти старицы Синклитикии, то единственный грех, который смогли предъявить ей бесы, состоял в том, что однажды она выпила две чашечки кофе, и то без сахара, и более ничего. Обретя столь великую свободу, старица Синклитикия взшла на небеса и ликует вместе с преподобной Филофеей близ Чертога Христова.

Король Оттон и королева Амалия

Пирей не был таким, какой он сейчас. В нем не было стольких домов и стольких людей. Сначала в нем жили в своих хижинах люди, переселившиеся с островов Эгина, Идра, Спетсии.

Король Оттон, исповедовавший протестантизм, решил построить в Пирее церковь своей веры. Островитяне, стоявшие за Православие, не хотели этого, но король, вопреки их воле, велел строить церковь, – ту, которая сейчас во имя Святой Троицы, с приделом Святого Георгия. Наши предки поняли, что этот неправославный король хочет забрать себе церковь монастыря Святого Спиридона. Поэтому они объявили королю войну, сказав, что если он не перейдет в Православие, они убьют и его, и королеву Амалию. Король счел, что это детские угрозы, но говорили с ним отнюдь не мальчишки, а православные христиане. Возмущение святых подвижников достигло стен Анаплия⁶.

Сел король на пароход (а тогда у пароходов были колеса с лопастями вместо винта и их поэтому называли «крылатыми»). Пароход прибыл в Пирей и пристал в бухте Святого Спиридона, потому что гавани тогда еще не построили. Отцы закричали: «Не бывать здесь западной церкви! Мы православные! Пусть иностранцы будут в другом месте!» Посрамленный король поднялся на пароход и с позором покинул Пирей.

Латиняне тем временем, несмотря на возражения, построили свою небольшую церковь на углу улиц Филона и Нотараса. А ту церковь, которую строил Оттон, православные освятили во имя Святой Троицы, чтобы постыдить латинян. Наши отцы-простецы говорили, что Святой Дух от Отца исходит и на Сыне почивает.

Мне об этом рассказывал, когда я был еще маленьким, дядя, уже совсем ослепший. У него из глаз текли слезы, когда он говорил:

– Как тело не может жить без души, так и мы, ромеи, не можем жить без православной веры.

Все эти воспоминания я сохранил и передаю вам, чтобы успеть до кончины.

---

⁶ Анаплий (правильно Навплион) – первая столица греческого королевства.

Монастырь Святого Спиридона и церкви Пирея

В Пирее, прямо на морском побережье, находится большой монастырь Святого Спиридона, который в 1821 году наши отцы использовали как арсенал. В этот монастырь ходили наши поработанные предки, прося Пресвятую Богородицу освободить Свой народ от рабства. Большая глиняная чаша из монастыря и сейчас хранится в доме нашей свояченицы Илиадены.

Этому монастырю принадлежали земли до самой горы Каравы, где находится монастырская метохия вокруг церкви Живоносного Источника. В этой церкви была чтимая икона святого Димитрия, которая, начиная с вечера праздника святого Димитрия и до вечера следующего дня, святого Нестора, источала елей. Поэтому святую икону прозвали Святой Димитрий Елеоточивый. Эту икону считали своим знаменем освободители Греции от турок. Баварцы, которые пришли сюда и упразднили монастыри, не верили в чудеса. Они заперли икону в отдельной комнате, но из нее все равно ночью побежал елей. А затем все монастырское имущество было описано и конфисковано, и где сейчас эта икона – никто не знает.

Ниже, где проходят трамвайные пути, стояла церковь Святой Параскевы. Эту церковь снесли и построили завод, чтобы делать гвозди. Но люди увидели старицу – это была сама святая Параскева – и, устранившись, не пошли на работу. Завод закрыли, и с тех пор он стоит запертым.

Рядом с церковью Живоносного Источника есть пещера. Там поселилась благоговейная и богобоязненная монахиня из Константинополя – Анастасия. Она собрала со всей округи нищих детей и стала учить их грамоте. Но ненавистники монашества, опасаясь, что монахиня начнет всех призывать к иночеству, стали гнать ее, обвиняя в колдовстве и гаданиях, и закрыли церковь. Одни хозяева церкви увидели Пресвятую Богородицу, и, убоявшись наказания, зажгли свечу перед святым престолом.

После этого из Иерусалима прибыл монах Мелетий, совершавший непрестанную молитву. Взирая на его добродетель и самопринуждение, благоговейные люди Пирея приняли его, и он поселился в пещере. После введения западного календаря, он, находясь как иерусалимский монах под защитой патриарха, свободно ходил по всем храмам и домам и утверждал христиан в правых догматах и преданиях Единой Святой Соборной и Апостольской Православной воинствующей Церкви.

Потом занедужила нищая и болезненная монахиня Евпраксия, но ей негде было жить. Ее взяла себе землевладелица, госпожа Яннина, и поселила в пещере при храме Живоносного Источника. Когда монахиня была уже при смерти, она позвала благоговейных иеромонахов совершить соборование. Когда же отец Евгений Дионисиатис и отец Артемий из Ксиропотама вошли и обнаружили святой престол, то возликовали от радости: «Что же это? Что же это?» Монахиня рассказала обо всех событиях и в конце прибавила: «Извещена, известена». То есть она видела Пресвятую Владычицу Богородицу, известившую ее обо всем.

Произнес отец Евгений и такие пророческие слова: «Святой Григорий Богослов нашел в Константинополе небольшую церквушку и из нее возвещал святое Православие, и благодаря этому мы сегодня православные. И из этой пещеры с церковью Живоносный Источник (там бежит святой источник и до сего дня), метохии упраздненного пирейского монастыря во имя простеца святого Спиридона, проповедовавшего Православие с помощью плитки⁷, будет по всему миру проповедано святое наше Православие».

Так и случилось.

---

⁷ В его житии говорится об изъяснении святителем Спиридonom на I Вселенском Соборе таинства Святой Троицы на примере сырой керамической плитки (кирпича, плинфы), из которой при сжатии истекла вода и вышел огонь.

Священники из Пирея

В воспоминаниях у меня перед глазами стоят, как живые, все святые люди и их дела, которыми я восхищался с первых лет жизни. Я вспоминаю любовь наших отцов и плачу.

В Пирее было множество островитян. Приход храма Святого Николая состоял из общин жителей с Идры и жителей со Спетсиев. Там, где я воспитывался, проживали в основном люди с Эгины и община их называлась эгинской.

Священники так любили друг друга, так поддерживали, с таким благоговением относились к своим обязанностям, что не забуду этого, пока жив.

Священник нашего прихода родился на Эгине. Он охотно разрешал мне во время проскомидии подержать дискос, на котором лежали две просфоры. Эти просфоры он брал прямо со святого престола и с умилением давал мне подержать. Как только я брал в руки просфору с изображением святого копья, слезы рекой источались из глаз моих. Священник начал проскомидию во время чтения канонов, а заканчивал на великом славословии. Мне он говорил: «Ты видишь, чадо? Просфору можно разломать пополам, поэтому она означает две природы Господа нашего Иисуса Христа – божественную и человеческую. Она круглая – то есть обозначает безначального Бога, ибо, как круг не имеет ни начала, ни конца, так и Бог вечен и бесконечен. Всесвятой Бог ради спасения человечества воплотился и стал Человеком, не отступив от Своего Божества. Он воспринял плоть от Пречистой Присно-девы Пресвятой Богородицы. Просфора символизирует и Ее всесвятую утробу, из которой неизреченным образом изошел Господь наш Иисус Христос. Поэтому из этой просфоры изымается только одна частица-Агнец, и больше никакая. Священнику строго запрещено служить на одной просфоре.

Из другой просфоры вынимается частица в честь Пресвятой Богородицы. Эта частица треугольная, ее возлагают прямо рядом с Агнцем, с правой стороны, что означает любовь Пресвятой Богородицы к Богу и Бога к Пресвятой Богородицы – второй по славе после Святой Троицы. Поэтому все, чего ни попросит Пресвятая Владычица наша Богородица у Сына и Бога нашего, то сразу будет дано нам, многогрешным.

А слева от Агнца возлагаются девять частиц в честь девяти чинов ангельских, которые молят всеблагого Господа о спасении нас, грешных.

Ты видишь частицу над святым копьём: она – ради всех душ живых и умерших. Я слежу, чтобы все, кого поминаю, были православными христианами, чтобы они по всем правилам соблюдали установленные Церковью посты, в Сырную седмицу не ели мяса, потому что правило определяет: «Те, кто вкусили мяса в эту седмицу, пусть не причащаются весь пост, а приобщатся только на Пасху».

Проскомидия начинается с тех усладительных тропарей, которые читает на правом клиросе чтец Витивилий. Они возносят мою душу от земли и провожают ее на небо, в невещественные миры помыслов о Боге. Завершаю я проскомидию как раз на славословии, когда все уже собрались в храме, чтобы воспринять благодать и ощутить благоухание кадила Предложения, как и толкуется слово «проскомидия». Так же и твои дядьки-пастухи, оставив своих овец и коз, пусть обоняют этот прекраснейший фимиам».

Вот какие душеполезнейшие слова говорил мне священник. Столь сильным было его благоговение, столь огненной была вера и столь искушенной – любовь ко Владыке Христу. Не только он, но и все пирейские священники давали советы и наставления детям и вели их своим светлым примером по пути добродетели.

В храме Святого Василия служил благоговейнейший ученый священник. К нему прибегали, словно жаждущие елени к источникам водным, все жители Пирея, только бы услышать его проповедь. Когда принц Константин в день памяти святого Димитрия отвоевал

Фессалоники у турок, мы радовались всем миром. Но лицо отца Георгия было мрачным. Он сказал своим слушателям:

– Принесите мне газету.

Ему принесли газету. Он свернул ее, как воронку, и со слезами на глазах сказал, показывая на раструб: «Взгляните: этот широкий раструб – путь, по которому сейчас идут все люди. Блажен тот, кто идет здесь (и он показал на устье воронки), по темному и тесному пути Христовой нравственности. Люди будут жениться в четырнадцать лет и умирать в восемнадцать. Все изгонят из своих домов Христа и поставят дьявольское зеркало, что предсказывал еще Папулакос, выступая перед вашими родителями-островитянами. Я скоро умру, но обязан вас предупредить как клирик святого храма Василия Великого».

Эти слова до сих пор звучат у меня в ушах, и лица отцов никогда не изглядятся из моей памяти.

Отец Герман

(из письма)

Возлюбленные чада Владыки Христа, радуйтесь о Господе, Которому вы следуете от всего сердца.

Мы недавно прочли много книг, но особо, как во время впечатлительной юности, нас привлекла книга отца Германа под названием «Евангельская труба».

В конце нее он писал: «Теперь, вернувшись из изгнания, куда нас отправил Оттон, разрушивший, несмотря на общее недовольство, 450 монастырей Греции, мы возобновляем издание газеты «Евангельская труба»».

Мы были еще маленькими детьми, ходили в храм Пророка Елисея и там услышали от отца Планаса об этом святом муже – отце Германе.

Когда отец Герман, вернувшись из ссылки, сошел на берег в Пирее, пирейцы и афиняне подхватили его на руки и несли до самых Афин.

Он в конце каждой речи прибавлял: «И дурачки заговорят». И дурачки слушали его поучения и эту присказку – «И дурачки заговорят».

Когда шествие достигло рынка, где стоит храм Пресвятой Троицы на Пирейской улице, отец Герман вырвался из рук верных и подошел к акации. Этой весной листья на ней почти все опали и на каждой ветке осталось не больше шести. И, надо сказать, он заявил тогда: «Столько будет христиан, когда явятся дурачки».

Подумай теперь, кто эти дурачки?

Они живут в России, живут по всему миру и в благословенной Греции. Нас, христиан, мало, как листьев на акации, но истинные христиане всегда красуются благодатью, их силы не увядают, и они передают живительное исповедание другим. Всегда причащайтесь Святых Таин. Любите сердечную молитву, которую называют умной: она – привязанность вашего сердца к сладчайшему имени Господа нашего Иисуса Христа.

Как говорит святой Иоанн Лествичник: «Именем Иисусовым бичуй врагов»⁸.

Когда вы соделываете труд молитвы, тогда вкушаете ее сладость.

Сторонитесь человеческой суеты, ведь есть даже поговорка: «Скажи мне, с кем ты дружишь, и я скажу, кто ты таков».

Всегда внимайте обличениям и смиряйте себя перед другими.

Когда вы соделываете эту духовную работу, вы сразу видите ее пользу. Поэтому всякий раз тогда молитесь за меня грешного.

---

⁸ Лествица, 20, 6.

Афины вчера и сегодня

Один духовный наставник⁹ рассказал мне такой случай. Однажды вечером он ехал уставший из Коккинары с торбой за плечами, чему он научился у своего блаженного старца со Святой Горы. Только он сошел с автобуса в Афинах, уставший, голодный, согбенный от изнеможения, как начался ливень. Все афиняне вмиг разбежались. Старец тоже забежал под козырек большого здания и там увидел двух мирских ученых, которые посмотрели на него с едва скрываемой усмешкой. Духовный человек в простоте сердца сказал им: —Добрый вечер. Все ли у вас в порядке? Они сделали вид, что не замечают его. Тогда монах продолжил:

– Как удивительно! Мир презрительно смеется над человеком, а человек в душе и осмеивает, и оплакивает этих мирян, потому что они даже не знают, куда нужно направляться, хотя живут в Афинах, в XX веке, получив там образование.

Ученые люди, услышав эти слова, изобразили полное равнодушие. Они стали даже не как дерево, ибо дерево подвластно огню, но – как камни. Монах начал говорить им, что он родом из Афин и что сидел в тех же аудиториях, в которых потом сидели они, когда он уже оставил и Афины, и всю мирскую суету. Также прибавил, что в годы учения преподаватель однажды взял его за руку и показал все важнейшие места и уголки святого града Афин, прибавив: «Когда ходишь по этим местам, вспоминай наших отцов, как они, голодая и изнемогая от бед, освободили святые Афины».

– Поэтому, – продолжил монах, – когда я прохожу по афинским улицам, склоняю голову и смотрю в землю, вспоминая заветы моих святых учителей. Я вижу, что вы сидели в тех же аудиториях, что и мы, но ваши парасанги совсем другие (он употребил это ученое слово¹⁰, чтобы они поняли, что он не ниже их по знаниям). Мы выучили, что мы – мужчины и наш внешний признак – усы. Вы носите усы? Вижу, что нет. Мы выучили, что святейшее создание Божие – женщина и что невеста столь же свята, сколь и таинственный Престол Божий. Мы изучили и общую, и церковную историю. Мы узнали, что тело человека без души мертво. И у каждого грека, тем более если он почитает себя образованным, есть тело – народ и его история, и есть душа – православная вера. Ради нее наши отцы шли на бой со словами: «За Христа, за святую веру».

Старец проговорил со своими собеседниками больше часа, и вокруг них уже успели собраться молодые люди, насмехаясь над всеми и отпуская непристойные шутки. Ученые не знали, что теперь делать, а монах продолжил:

– Видите, они сошли со школьной скамьи, не зная ни о святости, ни о святине. В нашей школе не было средств ни на окна, ни на двери, чернила делали мы сами из маковой соломки, а класс освещали одной свечой. Но люди выходили верующие, благоговейные, почтительные к другим. А теперь в тех же аудиториях сидят новые люди, у которых нет ни единой мысли о Православии и о Греции. Где теперь Иоанн Макрияннис? Где Гривас Пиреец? Где Караискакис? Они встали на борьбу за свободу Греции, они пролили кровь ради будущего страны, чтобы сохранился залог православной веры. Они знали, что вера – основа жизни всего нашего народа. Ведь он был в рабстве четыреста пятьдесят лет, но вышел из рабства с чистой душой, ибо соблюл душу и тело так, как велел Всеблагой Бог в Новом Завете.

Больше духовный человек ничего не успел сказать, потому что к толпе подошли полицейские и народ испугался «суда Линча». Поспешно удаляясь, ученые прокричали, обернувшись:

---

⁹ Речь явно идет о самом отце Хрисанфе. – *Примеч. греч. издателя.*

¹⁰ *Парасанги* – верстовые столбы в древней Персии. Это слово упоминается только у нескольких античных историков и поэтому неизвестно тем, кто не читал античную прозу.

– Нет, вы видали?! Мы вдвоем подошли посмеяться над одним, а он теперь сам над всеми посмеялся.

Дед Димитрий, могильщик

Первым пирейским кладбищем было кладбище Святых Бессребреников, – немного выше, чем церковь Преображения. Когда было гонение, священники, чтобы возместить расходы, велели в храмах продавать свечи. Раньше свечи не продавались, их приносили богомольцы. Тогда я еще никого там не знал. Блаженный старик Димитрий каждую субботу вечером приходил на площадь в Пирее, и все ему подавали пятаки на церковные нужды (было это в 1903 году). Как-то к нему подошел полицейский и повел его в участок, а тот весело сказал полиции:

– Ну что же вы, ребята, братья мои, – я же на церковь собираю. Вы сами знаете, что ем я только хлеб, пью только воду, живу в каморке, где молюсь пред иконой святых бессребреников о вашем здоровье.

Но безжалостные полицейские избили его так, что синяки по всему телу были чернее его рясы. Об этом узнал весь пирейский базар, где его почитали, и пирейцы пошли в полицию и вызволили старика. Он пришел к моей бабушке, возжигательнице светильников, и они поговорили на арванийском диалекте¹¹, потому что родом он был с Пороса. Преисполненный радости (а печальным он никогда не был), дед воскликнул:

– Госпожа Василена (так звали мою бабушку), мне не жаль, что меня избили; жаль только, что изъяли деньги, собранные на храм.

Однажды вечером мы сидели, и нам сообщили, что дед Димитрий скончался.

Помню, как он лежал в церкви Святых Бессребреников с венчиком на голове, на двух досках, накрытый белым покрывалом. Помню его лицо, и до сих пор стоит перед глазами, как оно светилось, будто яичная скорлупа. Когда его опускали в могилу, все говорили:

– Как счастлив сейчас на небесах дед Димитрий! Святой смертью умер и теперь молит Бога за нас.

Был там Иоанн Лирида, бакалейщик из старых Коккиний, который взял с собой карандаш и лист бумаги и набросал на листе лицо умершего, подписав: «Это отец Димитрис, умерший ради любви Христовой».

---

¹¹ Эпирский диалект, впитавший множество слов албанского языка.

Лука Бефаний, подвижник

Братья христиане, послушайте о дивной добродетели и благочестии наших отцов, живших в турецком рабстве, говоривших даже не по-гречески, а по-албански, но удостоенных за простоту души дара прозорливости.

На Виллийском берегу в Аттике, в месте, называемом «Псафа», можно увидеть руины монастыря, некогда освященного во имя святого Иоанна Златоуста. В окрестностях этого монастыря были сделаны пещеры. В одной из них совершал подвиг святой человек, которого звали Лука Бефаний. Он удостоился дара прозорливости и говорил всем, кто к нему приходил:

– Будьте осторожны с чужеземцами: они придут и заберут все ваше имущество, и вы его им отдадите с письменным заверением...

И многое еще говорил, чего я уже не припомню.

Преставившийся подвижник стал желанным гражданином Царствия Небесного. Его мощи несли на себе явные знаки святости, но долгое время о мощах ничего не было известно из-за гонений, которые воздвиг на монастырь ненавистник монашества Оттон. Он не разрешал нашим отцам даже приближаться к подвижникам, творившим подвиг безмолвия в пещерах по всей Аттике.

Но Всеблагой Бог прославил Своего святого следующим образом. Где-то на Пелопоннесе один человек тяжело страдал от одержимости. Бес кричал, что не выйдет, пока не придут мощи святого Луки Бефания из Псафы в Виллиях. Как только мощи святого Луки привезли, бес закричал:

– Что тебе нужно здесь, Лука? Я не буду с тобой тягаться.

И как только болящий приник к святым мощам, бес вышел, не снеся божественной силы.

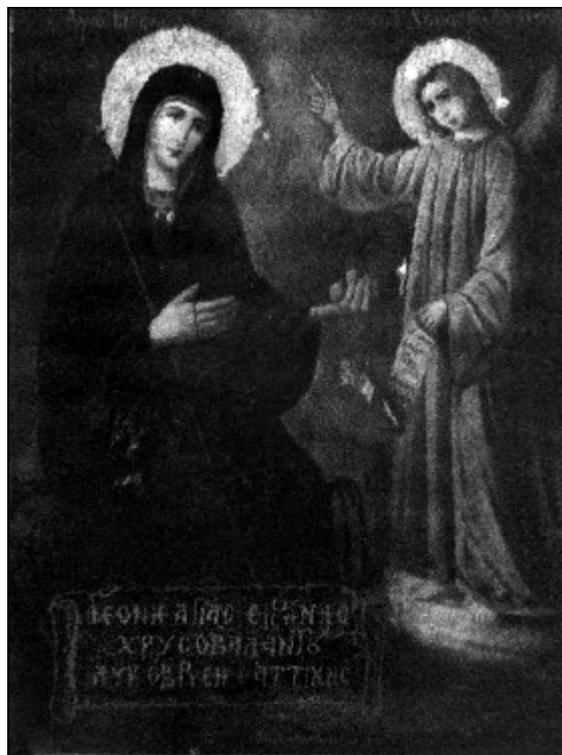
Сейчас в монастыре живет монахиня-подвижница, родственница святого Луки Бефания. В монастырь как-то привели одержимого, и бес закричал во весь голос:

– Послушай, монахиня! Дьявол много раз приступал, пытаюсь разрушить все твое дело и прогнать тебя прочь, но ничего у него не получилось. Твой предок, Лука Бефаний, не дает причинить тебе никакого вреда.

Мне не раз говорили, что призывавшие с верой имя святого Луки, – по его молитвам, получали от Всеблагого Бога все просимое. И я, как духовник людей, должен поведать об известных мне чудесах святого. Пусть все знают о славе новейших святых и понимают, сколь великие подвижники были и в нашем поколении и какое дерзновение перед Богом они обрели, о чем говорит святой евангелист Иоанн Богослов в Откровении.

Как был основан монастырь Святой Ирины Хрисоваладской

Вы спрашивали, как был основан монастырь Святой Ирины Хрисоваладской в Ликоврисии в Аттике. Многие молодые верующие хотели принять монашество. Среди них выделялись трое друзей, у которых, как говорится, была единая душа и все стремления совпадали. Эти ребята всегда были босыми. Когда их спрашивали, почему они ходят без ничего, они отвечали, что подражают Владыке нашему Иисусу Христу. Двое отправились на Святую Гору и стали монахами, а третий – епископом. Однажды один из них заболел и отправился в мир лечиться. Как-то он зашел на книжный развал и купил там старых изданий. Среди них была книга, в которой подробно излагалось житие преподобной Ирины Хрисоваладской. С благоговением молодой монах взял в руки эту книгу. Читая житие, он не переставал удивляться чудесам, которые показывает Бог на Своих избранниках. Он стал молиться святой Ирине об исцелении. Во сне он увидел святую. Она вручила ему полную горсть гороха или леденцов со словами: «Не бойся, ты проживешь столько лет, сколько тебе сейчас передаю». Монах проснулся и стал чувствовать себя лучше. Прошло несколько лет, и он познакомился с другим монахом, родом с острова Сифнос, принявшим постриг на Хиосе. Его звали Иоанникий, и наш монах попросил, чтобы он написал небольшую икону святой Ирины. Заказал он образ преподобной и на Афоне, у иконописца старца Нектария из скита Праведной Анны. Его товарищ посоветовал написать на иконе ангела, который вручает яблоки святой. Этот чудотворный образ можно сейчас увидеть в Ликоврисии и узнать, как Всеблагой Бог, по молитвам святой Ирины, соделывает самые неслыханные чудеса, которым дивятся даже неверующие.

Чтимый образ святой Ирины Хрисоваладской

Ктиторм этого монастыря стала беженка из Азии. Мать ее работала врачом, а когда она уезжала из Турции, лечившиеся у нее чиновники разрешили ей взять все драгоценности. Миновав таможню и прибыв в Пирей, она продала драгоценности и построила церковь,

собираясь освятить ее во имя Святых Архангелов. Я не знаю, как было принято решение освятить церковь во имя святой Ирины Хрисоваладской, потому что тогда я был на Святой Горе.

Расскажу вам только о нескольких ее чудесах, виденных своими глазами, чтобы вы обнаружили их во славу великой святой.

Никто из вас не сможет счесть чудес, которые святая Ирина совершила через свою икону. До сего дня не прекращаются чудесные явления, и святая не перестанет исцелять прибегающих к ней даже до конца века, ибо и впредь к ней будут прибегать с великой верой.

Однажды ко мне пришел санитар и попросил отправиться с ним в Паша-Лимани, чтобы пособоровать больную девушку. Я вошел в дом и понял, что знаю эту семью, но не придавал этому никакого значения, опасаясь людских похвал. Я приблизился к болящей и, будучи с ней знаком, сразу попросил рассказать, почему именно меня позвали совершать соборование.

Она мне рассказала: «Я тяжело заболела. Меня посадили на самолет и отправили к родителям, потому что я была уже на пороге смерти. Когда меня оставили одну, я увидела старицу, стоящую передо мной. Она меня спросила:

– Девица, ты меня не узнаешь? Я ответила:

– Я вас не знаю.

– Мой дом находится в Ликовриси, ты там спросишь про Ирину Хрисоваладскую, и все покажут, где мой дом, и проводят тебя. Там ты выздоровеешь».

Я совершил соборование и ушел, тронутый до слез. Потом я спросил санитаря, и он ответил, что девушка уже здорова.

В тот же год я сам тяжело заболел. Ко мне приходило множество посетителей. Среди них была монахиня, которая мне призналась на исповеди в сочувствии хульному помыслу о яблоке из монастыря Святой Ирины.

Я сразу вспомнил святую икону и те чудеса, которые творит Всеблагой Бог по молитвам святой Ирины. Я посоветовал ей гнать прочь из разума эти хульные помыслы, потому что их нашептывает нам враг наших душ.

Часа через два или три ко мне пришел брат навестить. Он принес с собой несколько яблок и сказал:

– Я проходил мимо монастыря Святой Ирины, и игуменья, узнав, что ты болен, дала мне эти яблоки и велела отнести их тебе.

Я сразу вспомнил про старую монахиню и спросил брата, когда именно дала игуменья эти яблоки. Он мне назвал как раз то время, в которое я посоветовал монахине не принимать хульные слова, произносимые мирскими людьми о яблоках святой Ирины.

Я пишу об этом, потому что я – самый старейший из пирейских клириков и все знают, что я по собственной воле оставил мир и принял монашество. Все знают, что, по молитвам святого моего старца, я не оскорбил и своей юности, но самоотверженно принял на себя подвиги за Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. За это я претерпел и гонения, и ссылку, но до сего дня не думал ни о чем другом, кроме как чтобы никому не быть соблазном.

Я пока высокомерен, поэтому прошу прощения у Всеблагого Бога и только об одном молю – укрепить меня в правой вере в Него. Всем я рассказываю об этом, чтобы вы знали, что чудеса святой Ирины Хрисоваладской – не обман и мошенничество монахов, но дело Божие через присутствие святой. Святая Ирина при жизни удостоилась получить от апостола Иоанна Богослова яблоко, как и святой Мефодий Исповедник. Поразмыслите над тем, сколь любила святая Владыку Христа, что удостоилась столь великой благодати и благословения.

Святой Савва Калимносский

Когда я был еще мальчиком, то отправился в Панкратий, в храм Вознесения – святую метохию монастыря Симонопетра, где тогда служил духовником отец Панарет, афонский монах из Катунак. Там же обитали два старца, происходившие из Лавры

Святого Саввы Освященного. Сначала они были отшельниками в Палестинской пустыне, а после отправились на Святую Гору, где поселились в Катунакии, в скиту Живоносного Источника.

У отца Панарета было только одно делание – давать всем уроки сердечной молитвы. Вся Греция приходила в афинский храм Вознесения, чтобы ему исповедаться. Число его духовных чад было не менее восьми тысяч. Каждый субботний вечер он служил всенощную, и все верующие молитвенники Пирея и Афин, измученные духовной жадой, отправлялись к нему на службу.

Воскресным летним днем я увидел низкорослого человека с русой бородой. Распрямив спину, он сидел под сосной за алтарем. Моя душа возликовала, глядя на иеромонаха. Но по виду он был молчальником, и я не стал заводить с ним беседу, а мои товарищи, собиравшиеся стать монахами, смотрели в его сторону даже с робостью.

У блаженной памяти отца Панарета был послушник Никодим. Вот к нему-то я почтительно подошел и спросил, что это за старец присел отдохнуть за алтарем. Он мне ответил, что это отец Савва с Афона и что он занимается иконописью.

Святой Савва Калимносский, подвижник скита Праведной Анны

Благочестивые пирейцы, ведавшие о добродетели отца Саввы, принимали его в своих домах и там же исповедовались ему. Отец Савва служил литургию ежедневно – ведь в храме Вознесения как в метохии

Симонопетра положено было служить каждый день.

Уже на Афоне я узнал подробнее, кто такой блаженной памяти отец Савва. Он родился в Бугазе, недалеко от пролива Дарданел. Еще в молодые годы он пришел в скит Святой Анны и стал послушником старца Авксентия-ложечника (он изготавливал деревянные ложки) в каливе Божией Матери.

Отец Савва был делателем сердечной молитвы, принуждая себя к ее сладости для созерцания Триипостасного Божества. Благодаря сердечной молитве он забыл обо всем и освободился не только от порочных, но и от беспорочных страстей – то есть не нуждался уже в сне, пище, крове над головой и тепле. Старец бывал во многих городах, расписывал храмы и писал иконы, но никто никогда не слышал, чтобы он брал деньги. Он служил литургию каждый день и особенно любил совершать служение в храме Вознесения в Афинах и в монастыре Святого Нектария на Эгине.

Никто не слышал, чтобы отец Савва с кем-нибудь разговаривал. Да и как ему начинать разговор, если в нем всегда обитала

Сама Святая Троица, Бог наш, к Которому он должен был обращаться словами Песни Песней: «Ты сладость всех возлюбленных Тобой и вождение ненасытимое»¹².

Калива Успения Пресвятой Богородицы, принадлежащая старцу Авксентию. Здесь святой Савва принял постриг

Не было среди людей свидетелей его таинственных подвигов. Но Всеблагой Бог, одаривший его святостью, показывает нам, что всякий человек, возлюбивший Бога, вступит во врата Его Царствия. Бог не допускает, чтобы тело, которое было союзником во всех его подвигах, было отдано в пищу червям – поэтому мощи святого пребывают нетленными, чтобы все христиане с благоговением поклонялись им и получали, по молитвам святого, все просимое, если оно для них полезно.

---

¹² См. Песн. 5, 16.

Надгробие в Кератсинии

Когда мы были детьми, в Пирее правила добродетель. От наших бабушек мы ничего не слышали, кроме того, что нужно молиться, чтобы не огорчить Христа. Примером для нас был святой Константин с острова Идры и святой Пантелеимон с острова Спетсес. Впечатления о них память хранит с семилетнего возраста.

Моя прабабушка происходила с Эгины и была дочерью Петрены Алифантис. Она хотела принять монашеский постриг, но ее похитили и против воли выдали замуж. Страх Божий наполнял всю ее душу. Тридцать пять лет она проработала возжигательницей лампад и светильников в храме

Преображения Господня и ни разу за все эти годы ни устами, ни рукой не попробовала елей на вкус. Ведь она никогда бы не посмела притронуться к церковному имуществу.

Мне и всем детям в округе она давала наставления и лечила детей, потому что у нее было медицинское образование. Денег за это она никогда не брала, приговаривая:

– Брали бы святые бессребреники, и я бы брала.

И дома, и в церковных стенах она учила нас заповедям Христовым.

Однажды с острова Тинос прибыла монахиня. Она спала на досках, чтобы ночью не ослабить духовный подвиг. На примере этой монахини нас воспитывала прабабушка и посылала помочь людям, преисполненным любви ко Христу. Она нам говорила:

– Пойдем, дети, к госпоже Константине Карайянидис, посмотрим, что она делает.

Мы подходили к ее окну и видели, что она стоит на коленях, молится, совершает земные поклоны.

Потом прабабушка говорила:

– Если хотите войти в рай вместе с ней, следуйте путем святых.

Однажды мы сидели все вместе и бабушка мне говорит:

– Чадце, выполни одну мою просьбу: сходи к церкви Святого Георгия в Кератсинии, где стоит гроб.

Босиком, забыв о том, что был голоден, я со всех ног побежал смотреть на этот гроб. Я все увидел. Но старшие меня заметили и завели со мной беседу. Они сказали мне:

– Мы знаем, почему ты сюда пришел. Послушай: сюда приходит типограф, который получает поденную плату и каждый вечер идет и раздает заработанное нищим семьям. Он ходит осторожно, чтобы его никто не заметил. Затем он в темноте приходит сюда, снимает с себя одежду и оборачивается в саван. Всю ночь он не спит. Как только начинает рассветать, он одевается и тайком уходит. Никто не знает о его подвигах, кроме его духовника.

Узнав о таких необычных вещах, я все рассказал своей бабушке. Бабушка объяснила мне, что такое смерть, Страшный Суд и воздаяние. Пока я слушал ее, слезы не переставали литься из моих глаз – я уже ни о чем не мог думать, кроме как о смерти.

Вот такими были люди в Пирее. Как только колокол бил в пять часов, церкви сразу заполнялись молящимися святыми людьми. И когда читали шестопсалмие, все рыдали, вспоминая о гробе в Кератсинии.

Наум

Я шел вдоль Пирейской гавани и увидел человека, который хватался то за правую щеку, то за левую. Лодочники думали, что он сумасшедший, другие его оскорбляли, иные били его или кидали в него камни, крича: – Наум! Наум! Наум!

Он терпел все это, словно ничего не случилось. Что же так захватило этого загадочного человека с его непостижимым терпением?

Его жизнь понимали священники из Пирея, часто с ним беседовавшие. Они ведали его тайную добродетель.

Я ни разу не видел, чтобы он ел или садился отдохнуть. Чем он пробавлялся, только он сам знал. Он всегда ходил одной дорогой: от таможни до площади Караискакиса в Целепи и обратно. Так, ежедневно ходя по одной и той же дороге с утра до вечера, он проделывал очень большой путь.

Когда я в детстве увидел этого человека впервые, то мне так стало любопытно, что я побежал к бабушке и спросил, знает ли она человека, которого называют дурачком. Она со слезами на глазах мне ответила:

– Малыш, пока я тебе ничего не могу сказать, но когда подрастешь, поймешь, что все труды этого человека – плата за райское блаженство.

Наум неожиданно исчез, явив всем свое таинственное делание. Все вдруг поняли, почему он так себя вел. Все переговаривались о том, что видели, и соглашались:

– Все это – таинственное делание Наума, теперь отведавшего райское блаженство.

Иоанн Босой

В пирейских церквах часто прислуживал один рослый человек, которого звали Иоанн. Говорили, что когда-то он был разбойником в Эгелее. Он был знаком с Константиной, матерью Караяннидиса, и со многими другими христианами, для которых он явил святой пример жизни в Боге и любви к Нему. Свят был день, когда он обратился к Богу и Отцу, вернувшись в любящие объятия и постигнув всю высоту любви Божией. В нем произошла крутая перемена, он исповедовал все совершенные им грехи, не переставая плакать и стенать.

Когда я его впервые увидел, он уже не отлучался из церкви. Он первым приходил на службу и больше всех работал в церкви. Несколько раз его забирали в суд, чтобы рассмотреть совершенные им преступления, но отпускали, видя произошедшую в его жизни перемену. Его «я» после покаяния стало другим. Он не носил уже рубища греха, но был облачен в новую одежду – убеленную и просветленную слезами покаяния. Пищей ему был антидор, и слез он проливал больше, чем выпивал воды. Я вспоминаю его и дивлюсь, как человек мог выдержать ту жизнь, которая была бы не по силам даже подвижникам в Каруле на Святой Горе. Он прибегал, как жаждущий елень, к духовному источнику древнего монастыря Святого Спиридона и не пропускал ни одной службы. Всю службу он стоял, не присаживаясь ни разу, а после литургии молча брал антидор и уходил. Этот человек был живым таинством. Все, что он говорил устами, исходило из самой его личности, точно отразившей таинственную область его благословенной души. Все восхищались его ангельской жизнью и невольно говорили:

– Этот человек – образец добродетели в наш непростой век.

Он ходил на русское Воскресенское кладбище и размышлял на могилах о суетности мира и о грядущей вечной жизни.

Внезапно он скрылся у нас из виду. Никто не знает, куда он отправился, унеся с собой свою тайну. Известно только, что сейчас этот бывший разбойник уже в Царствии Небесном, которое стяжал покаянием, как добрый купец.

Все жители Пирея знали его имя и часто вспоминали о нем.

Пресвятая Богородица Громовая и святой Стефан Пирейский

Во времена турецкого владычества остров Саламин не терпел никаких зол, потому что его защищали явленная икона Пресвятой Богородицы и мощи святого Лаврентия. Даже самые малые церквушки возводились на острове после какого-то чуда. Недалеко от храма Святой Параскевы есть церквушка, названная в честь Пресвятой Богородицы Громовой.

Когда турки бежали и наш богоспасаемый народ получил свободу, это место стало вожделенной добычей государственных разбойников, которые добились от королевского правительства передачи им всего монастырского имущества. На Саламине были просторные монастырские здания, и их отправились захватывать силой. Но только подошли к церквушке Пресвятой Богородицы, как услышали сильный удар грома. Они так испугались, что убежали и потом всем рассказывали о происшедшем с ними. После этого события церковь была перестроена, расширена и именована в честь Пресвятой Богородицы Громовой.

Когда я был маленький, то ходил прислуживать в церковь Святого Стефана Пирейского. В ее клире некогда состояли два святых архиерея. Но к тому времени службы в церкви уже не было, потому что не могли найти священника. Женщины, ходившие мимо нее, слышали плач святых архиереев. Но как только в церкви возобновилась литургия, плач святых прекратился. Когда первая литургия во вновь открытом храме подошла к концу, прихожанки внесли в корзины большие грозди винограда и стали раздавать их всем присутствующим со словами:

– Берите виноград даром. Мы вам сто коробов даем, а в нашем винограднике тысячи соберем.

Такие люди были в то время, – не то что нынешние.

Святитель Нектарий и храм Вознесения

Когда я жил в Пирее в детские годы, люди с молоком матери впитывали страх Божий. Но иеромонахам с Афона не разрешалось к нам приезжать, потому что в Греческой Церкви, по воле государства, не поощрялась монашеская жизнь. Люди приходили в отчаяние, когда видели, в какой упадок приходит монашество из-за насильственного его подавления.

Благоговейная связь поколений начала прерываться, и немногие оставшиеся ревнители благочестия образовали общину храма Пророка Елисея. Однажды утром все вдруг с радостью услышали, что прибыл епископ с Востока, из Александрии, и что его зовут Нектарий. Настала пасхальная радость.

Тогда не было ни театров, ни кинематографа, и беседы по вечерам шли только об одном – о монашеской жизни. Все воспитанные дети, имевшие страх Божий, слушали эти беседы о монашестве и не смели выйти из комнаты.

Святитель Нектарий Эгинский

Вскоре прибыл епископ. Он обосновался на Эгине, и с ним прибыли тридцать монахинь, устроивших новый монастырь.

После этого события все больше людей стали задумываться о монашеской жизни, и некоторые даже забывали о повседневных делах. В 1909 году молодежь прослышала, что в Панкратионе есть церковь Вознесения, в которой служат монахи с Афона. Все юные хри-

стиане, как жаждущие елени, отправились в церковь, подошли под благословение монахов и стали расспрашивать их, в чем суть монашеской жизни.

Надо мной в то время все смеялись за то, что я хотел стать монахом, и нигде я не мог обрести утешения. В этот год я ходил в храм Пророка Илии в Хаидарии. Там я познакомился с иеромонахом Паисием (в миру он был Никитой). Мы разговорились и выяснили, что наши мысли о христианской жизни очень сходны.

Мы стали регулярно ходить в храм Вознесения босиком, потому что были нищими. Афонцы в храме давали нам наставления и призывали к молитве. Но как молиться, мы их расспросить не успевали, потому что и молодые слишком были, и нужно было уходить после всенощной, чтобы утром выйти на работу. Мы тогда работали и по воскресеньям.

Неожиданно мы услышали от блаженной памяти Мораитидиса, певшего в храме Пророка Елисея, что человек во время молитвы должен плакать. Но способ молитвы он не объяснил, потому что был профессором и боялся потерять свое место. Однако мы, несмотря на юный возраст, многое поняли и стали плакать во время молитвы.

Когда митрополит Афинский узнал, что монахи из Вознесения дают молодежи читать книгу «Грешников Спасение»¹³, он велел немедленно выслать их из епархии, опасаясь, что в народе начнет распространяться влечение к монашеской жизни.

Позже в храме стал служить духовный муж Панарет из Катунакии на Святой Горе. Он и объяснил способ сердечной молитвы.

Я молился, ибо совесть мне подсказывала, что молитва – как панцирь, который мы видим на святом Георгии Победоносце и святом Димитрии Солунском. Как враг не мог их победить никаким оружием, так и враг наших душ не может нас повергнуть и одолеть в чем-либо. Отец Панарет учил меня воздерживаться от встреч с людьми и безутешно плакать о своих грехах. Я научился даже на работе отходить подальше от людей и предаваться плачу.

Тогда премьер-министром стал Венизелос¹⁴, и повсюду начался разгул атеизма. Атеисты, вместе с которыми я работал, увидев, что я плачу, как-то раз окунули паклю в керосин, подожгли и бросили мне в лицо.

Но все же каждый воскресный вечер все благочестивые пирейцы со всех концов поселка собирались и обсуждали, как молиться, как терпеть насмешки и издевательства, как соблюсти устав постов и прочие вещи, столь значимые для нашего спасения. Старики, давно поселившиеся в Пирее, учили нас страху Божию и объясняли, как можно терпеливо перенести невзгоды. Они приводили множество примеров из недавних времен, и так мы узнавали о людях, умерших со страхом Божиим в душе и благочестием в сердце. Зримо представляя этих людей, мы всю неделю не печалились, как бы к нам ни относились, но радовались.

Повсюду в Пирее было много юношей, возлюбивших путь монашеской жизни. Тогда было принято решение о границах приходов. Поэтому, когда юноши собирались пойти в Вознесение, на приходе им говорили, что нечего собираться в монастырь, а нужно в миру создать хорошую семью. Так постепенно угасла любовь юных к монашеской жизни и только женщины сохранили тот первый порыв.

Исповедь в Вознесении в то время принимал отец Паисий. Зная, сколь ценна для нас духовная жизнь, он дал нам, пятерым, правило причащаться каждую неделю.

---

¹³ *Аганий Ландос*. «Грешников Спасение» (1641) – подробное изложение основ христианской аскетики и этики, построенное в виде проповедей и включающее в себя исчисление страстей и способов борьбы с ними, подготовку к исповеди и изъяснение заповедей, поучения о правильной христианской жизни и стяжании добродетелей, а также в приложении – сказания о чудесах.

¹⁴ *Венизелос, Элевтериос* (1864–1936) – греческий премьер-министр (1910–1933, с перерывами), реформатор экономики, основатель и лидер либеральной партии, во внешней политике ориентировался на Францию, в отношении к Православию был вольнодумцем и вел политику ослабления влияния Церкви на общество.

Монашество в Греции не было еще многочисленным, но его новый расцвет уже начался в те дни. Именно тогда на Афон прибыло множество людей из центральной Греции. Многие из них были бедняками, – как например, Георгий Манганарис и недостойный твой духовник, пишущий эти строки.

Как-то раз мы по молодости громко разговаривали на дороге и старики нам сказали:

– Будьте внимательнее, не разговаривайте громко, но только смиренно: вы же собираетесь стать монахами. Старайтесь всегда молиться, и когда молитесь, ум ваш должен пребывать в претории, где вы видите, как Бог всех претерпевает бичевания от Своих созданий, поругания от всех народов, кроме греков. Поэтому греки – единственный народ, предназначенный полюбить Его от всей души, ибо Бог уже открыл ему Свою душу.

Поэтому на молитве будьте внимательны, не допускайте мыслей ни о чем, только о Господе Боге. Он по собственной воле предал Себя во власть римских преторианцев, которые издевались над Ним до самой Голгофы. И Он понимал, как Человек, что терпит бесчисленные муки ради того, чтобы избавить от мук людей.

Будьте осторожны, когда беседуете друг с другом: говорите только об одном – о красоте Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа. Если будете вспоминать о Нем в разговорах, станете хорошими монахами.

Пусть вас, чада мои, не смущает, что вы живете в Америке¹⁵. Поучения и советы, которые для вас записываю, позволят вам скорее достичь божественной любви. Вы можете стать замечательным примером духовной жизни для всех знающих вас православных греков. Они жаждут слово Божие, как жаждущие олени воду. Станьте, шесть ли вас, или семь, – добрым примером людям. Верую Владыке Христу, Жениху душ ваших, что вы станете таковыми.

---

¹⁵ Адресаты письма старца переехали в Америку в поисках работы...

Отец Гавриил Маликоцакис Кавсокаливит о заблуждении

Я был еще совсем молодым. Помню, всенощная в Вознесении еще не началась и отец Гавриил Маликоцакис, духовный наставник из Кавсокаливии, узнав, что все мы, прихожане Вознесения, собираемся отправиться на Святую Гору и принять там монашество, стал объяснять нам, что такое монашеская жизнь. Он сказал также, что монах, если не доверяет старцу все свои помыслы и тайно добивается добродетелей, не извещая об этом старца, может впасть в заблуждение.

Отец Гавриил рассказал нам, что один монах в Кавсокаливии решил совершать подвиг втайне от своего старца. В конце концов, диавол внушил ему, что он достиг меры совершенства, и он в это поверил, ничего не сообщив своему старцу.

Однажды зимним днем диавол ему сказал, что он достиг совершенного бесстрастия и поэтому должен подняться на вершину Афона и поклониться Святой Троице, как святой Максим Кавсокаливит.

Он вскарабкался на вершину Афона и увидел мнимое зрелище Святой Троицы, созданное перед ним бесом.

Духовник этого монаха был очень добродетелен и стяжал великое дерзновение перед Богом. И Господь, чтобы не огорчать его падением ученика, отверз душевные очи послушника, и тот увидел, как из лба мнимого «безначального отца» вырастают два рога. Тогда он понял, что впал в заблуждение, и, совершив крестное знамение, произнес:

– Велико имя Пресвятой Троицы. Пресвятая Богородице, спаси мя. Крест Христов, спаси мя силою твоей.

Представленное ему видение тотчас исчезло.

Промысл Божий сразу же известил старца о том, что произошло. Он тут же созвал отцов, они взяли лопаты, пошли на вершину Афона и вызволили послушника из снежной ямы.

Затем отец Гавриил разъяснил, что такое прелесть, – то есть представление бесами нам некоторых вещей. Его поучение я вспоминал со всеми подробностями уже когда жил отшельником в каливе Святой

Троицы и внимал, чтобы не впасть в прелесть. Также я советовался и со старцем Онуфрием, который велел мне всегда сторониться бесов, – ведь они могут ввести в заблуждение даже тех, кто одарен прозорливостью. А от других отцов я слышал, что лучше быть одержимым бесами, чем впасть в прелесть.

Не предупреди меня старец Онуфрий, я бы впал в бесовскую прелесть из-за моей гордыни. Что я гордец, понял мой друг Дионисий, достигший совершенного послушания. Когда я отправился в субботу причаститься, он мне сказал:

– Лучше ступай немедленно к своему старцу.

Что я стал гордым, поняли и другие отцы и начали меня порицать. Отец Нафанаил, духовник многих афонцев, сказал мне:

– Обязательно скажи своему старцу, отцу Онуфрию, чтобы он тебе дал съесть мясо в Великую Пятницу, только тогда, наверное, ты смиришься.

Так заступничество духовника и помощь со стороны всех скитских отцов освободили меня от прелести.

Метохия Вознесения становится маяком для ищущих монашеской жизни

Вседмицу святых жен-мироносиц ум мой обращается подле Гроба Спасителя нашего Иисуса Христа. Я думаю о том, как эти слабые и немощные женщины не испугались ни воинов, ни Пилата, ни книжников, ни фарисеев, ни толпы иудеев, возненавидевших Самого Господа нашего Богочеловека Иисуса Христа. Прежде всего я размышляю о любви святой Марии Магдалины. Увидев Воскресшего Господа, она, не переведя дыхания, побежала к святым апостолам, чтобы привести их, как жаждущих на водный источник, к Святому Гробу, дабы и они не лишились животворных крестовоскресных вод. Любовь не молчит, но всегда возвещает о своем исполнении.

Святые мироносицы для всех женщин стали примером не отступать от созерцания сладчайшего лика Спасителя Христа.

Против Христовой веры воздвигалось множество гонений, но женщины всегда становились путеводительницами, указующими другим путь девства. Они взирали только на Спасителя, имя Которого любимо всеми верующими в Него. А сколько женщин избрали монашеское жительство, преподанное святому Пахомию архангелом Гавриилом!

У нас в Греции в годы правления Оттона закрывали монастыри и заставляли монахов жениться на монахинях, и много другого зла причиняли. Современные историки подробно все это исследовали и описали.

Множество монастырей было уничтожено. Но в 1909 году, когда гонители монашества готовы были торжествовать новую победу, внезапно в Панкратионе прославилась церковь Вознесения Христа. Именно в ней стали рассказывать о монашеской жизни изжаждавшимся душам жителей Афин, Пирея и всей Греции.

Первым афонцем в Вознесении был построивший храм отец Нил. За ним прибыл со Святой Горы из Катунакии отец Яннис Димитриадис, послушник отца Даниила, вместе со своим родным отцом Иеронимом из Симонопетра.

Они стали читать проповеди об иноческом житии, и тотчас юноши и девушки стали жить у себя дома, тайно от всех, монашеской жизнью. Когда об этом узнали, против проповедников святости началось гонение. Они были вынуждены вернуться на Афон, в обители своего покаяния. Но в 1914 году из Катунак прибыл другой духовный наставник, отец Панарет, до этого живший в каливе Живоносного Источника. Но так как и он был выслан обратно на Афон, то монастырь Симонопетра решил прислать в метохию отца Матфея, который вместе с отцом Иеронимом совершал постриг монахинь на дому. Все эти монахини строго соблюли обеты, данные при пострижении.

Но и отца Матфея разными способами выжили из Вознесения. Усердствовал в этом какой-то прихожанин по имени Евангел, почти не скрывавший свою неприязнь ко всему монашеству и к отцу Матфею.

После этого отец Матфей основал женский монастырь в Кератье, монахини которого достигли святости. Они ушли из мира, дав зарок – отсечение собственной воли и собственного помысла.

Об одной из них я сейчас расскажу.

После очередного гонения на монашество она поселилась в миру. Стала прислуживать в обычном приходе вместе с другими монахинями. А среди певчих там был юноша, чей голос звучал, как у соловья.

Дьявол, по своему обыкновению, стал обращать ее внимание на голос певчего. Но она ответила этому помыслу, молитвенно вспомнив Жениха-Христа: *Красен добротою паче сынов человеческих»*¹⁶.

После этих слов она вновь ощутила в сердце неизглаголанную радость. Всю литургию ум ее пел то, что она прочитывала: молитвы, тропари. Она услышала и сладчайший голос, сказавший ей:

– Я с тобой всегда, не бойся, но имей дерзновение ко Мне. Ибо Я Жених души твоей, Господь всех Небесных Сил, всего лика святых и прежде всего воинства Моего – тех, кто в ангельском чине. Поэтому говорю: не бойся и в час мученичества не страшись смерти, потому что смерть эта станет жизнью вечной.

Она благоговейно подняла взор и увидела икону Владыки Христа. Его всесвятый лик был исполнен радости и ликования.

Когда же она отправилась к причастию (а причащалась она, как велел духовник, постом в субботу, которая тогда была кануном Крестопоклонной, и в воскресенье), то почувствовала в своем сердце неизъяснимую радость. Душа ее взывала:

– Забери меня, Женише Небесный, забери меня.

В ответ же прозвучал голос:

– Совершай подвиг, чтобы изгнать из себя навсегда эгоизм, превозношение и надменность, приложив все силы, и тогда воспаришь, как чистая горлица, в Царствие Мое Небесное.

Когда я услышал этот рассказ, то не мог слова вымолвить, а только размышлял о том, какие высоты мне открывало послушание, когда я был в скиту Святой Анны и слушал небесные поучения моего духовного отца Онуфрия. Теперь же, когда я опять в миру, не знаю, человек ли я или игра природы.

---

¹⁶ Псал. 44, 3.

Тяга к монашеской жизни

(из письма)

Я совершил множество зол – и телом, и душой. Молите Всеблагого Бога, чтобы Он спас меня Вашими молитвами.

Когда я был маленьким мальчиком, все меня гнали, называли сумасшедшим и пустым человеком из-за того, что я бросил работу на железной дороге, чтобы стать монахом.

Прежде всего на меня обрушились с преследованиями в Пирее семейства Врихоропулоса, Контраненаса и другие. Они были недовольны, что Елена и другие дочери богачей ходят учиться способу молитвы к босоному, всеми презираемому мальчишке, хотя тот и не говорил ничего от себя. Утешали меня только несколько человек из прихода Святой Софии, которые радовались, видя, как я беседую с их детьми. Эти дети потом выросли и стали монахами и монахинями.

Однажды презираемый всеми Христ взял свою котомку, с которой всегда ходил, и отправился через Колокинф в храм Святого Василия (где теперь кладбище), чтобы зажигать лампы. Он проходил мимо Лисьих Нор, – сейчас там Третье городское кладбище, а тогда росли лучшие виноградники. Вдруг он поднял глаза и увидел вдалеке двух высоких мавров. Он спросил про себя, как учил его духовник: «Ты наш или из чуждых?»¹⁷ – и начал творить умную молитву. После молитвы он обрел такую духовную силу, что смог поднимать тяжелые камни, которыми можно сразить любых врагов.

Потом он рассказал обо всем случившемся духовнику. Духовник ответил ему со слезами на глазах: «Понял ли ты смысл сказанного в Псалтири: *несть в смерти поминающий Тя?* Поэтому Всеблагой Бог и попускает нам видеть гнусных врагов, чтобы мы усилили сердечную молитву. Молитва – это панцирь духовной брони. Панцирь нельзя пробить даже пулями, потому что таковы его свойства. Умственный враг представляет чувственным образом разных людей, чтобы утратить нас. Но если на нас надет панцирь смирения и молитвы, все действия врага останутся только с ним.

Так и в час разлучения души с телом, если душа сильна в сердечной молитве, она будет радоваться и ликовать.

То, что ты претерпел, чадо, было по Промыслу Божию, чтобы божественная любовь наполнила все твое сердце. Помолись и за меня, жалкого своего духовника.

Молись с большой любовью Небесному Жениху нашей души Христу, чтобы Он пришел скорее и вселился в сердце наше со Отцем и Святым Духом».

Итак, с детства я хотел стать монахом. Народ Пирея не желал, чтобы я встал на этот путь. Более всего упорствовала семья нынешней игумении Евфимии: они так боялись, что их дочь тоже станет монахиней!

Я притворился сумасшедшим и таким образом избежал тех обязательств, которые на меня налагали.

Последним местом моей работы была аптека, где я продавал ароматные масла. В канун Лазаревой субботы я проработал двенадцать часов и ушел навсегда. Мне было тогда, наверное, лет шестнадцать. Я думал, что если освоюсь на работе, то уже не захочу уходить в монастырь.

Я сказал «весь народ», но тогда народ в восточных областях был один, а в западных – иной. Меня уже издали увидели и осмеяли. Хорошо еще, что удалось продать одежду за двадцать пять франков.

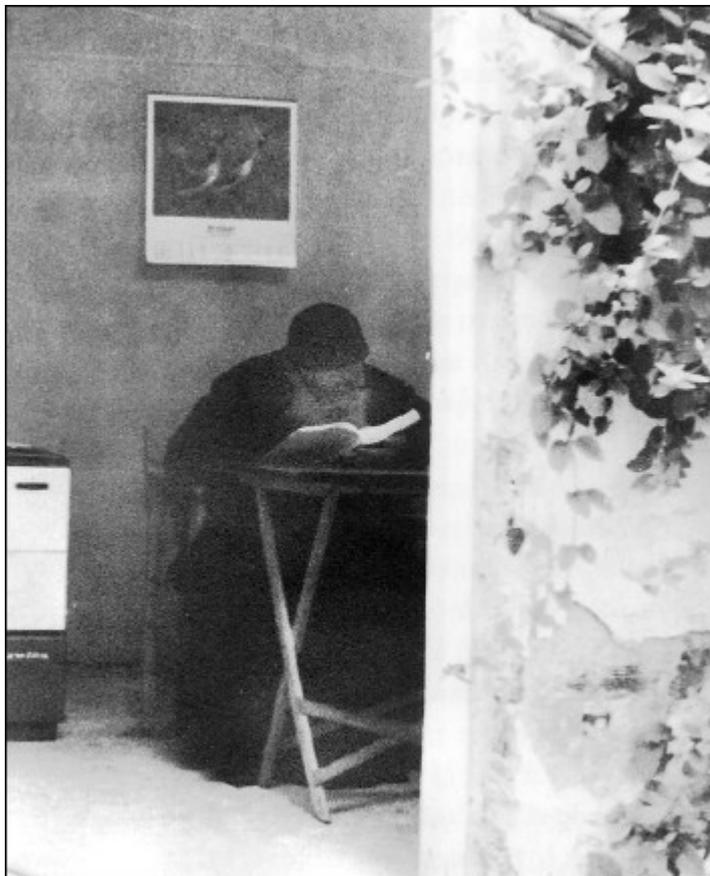
---

¹⁷ См. Нав. 5, 13.

Я все оставил и прибыл в монастырь. Но по болезни глаз меня отпускали каждый год подлечиваться; я стал писать святые иконы для городов и сел, где бывал.

Все, что я слышал на Афоне от отцов, то передаю юным душам. Прежде всего, я много знаю об игумении Евфимии, которая, благодаря смиренномудрию, достигла высочайшей меры. Ее родственники прилагали много усилий, чтобы мы никогда не виделись, но Всемо-
гущий Бог устроил так, что мы даже беседовали с ней.

Часть вторая Афонские рассказы

Старец Хрисанф

Начало монастырской жизни

Монастырь Симонопетра

(из письма)

Чада Пресвятой Богородицы, радуйтесь, ибо вы – под святым Ее Покровом. Как раз в это время года я и прибыл на Святую Гору. Когда я взошел на пристань в Дафну, там стояло много отцов и они мне начали советовать разные монастыри.

Сначала я прибыл в скит Праведной Анны. Но уже на следующий день сел в лодку и меня переправили в Кавсокаливию. Отцам я сказал:

– Здесь я жить не буду, потому что первым монахом, с которым я познакомился в Вознесении, был монах Иероним, и я обязан поступить в Симонопетру.

В Симонопетре я оказался в понедельник. Увидев монастырь еще издали, я обрадовался, как ребенок. Но встретивший меня монах строго сказал: «Добро пожаловать», – и более ничего. Для меня уже была отведена комната, потому что игумен был заранее извещен о моем приезде. Мне дали молитвослов в издании Кофиниотиса, который и у вас на полке стоит, и я стал читать. В девятый час меня проводили в трапезную и выдали тарелку фасоли. После велели идти в архондарик, где показали монастырский устав и список обязанностей. Теперь мне нужно было выполнять служения, в молчании и в молитве. Также мне вручили записку, в которой было сказано: «Будьте внимательны. Вы, исконные жители Греции, сейчас расколоты: одни за Венизелоса, другие за короля. Если ты станешь говорить здесь о политике, – знай, что немедленно, в ту же минуту, будешь выслан из монастыря. А если какой-то брат заведет с тобой разговор о политике, ты обязан донести об этом игумену, и он заставит его во время полиелея на глазах у всех совершать тысячи поклонов. Кроме же политики, – если ты сел и рассказываешь брату о своих былых делах в миру, о влюбленностях и разных личных грехах и вообще, если оставишь свои уроки, то есть молитву и молчание, и забудешь о созерцании, толкуя, что олива была предназначена для Ноевой голубки, чтобы масло употреблялось в святом помазании, – тогда знай, что ни одной минуты здесь не продержишься. Здесь общежительный монастырь и нужно быть предельно внимательными, а то все рухнет и потонет прямо в море.

Балконы келий в монастыре Симонопетра

Также если ты находишься на служении в архондарике и придет мирянин или монах из другого монастыря и начнет заводить с тобой разговор, взвали свой мешок себе на спину и уходи прочь.

Отец Дамиан библиотекарь и отец Иероним дадут тебе все нужные советы о деятельной и созерцательной жизни. Они объяснят тебе, что все служения духовны и что в сложных вопросах исповедания веры (славословия) звон била призывает тебя благоговейно остановиться. Какая бы скорбь ни была у тебя, с разрешения игумена, или в его отсутствие заместителя, можешь идти в каливу Святого Симона и посоветоваться с духовником отцом Матфеем, а потом скорее возвращаться на свое служение».

Я видел, как все на «Изрядно о Пресвятей, Пречистой...» брали антидор и святую воду, а после вешали корзину на плечо и шли собирать оливки.

Помню однажды, когда закончилась литургия дня святого Мины, начало уже смеркаться. А служитель в чаще, за которой мы собирали оливки, оставил меня одного, думая, что иду за ним вслед. Стемнело так, что я не видел дальше носа. Я пошел вдоль ручья вниз по течению. Увидев с высоты море, подумал, что здесь будет пологий спуск, но вдруг упал со скалы в море, едва не разбившись. Я выплыл на какой-то валун. Помыслы мне говорили, чтобы я сел на рейсовый пароход, который идет мимо Афона в Афины, и отдохнул бы в Афинах от монастырских трудов.

Когда рассвело, я нашел тропинку и добрался до оливковой рощи в Кравасари, и в канун дня святого Филиппа вернулся в монастырь. С тех пор меня из монастыря не отпускали.

Я носил дрова из сарая на кухню, в больницу и в архондарик, и у меня очень болела поясница. Когда я роптал, что устал, мне отвечали, что никто меня здесь не держит. Месить тесто – я первый, убирать комнаты – первый, встречать русских паломников – первый. В общем, у меня не оставалось сил даже на стон. Когда я разговаривал с албанцами, все следили, чтобы я не поприветствовал тех на их языке «цебен». А после опять куда-нибудь посылали.

Такие строгие требования в те годы предъявляли монахам.

Однажды, неся вязанки дров на кухню, я познакомился с благочестивым братом, которого звали Никита. Был воскресный день, но игумен нашел ему работу. Брат заворчал: «Не могу работать по воскресеньям». Игумен сразу ему ответил: «Тогда за что тебе грехи прощать?» При этих словах Никита пал к ногам игумена и стал просить у него прощения. Но игумен даже не смотрел в его сторону, и все проходившие мимо работники видели, как брат прильнул к ногам игумена. После этого, не скрывая слез, тот простил его.

После другой брат спросил Никиту, почему не разрешают ни с кем вести бесед и зачем нужно повергаться к стопам игумена. Он ответил так:

– Я видел тень мавра, который хотел похитить мое сердце и войти внутрь меня. Но как только я пал к стопам игумена, мавр лишь проскрежетал зубами и со словами «Бог милует тебя» исчез с моих глаз.

Все это я запечатлел в своем сердце. Был ли я уставший, или голодный, или вшивый (а вшей у меня в волосах было много из-за налетевших зерен, которые я не решался вычищать), я никогда не смел возражать ни одному из восьмидесяти монахов, куда бы кто меня ни направлял и ни привлекал.

На монастырском послушании

Я расспросил об этом принимавшего исповедь отца Матфея, и он мне сказал:

– Все это делается для того, чтобы монах достиг бесстрастия. Только об одном думай, не оставляй молитв, и акафиста Пресвятой Богородице, и акафиста Иисусу Сладчайшему из книги «Невидимая брань», но прежде всего взирай на смирение отцов. Блаженный отец Неофит был слеп, но его избрали игуменом и никто не смел его преслушаться. Ведь все брали пример с монахов из монастыря Дионисиат и со всех славян на Афоне. Им если игумен скажет броситься в море, – они тотчас его послушаются и бросятся в море, чтобы не нарушить обет, принесенный при постриге. И ты смотри, не отлучайся из монастыря, если хочешь стать безмолвником, а то станешь не безмолвником, а кем-то вроде тех, кто шатается по улицам.

Но я не послушался и отправился прямо в скит. И теперь я вопрошаю: «Хрисанф пропал, где мне его найти?»

Я пишу вам об этом, чтобы вы осознали высоту монашеского жительства. Подумайте о том, что, кто хочет стать монахом, должен уклоняться от встреч с людьми. Он должен быть немногословен и кроток. Поэтому, даже если Вселенский патриарх приедет к вам в монастырь и начнет празднословить, гоните его: ведь он отогнал ангела чистоты и всех хочет ввергнуть в празднословие. Святой Иаков сказал об устах, что не может один и тот же родник источать и сладкую воду, и горькую¹⁸. Поэтому будьте внимательны, иначе с вами случится то же, что случилось с Хрисанфом, когда не могли его найти.

Отец Иероним об искушениях новоначальным

(из письма)

Я был скверным ребенком. Но все называли меня хорошим мальчиком, потому что видели, что я плачу в церкви, когда другие не плачут.

В октябре уехал я на Святую Гору. Духовник, увидев, что я сутулюсь телом, но еще более кривлю душой, велел мне отправляться в большой монастырь Симонопетра – там и трудов будет много, и опытных братьев достаточно. К тому же в Симонопетре есть суровые подвижники. Я отправился в указанный мне монастырь. Ведь и первые уроки монашеской жизни преподавал мне в Афинах, в храме Вознесения, старец из этого монастыря.

Его известили о моем приходе, и при встрече он мне сказал:

¹⁸ Иак. 3, 12.

– Ты пришел стать монахом! Правильно решил. Чистые, как розы, души расцветают в монашестве. Но ты человек испорченный, и, чтобы вывести из тебя всякий яд порока, тебя требуется направить на тяжелые работы. Здесь у монахов занятий хватает: ты же видишь, что каждый день прибывают к нам русские паломники, – иногда пятьдесят, а иногда и сотня. Монастырь наш после пожара разорен монастырем Дионисиат, который сейчас мчится на всех парусах. Наш старец вместе с покойным отцом Неофитом ездили в Россию и собрали деньги, и благодаря этим сборам монастырь удалось отстроить и даже расширить. Поэтому мы чувствуем себя в долгу перед всеми русскими паломниками.

Он знал всю мою жизнь, а я молчал. Я решил остаться в монастыре, но был в смятении. Помыслы так боролись во мне, что, будь у меня десять драхм, я бы сел на корабль и уехал обратно.

Старец, упреждая мою мысль, сказал: – Почитай житие святой Ирины Хрисоваладской. Ты знаешь, что после прихода в монастырь для монашеского жития она ни разу не задумалась о бегстве из обители. Дьявол пытался сжечь ее живьем – сгорели ее одежды, но она не тронулась с места. Если бы сестра из монастыря не заметила пожара, святая сгорела бы дотла.

Ты знаешь, что во всех монастырях есть образ преподобной Марии Египетской. Знаешь, кто она? Послушай житие. Преподобная Мария была блудницей. Пока она плыла на корабле из Александрии в Иерусалим, то успела побывать со всеми юношами на корабле. Но когда прибыла в Иерусалим, не смогла войти в храм Живоносного Гроба. И тогда она дала обет Владычице Богородице перед иконой, которая сейчас хранится в пещере святого Афанасия на Афоне. Затем ушла далеко в пустыню. У нее ни старца не было, ни советчика. Сорок семь лет она страдала от холода, от зноя и от всех страхов пустыни. Самым тяжелым испытанием для нее явилось то, что вокруг не было ни одного человека, который бы просто поприветствовал ее. Она только взывала к Пресвятой Поручительнице: «Спаси мя!» Рассказывая о своих сорока семи страдальческих годах старцу Зосиме, она молвила: «Не могу даже рассказать тебе, что я перенесла, чтобы исторгнуть жало плотских прегрешений, и что я перенесла, чтобы истощились все страстные движения».

А ты только пришел в монастырь и надел черные одежды – думаешь, что будешь совершать подвиг безмолвия просто потому, что взираешь на Илариона, который служит в больнице. Да, он образцовый безмолвник, пример безмолвной молитвы. Но он отправился в Иерусалим, там сошелся со святыми людьми, а потом уже, взыскав большего безмолвия, ушел из мира и принял постриг в монастыре.

Или ты уставился на отца Матфея, исповедующего стольких людей. Он пришел сюда маленьким мальчиком, и душа его всегда была безмятежна, – эту безмятежность ты читаешь у него на лице. А ты, если хочешь очистить свою душу и вывести все яды, – терпи ругань, терпи побои, терпи гонения до тех пор, пока не почувствуешь, что в твоём сердце больше нет яда постыдных страстей.

Я только и посмел вымолвить:

– Неужели мне пока нет никакого утешения?

– Нет, что ты. Как только ты закончишь сегодня служения, которые на тебя возложат, иди к себе в келью и садись на скамью. Там, по воле твоей, ты отчаешься в себе. Поймешь, что никто из людей уже не сможет тебе ничем помочь, – только Господь наш Иисус Христос, взявший на Себя грехи всего человеческого рода. Затем раскрой «Невидимую брань», которую можно взять у библиотекаря отца Дамиана, и прочти акафист Иисусу Сладчайшему, он в конце книги.

Когда в первый день будешь читать, то в левом ухе услышишь отчетливый голос, который тебе скажет:

– Эй, безумный, обезумевший юноша, что ты делаешь здесь, в месте изгнания Адама? Ты не подумал о своих сестрах, которые предадутся блуду?

Но ты внимай только словам молитвы. И при чтении размышляй о том, что, если ты не будешь совершать подвиг уединения, как преподобная Мария в пустыне, ты не сможешь исторгнуть из своей души яд, отравляющий тебя нечистыми страстями. А, если ты не очистишься от яда страстей в нынешней жизни, бесы вечно будут преподавать тебе этот мучительный яд, говоря:

– Ты предпочитал наслаждение страстей? Теперь познай всю их отраву. Распятый направил тебя в монастырь, чтобы ты избыл страсти, но ты не смог вынести даже ничтожных ограничений. Теперь мучься во веки вечные.

Пишу все это тебя для того, чтобы ты научился на моем примере.

Пока яд, которым напитывает тебя мир, не истощился, ты должен терпеть любые неурядицы. Хорошо, что рядом с тобой другие христиане. Был бы ты один в пустыне, как бы ты совладал с собой? Если диавол начнет тебе внушать мысль о бегстве из монастыря, подумай, сколь горестен диавольский плен и какое счастье, что Христос тебя освободил. Диавол будет тебе говорить свое, а ты обращайся с молитвой ко Христу:

– Христе мой, Женише души моей, Тебя люблю и к Тебе вождеваю, даруй ми терпение, как Марии Египетской, когда была она в пустыне.

Первые уроки монастырской жизни

(из письма)

Когда мы прибыли на Афон в 1913 году, то сразу же познакомились с практикой общежительного монашества, которое без сверхусилий очищает человека от страстей. Человек не знает уже суеты, и из его сердца уходят чуждые ему, извне принесенные страсти. Ведь страсти не свойственны душе.

Родители следят за своими детьми, чтобы те серьезно относились к делу, не смеялись в чужом присутствии и ко всем относились с почтением. Они хранят их сердце, в которое вселился Владыка Христос, чтобы оно после святого крещения оставалось чистым.

Игумен меня принял и назначил послушания. Первым была работа на кухне.

Повар оказался очень опытным в духовной жизни человеком и указал мне путь смиренномудрия, объяснив, как следует пресекать своеволие и помышления.

Путь смирения приучает не колебаться в намерениях. Все помыслы, приходившие нам во время работы, мы исповедовали повару, который был иеромонахом и стал на то время нашим старцем. За образец мы взяли авву Дорофея. Всякое монастырское братство должно было являть перед опытными монахами, в него входящими, бесхитрое исповедание веры и безупречную нравственность. Те, кто в наши дни придерживаются этого правила, свободны от всякой житейской заботы. Они даже с нетерпением ждут, когда разлучатся с этим суетным миром и вступят в лик святых в Царствии Небесном.

Если вы решили стать монахами, не бойтесь трудов монашеской жизни. Ваша решительность должна вызывать в памяти змею, которая одним махом совлекает с себя кожу и оказывается совершенно обновленной. Так и вы оставили мир позади, а в монастыре обрели духовного брата – вашего духовника, который обладает тончайшим различением ваших намерений и может вас упредить в поступках.

Если он заметит какой-то изъян в вас, нужно проделать с собой то же, что делает природа. Сначала в небе начертываются молнии – то есть поучения, затем раздаются громовые удары – то есть призывы исправиться, и, наконец, хлещет ливень, то есть неиссякаемый источник слез, который очищает сердце от всех былых страстей. А сердце радуется и призывает: «Иисусе мой, сладчайшая Любовь моя».

Вот вкратце то, что хотел вам написать.

Первые поучения отца Иеронима в монастыре Симонопетра

Как-то мы обсуждали, что такое монашеская жизнь, и пришли к выводу, что если человек собирается пройти через темное ущелье, ему нужен хороший проводник.

Мне исполнилось семнадцать лет. В этот год я ушел из мира на Святую Гору. Не успел я высадиться в Дафне, как познакомился с иноками, светочами монашеской жизни, и они мне посоветовали сначала идти в общежительный монастырь, а не в скит и не в особножитную обитель.

Я исполнил то, что мне заповедали. В общежительном монастыре отцы трапезовали только один раз в день и были объединены столь крепкими узами любви, что, вспоминая об этом, я плачу.

Видя, что я устал, они утешали меня. Однажды блаженной памяти старец отец Иероним, желая освободить меня от чрезмерной тоски, помрачившей мое сердце, повел меня на кладбище. Была пятница, только что кончилась вечерняя служба. Мы шли по дороге мимо смоковниц, и я понял, что питаю слабость к свежим смоквам. Я сорвал две или три ягоды и съел их, потому что был уже час девятый. Затем мы отправились к поклонному кресту, что стоит по дороге на пристань и от которого направо идет дорога в скит Панагуды и монастырь Преподобного Григория.

Отец Иероним спросил меня: «Что написано на этой дощечке?» Я не мог разобрать надписи: буквы были древние и прочесть их было трудно. Отец Иероним сделал это за меня:

– Был один брат, который носил грузы с пристани. Враг стал его одолевать, внушая, что он понапрасну трудится, так как все равно никакой пользы от этих трудов не видно. Но тут он услышал сладостный голос, изрекший: «Тяжкие труды и пролитие пота – все, что терпят поднимающиеся по этому взвозу, – Сын Мой и Бог всяческих зачтет как добровольное мученичество. Ибо всякий монах, отсекающий волю свою и проявляющий послушание, увенчается венцом мученичества и примет великую славу и почет в Царствии Сына Моего».

Когда старец Иероним разобрал для меня эту надпись, я ощутил великую радость в душе. Мое лицо просветлело, и мне захотелось прыгать от радости. Отец Иероним тогда стал читать мне поучения об основах монашеской жизни. Эти простые беседы вложили в меня столь сильную любовь к монашескому служению, что я запоминал все, не пропуская ни единого слова.

Затем я познакомился с подвижниками. Они мне показали более высокий образ жизни, чем был в скиту, и я, не раздумывая, стал таким же отшельником.

Всеблагой Бог не оставил меня без наставника, но напротив, даровал многих наставников-подвижников. Среди них выделялся тот, кто научил способу сердечной молитвы. Суть молитвы – сподобиться на деле исполнения, по благодати Триипостасного Бога, слов Писания: *я сплю, а сердце мое бдит*.¹⁹

Какое бы делание ты ни совершал, всегда смотри, чтобы твой разум не упустил пять слов, которые назвал еще апостол Павел: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий». С истинной любовью, повторяя сладчайшее имя Иисуса, мы откроем для себя лестницу восхождения. Как сказано в тропаре четвертого гласа: «О Матери Его...»

Старец меня поправил: «Как ты это читаешь, матушки! Главное слово тут «Господи»».

---

¹⁹ Песн. 5, 2.

То есть, когда мы произносим сладчайшее имя Владыки Христа, мы должны равняться на птиц небесных, которые сладостно поют, но при этом глядят, как бы ни прилетел коршун и ни схватил какую-нибудь из них.

Так что ты молись всеми изгибами души, чтобы все твои чувства прославляли Бога. А то диавол подступит сзади и, зацепив тебя за твою надменность и высокомерие, лишит неодолимого любовного стремления к Богу. Ты будешь, как горлица в когтях у коршуна. Горлица непорочна во все дни и тихо сидит в своем гнезде. Но, хотя она не знает забот и безмолвна, прилетает хищная птица, хватает ее сверху лапами и взмывает ввысь. Хищник знает, что хватать ее нужно за голову, иначе, если схватить ее за крыло, она может вырваться в воздухе.

Так и диавол, видя, что ты безмолвствуешь, внезапно является и пленяет тебя, схватив за голову, то есть – пленяя твой ум и разум. Он раздирает тебя, лишая чистых и безупречных помыслов и всевая нечистые помыслы, и, если не остеречься их, ввергнешь себя в страсти.

Поэтому смотри, ищи хорошего руководителя, чтобы не оказаться во тьме и не впасть в ров эгоизма и превозношения.

Жизнь в монастыре Симонопетра

(из письма старца)

Возлюбленное чадо! Всегда радуйся радостью Сладчайшего Господа нашего Иисуса, Который возрастил тебя в Саду Пресвятой Матери Своей, на Святой Горе Афон. На Афоне твоими заступниками стали великие святые: Мария Магдалина и Симон Мироточивый, ктитор монастыря.

Послушай во утешение несколько слов твоего смиренного духовного отца о монашеском опыте.

Когда я поселился в монастыре, где теперь ты начинаешь монашеский путь, мне однажды сказал старец, поставленный сторожить монастырские ворота:

– Правильно ты решил. Ты пришел, чтобы стать настоящим монахом. Послушай тогда вот что. Монастырь – это печь, но вмещает она не горящие дрова, а человеческие жизни. Каждая человеческая душа ценнее алмаза. В этой печи они очищаются, отсекая свою волю и свое помышление. Здесь восемьдесят монахов, каждый из которых может поручить тебе какое-нибудь служение. На какое бы служение тебя ни поставили, сразу берись за работу. Поставят тебя читать в церкви, – не читай, как в школе, по-ребячьи, но читай не хуже монастырских отцов. Они будут улыбаться, слыша, как ты заикаешься, но ты не обижайся. Пойди сразу к своему старцу или к отцу Иерониму, поговори с ними и облегчишь свое сердце от этой печали.

Монастырь принимает разных людей, с разными намерениями. Но что бы ни намеревался сделать монастырский житель, перво-наперво он должен отсеять произвольные и преднамеренные движения души. Чадо, если ты хочешь прожить жизнь в монастыре, всегда вспоминай змею: как она сбрасывает кожу, так и ты избавляйся от печальных воспоминаний об издевательствах и порицаниях. Тогда пребудешь в согласии с мыслью отцов, которых будешь встречать в монастыре.

Все отцы меня очень любили и говорили, что общежительное монашество предназначено для меня.

Однажды воскресным днем я перемыл все тарелки и плоски так, что они просто сияли. Пришел один старец, священник и уставщик, и, взяв в ладонь масло, измазал им глубокую тарелку из тех, что мы называем цанаки, а потом, притворившись рассерженным, стал меня стыдить:

– И ты так моешь? Как ты смеешь так обращаться с монастырскими вещами?

У меня на лбу выступил холодный пот, я весь задрожал мелкой дрожью. Посмотрев на меня еще раз, священник сказал:

– Афинский гордец, ты хоть умеешь мыть посуду?

Затем он спустился в трапезную и рассказал другим отцам о том, как я плохо работаю, прибавив в конце:

– Нам, старшим, положено следить за младшими. Иначе так и не дождемся от них смирения.

Поэтому, когда поступаешь в монастырь, старайся, чтобы такие вещи тебя не смущали. Как заржавленное железо, если поместить его в огонь, совершенно очищается от ржавчины, так и монах – от страстей в общежительном монастыре.

Если желаешь удостоиться не только дара молитвы, но и разума сердца, терпи любую скорбь. Тогда она претворится в радость, раскрыв, словно ключом, твое сердце – и ты будешь вкушать замысел о твоём сердце. Ради этой меры сердца наши отцы сначала отправлялись в общину, где учились наслаждаться беспрестанным произнесением сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа, – а не бежали тотчас в пустыню. Они знали, что нужно сперва предать себя величайшим испытаниям, и так они переполнялись сладчайшим именем Господа нашего Иисуса Христа, повторяя с наслаждением: «Иисусе мой, сладчайшая Любве моя».

Их сердце оставляло в стороне даже повседневную пищу, они не могли представить себе и малого послабления тела. Ведь они жаждали встречи с Небесным Женихом. Вот тогда-то, испросив благословения игумена, отцы уходили в пустыню ради всецелого подвига. Так поступил преподобный отец наш Симон, ктитор монастыря, в котором ты обитаешь. Послушный всякому велению, он достиг высоты созерцаний, о чем наши отцы не раз нам рассказывали.

Подумай, когда отправляешься потрудиться в наш сад, сколько человек отличилось и на работе в саду. Это послушание в монастыре презирают, но именно садовники часто достигают высоты изрядных созерцаний. Ступай в монастырь Преподобного Григория, там ты встретишься с монахом Авксентием, который сразу же после прихода в монастырь поступил на работу в сад, – от общения с ним будет тебе великая польза. Вероятно, Авксентий уже удостоился и дара сердечной молитвы, но, по своему смирению, он в этом не признается.

Сад монастыря Симонопетра. Вид сверху

Молись больше и терпи все скорби в монастыре. Терпение направит тебя в открытое и беспредельное море бесстрастия. А бесстрастие одарит тебя сердечным разумением, – этого дара многие отцы устаивают даже в наши дни.

Сам я надменен. Мне много раз указывали, что нужно пресечь свой эгоизм. Но себе же во вред я никого не слушал. Поэтому я сейчас что отверженный труп. Надеюсь только на то, что ты, из любви ко мне, помолишься за меня. От всей души уверен, что ты вкусишь все то, о чем я тебе рассказывал – каким бы лицемерным я ни был.

Желаю тебе премногого терпения, которое наделит тебя мирной радостью и всем, о чем говорит сосуд избранный в Послании Коринфянам.

* * *

Смотрю на то, что происходит в мире, и не могу совершенно взять этого в толк. Стою в недоумении: что делать, не знаю. Перво-наперво, из-за дряхлости, никак не могу ответить на приходящие письма.

Когда я был новоначальным в монастыре Симонопетра, то стал общаться со своими новыми соратниками.

Одним из них был ночной сторож, звали его, помнится, Иоанн. Однажды замесили тесто, разожгли печь, и я не смог устоять перед гороховой похлебкой. Поддавшись желанию, выпросил у брата похлебки и тайно ее съел. Затем меня заметил за этим занятием блаженной памяти отец Иероним, который, как и следовало ожидать, предпочел молчание. Но вечером, после повечерия, я ему исповедался в моем грехе, не выдержав обличений совести. Он мне сказал:

– Будь теперь внимателен. Как говорит авва Исаия: «Те, кто хотят соблюсти монашеский устав и всегда оставаться в монастыре и спастись, сторонитесь частных дружеских отношений». Частная привязанность разлагает юные души, так что они теряют себя и уже не знают, что делать в монастыре. Ты видел когда-нибудь, чтобы старец давал тебе виноград тайно от всех? Ты видел, чтобы управляющий архондариком, когда ты был его помощником, ел что-то с трапезы или тебе предлагал хотя бы одну сливу? А у него была власть, как у распорядителя учреждения, увидев тебя уставшим, дать тебе в подкрепление хотя бы каплю похлебки. Поэтому, если стремишься к спасению, не слушай даже священника, который предложит тебе съесть чайную ложку кутьи.

Иди прочь, если брат подбивает тебя обсуждать духовные вопросы: что такое монашеская жизнь, молитва, истинное безмолвие и прочее. А иначе станешь слишком дерзким. Ни стыда не будешь знать, ни смущения; позовет тебя брат в келью, ты пойдешь и забудешь и о послушании, и о правилах монашеской жизни, – все пойдет наперекосяк.

Поэтому будь внимателен, пока ты юн, как говорит преподобный Ефрем. Останутся двое юношей одни, и нечистые помыслы останутся вместе с ними.

Я слушал старца с великой радостью и сохранил в памяти его поучения. Суть их в том, чтобы распознавать свои пределы, осуждать себя и упрекать. Но хоть я и желал следовать по стопам Христовым, однако еще не научился себя осуждать.

В монастырь приходили подвижники и пустынники. Когда они видели, что я охотно выполняю все служения в монастыре, то наставляли меня, что для достижения совершенства нужно оставить общину и отправиться в пустыню. Там я смогу предаться безмолвию и в нем уже сподобиться благодати старчества.

Блаженной памяти старец отец Иероним заметил, как я смущен, и спросил меня о причине. Он слушал меня кротко, а я должен был раскрыть свои намерения и показать, в чем причина моей скорби. Когда я закончил говорить, он привел свидетельства из Писания, чтобы я никого не слушал, а иначе что угодно будет меня смущать.

– Ты ведь знаешь меня по храму Вознесения. Ну и я тебя знаю аж с 1909 года, то есть уже четыре года. Послушай мое смирение и обретешь покой.

Как раз это было накануне Рождества. В монастыре была сплошная суета. Враг сразу стал чинить мне трудности и сказал как обычно, с бесовской издевкой: «Ты видишь, что тут никогда порядка не будет? Разве не правильно тебе говорили пустыnnики оставить монастырь и отправиться туда, где безмолвие?»

Когда помыслы о пустыне вновь стали меня донимать, в феврале я оставил монастырь и отправился туда, куда вели меня мои грехи.

Я пишу это для следующих поколений, чтобы вы не подчинялись ничьим мнениям, но повиновались только тем, кто направляет вас и выводит из тьмы греха, показуя ровный путь монашеской жизни. Подумайте, вы – как только что пересаженные деревья. Вам нужно глубоко укорениться в благочестивой православной вере, соблюдая монашеский образ жизни.

Молите Бога и за меня, жалкого грешника.

* * *

Намедни получил я твое письмо. Ты писал о «нагих подвижниках» Святой Горы, которые живут в лесу между скитом Праведной Анны и Холодными Водами. Эти «нагие» отцы возводят себя к святому Петру Афонскому. Как святой Петр показал совершенное послушание Пресвятой Богородице после освобождения из тюрьмы в Самаре, так и они сохраняют послушание до конца своим духовным отцам. Пресвятая Владычица Богородица ведает, сколь преисполнены они любовью и сколь смиренны, и вводит их в лики святых ангелов. Они оставляют свое пристанище и вступают в бескрайнее море беспопечительности, которая возносит их к божественной любви.

Ты мне пишешь о незабвенных словах отца Макария. В день памяти святого Артемия за трапезой он сказал: «Ах, старец, до каких высот созерцания и божественной любви восходят эти многоблаженные старцы!»

Напишу тебе кратко. Твоя обязанность – освободиться, насколько это в твоих силах, от страстей и продолжать пока жить в монастыре Симонопетра. А когда ты избавишься от страстей, то поймешь, сколь ценна жизнь в монастыре, в котором ты и сейчас живешь. В наши дни есть духовники общин, совершающие подвиг и достигающие высот божественной любви. Я их знал с молодости.

Среди них был монах по имени Кирик. Он жил в скиту Святой Анны. Однажды он обошел все каливы, попрощался с братьями, а после оставил свою каливу, как мне рассказывал один брат, ныне покойный. Что же произошло с ним в отдаленной пустыне, не знает никто; не слышно даже, жив он или мертв.

Мы тогда были новоначальными и удивлялись его совершенному послушанию. Если блаженной памяти старец отец Иоанникий говорил ему брать корзину и идти в сад, он сразу же собирался и шел. Благодаря своему послушанию, он удостоился дара неиссякаемых слез, пребывая вместе со всеми в монастыре. А слезы – важнейший знак любви к Богу.

Он никогда не празднословил, но всегда был собран и хранил в себе непрестанную молитву. Это была уже не молитва, к которой себя принуждаешь, но молитва, проистекающая из самого сердца. Как говорил преподобный, «я сижу, а сердце мое бдит».

Учителем его в этом делании был духовник – отец Матфей. Отец Матфей построил напротив пещеры преподобного и богоносного отца нашего Симона скит безмолвия. Там он и безмолвствовал, творя непрестанную молитву.

Лицо этого брата сияло небесной славой, и люди, видевшие этот явный плод делания, прославляли Всеблагое Бога. И в монастыре можно питаться «твердой пищей», которую Бог дарует только смиренномудрым.

И ты, возлюбленное чадо Пресвятой Богородицы, помни, что всегда нужно порицать себя, сносить оскорбления от младших и не говорить, что ты закончил Ризарийскую семи-

нарию и выучился там читать книги. От тебя требуется другое – потрудиться выучить пренебесные письма монашеского жительствова. Поэтому святые отцы Григорий и Василий, когда жили в безмолвии Кесарии, говорили, что напрасно они оставили эту пренебесную жизнь в безмолвии и столько времени потратили в афинских школах на внешнюю мудрость.

* * *

Я получил твое письмо и внимательно прочел все, что ты пишешь об отце Кирике.

Если написать тебе и о других отцах, которые жили тогда в нашем монастыре, ты только скажешь: «Увы мне».

Если хочешь узнать, какими были мои сверстники и современники, то знай, что, услышав о них, ты преисполнишься смиренномудрия, будешь унижать себя днем и ночью, благодаря Божию Матерь за то, что Она исторгла тебя из мира и что ты больше не слушаешь искаженных истин семинарий. Ты теперь сам видишь, как всячески все путают в семинариях и сколь прям подвиг, который пережили многие отцы, бывшие до нас.

Ступай в библиотеку и попроси выдать тебе рукописные книги. В них отразилось все стремление к возлюбленному Христу истинных монахов. Попроси и записки монахов, среди которых был и нестяжатель отец Иероним.

Ты увидишь в этих рукописях акафисты и тропари нашим пустынным отцам. Отцы, увлекаемые божественной любовью, стяжали тончайшее знание вещей, которое соединяет любящих с возлюбленным

Господом нашим Иисусом Христом. Они до мельчайших подробностей соблюдали предания и каноны нашей Матери-Церкви.

Вас обучили способу безмолвия и молитвы. Поэтому молитесь и в точности выполняйте все, что вам велят. Не говорите, что начальник ваш только недавно стал монахом и еще не отказался от мирских привычек. Думайте лишь о том, что вы обязаны показать ему совершенное послушание. Станьте примером послушания: ведь вы – преемники прежних отцов, которые показали вершину послушания.

Был старец Анания. Блаженной памяти отец Иоанникий всегда отправлял его в Донт, и он никогда не говорил, что не пойдет. Он просто брал с собой сухарь, бутылочку уксуса и шел от Святого Димитрия до Святого Георгия, относя в монастырь чеснок и всякие овощи. Вся одежда у него была старая, а в стенах монастыря он никогда ни с кем не разговаривал.

Однажды я увидел икону святого Серафима Саровского и понял, что Анания очень похож на него. Вот какой отпечаток наложила добродетель на отца Ананию.

Был и другой монах, служивший в больнице, по имени Иларион. Он прибыл из Иерусалима. Хотя он полностью совершал все служения в больнице, но еще и в церкви был чтецом. Помню отец Иларион попросил благословения у блаженной памяти старца отца Иоанникия посадить ромашки, чтобы у болящих братьев не так все болело. Он заваривал ромашку и давал пить больным.

Никто из болящих монахов или мирян ни разу не пожаловался, что им не так прислуживают в больнице.

В этот монастырь являлось множество больных, потому что блаженной памяти Нил, который приписал наше Вознесение как метохию к монастырю Симонопетра, позаботился о том, чтобы в больнице была аптека со всеми видами лекарств. Афонские врачи пользовались именно этой аптекой.

Отец Иларион никогда ни на кого не кричал, как и другие отцы.

Рассказать ли тебе о других отцах? Они читали «Добротолубие», и слезы рекой лились у них из глаз. Ты спросишь: «Почему же ты ушел?» Я ушел только из-за моего тогдашнего высокоумия. Блаженной памяти отец Иероним мне советовал:

– Пребывай в монастыре. Слушайся своего духовника, отца Панарета, который направил тебя сюда.

Но я ушел. И теперь я вспоминаю слова святых старцев и вопию: «Что же я наделал!» Надеюсь только, что их молитвами Всеблагой Бог меня помилует.

Вот вы как молитесь? Поначалу с утра работаете и быстро устаете, но после повечерия идите в келью, присаживайтесь на лавке в комнате и пытайтесь сдерживать дыхание, чувствуя, как ум нисходит в сердце. Тогда вы обретете сокровище смиренномудрия и ликования – это плоды Святого Духа.

Так и делайте, подражая предшественникам, которые втайне хранили это сокровище.

Прошу прощения у вашего старца за мою дерзость. Нет во мне никакого добра, и прошу только молить Всеблаго Бога о спасении души.

Прощаюсь, чадо.

Подвизайся, подвизайся.

Отец Иероним – урок смирения

В наши дни святая обитель Симона Мироточивого процветала. В ней было восемьдесят монахов, живших в страхе Божиим; из них только десять были стариками. Пресвятая Богородица привела в то время в обитель много молодежи, которая ушла из мира, стремясь к истинному монашеству.

Когда двое из них вошли в монастырскую больницу, то увидели престарелого монаха, который по своей дряхлости не мог даже вымыться. Эти молодые иноки, снизойдя к его немощи, вымыли его, и старик поблагодарил Пресвятую Богородицу за то, что Она послала столь добрых монахов в монастырь. А после братия и из других монастырей у нас остались. Когда я был совсем мал, то тоже ходил туда, потому что множество отцов обители были украшены даром смиренномудрия.

Но вот Преблагой Бог попустил завистнику – врагу душ наших – испытать Своих рабов, дабы избавить их от страсти превозношения.

В наше время в обители жил один брат, отец Иероним, который потом стал игуменом монастыря, а позже духовником в Вознесении. Покойный отец Иероним больше керосина сжигал при чтении книг, чем выпивал воды. Он всегда был молчалив, потому что хранил внутреннее трезвение. Когда он еще был простым монахом, слезы часто лились у него из глаз не переставая. Он никогда не садился рядом с очагом, даже когда было очень холодно. Вообще, он не давал никаких послаблений своему телу, даже спал недолго и сидя. Язык человеческий не в силах поведать о степени его нестяжания. Он был столпом монастыря и его оберегом, преподавая урок и в больших, и малых делах. Монастырь мог гордиться этим человеком, преисполненным только смирения: он даже тайно вставал ночью и чистил монастырский нужник. Не случайно на него равнялись послушники Афона. Он, по своему смирению, всегда молчал и от себя ничего не говорил, но только показывал в святоотеческих книгах подходящее к случаю место.

Отец Иероним из Симоноетра

У него был послушник, которого смущал враг, принуждая сбежать со всех послушаний и двинуться к возвышенной жизни безмолвников. Но послушник понимал, сколь губельно такое заблуждение, и показывал предельное послушание по отношению ко всей монашеской общине.

Воин Царствия Небесного, желающий достичь меры бесстрастия, должен смирить себя до такой степени, что даже, как сказал кто-то из преподобных, если выбросят на улицу тряпку, он и ее подберет и накроет ею плечи. Нужно верить и правильно поступать, чтобы достичь меры бесстрастия. Смирennemудрый, помышляющий о том, что страсть превозношения рвет человека, как тряпку, помнит только о Господе Иисусе Христе. Как говорит апостол Павел коринфянам, нужно стать, как сор, который мир выметает и выбрасывает в отхожие места. Кто желает обрести смирение, должен помышлять о себе как об отбросах.

Один святой сказал: «Хоть ты и крещен, и миропомазан, и причащаешься, опусти нос пониже и посмотри на себя. Ты увидишь, что ты – отброс, потому что в тебе бушуют страсти, возбуждаемые превозношением».

Смирение состоит в том, чтобы всегда порицать самого себя. Смирennemудрый говорит: «Я недостойн общества людей и даже общества змей. Ведь змеи полезны для врачей: из яда делают лекарство. А от меня вообще никакого проку».

На Афоне был один монах. Он отличался столь великим смирением, что даже бесы его не трогали – их обжигал смиренный разум. Однажды он сидел на утесе недалеко от каливы Святой Троицы и болтал ногами. Как-то раз в праздник святого Дионисия целый строй бесов отправился в общежительный монастырь Дионисиат, чтобы искушать собравшихся монахов. Один из бесов, шедших в этом строю, сказал другим: «Эх, что-то тут расселась эта черная головешка. Пойду-ка его искушать».

Всеблагой Бог, чтобы преподать нам пример верного смирения, попустил бесу подойти к монаху. Искуситель крикнул ему: «Что ты здесь расселся и трясеешь ногами?» Монах ответил ему со слезами смирennemудрия: «Я ничего не могу принести в жертву Господу, сотворившему меня и приведшему на эти скалы. Поболтаю хоть ногами – может, и мне будет милость, спасительная для души». Услышав это, враг мигом исчез. Видишь, на что способно благословенное смирение.

Другой монах, когда ходил в нужник, думал, что он хуже выделений, которые оставляет в нужнике. Враг, не снося его глубочайшего смирения, как-то сказал ему: «Тебе не стыдно размышлять о себе в нужнике?»

Монах ответил:

– Да, я хуже бесов, потому что они, превознесшиеся и утратившие былую славу, стали для меня учителями смирения. Да, поистине, я хуже любого творения. Скоро я умру, и мои кости станут землей, которую станут топтать люди. Об этом и нужно мне думать, если знаю, что путь в Царствие Небесное – путь смиренных. Вот я и не могу думать о себе иначе, чем глядя в нужник. Ведь если не будет у меня смиренномудрия, оскорблю Начальника смиренномудрия, рекшего: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем.*²⁰ Если Бог до такой степени смирился, то творение должно много больше смиряться. Может быть, тогда и спасу свою душу.

После этих слов враг исчез, словно пораженный молнией. Кто хочет удостоиться небесных даров, должен думать о том, что недостойн общаться с людьми, и более того, даже с самим собой не следует общаться. Восприняв эту мысль, человек услышит сладчайший голос в самом сердце: «Я внутри тебя. Насладись божественными любовью и страстью. Ибо Я – страстная Любовь всех творений умственных и чувственных, и прежде всего – смиренномудрых людей».

Учение отца Григория повара

Мне было тогда семнадцать лет, и я осваивался в монастыре Симонопетра. Был день памяти святого Василия Великого (кажется, в 1912-м или 1913 году). На всенощной я слушал праздничную проповедь о том, что век, то есть тысячелетие, в котором мы живем, это век восьмой. Среди множества зол, которые должны наступить в этом веке, было названо и то, что монахи станут пренебрегать требованиями устава и откажутся выполнять даже самые неотменимые обязанности.

Я смутился словами проповеди. Будучи учеником повара, я побежал на кухню и там разрыдался. После трапезы повар, отец Григорий, заметил, как я испуган. Отец Григорий был святым человеком и, сразу поняв, что у меня на душе, начал поучать совсем простыми словами:

– Ты услышал чтение на всенощной и испугался, как ребенок. Но есть много способов, чтобы изгнать страх из души, среди них и такой. Когда ты находишься на кухне или в церкви, работаешь или идешь, представляй себе лицо своей любимой матери. Живо думай о ней, когда произносим на литии сходное женское имя.

Ты пришел на Святую Гору. Ты не сам пришел – тебя привел Владыка Христос по молитвам Своей Пречистой Матери. Благодать соделала тебя чадом Христа и Пресвятой Богородицы. Пусть же у тебя перед глазами постоянно будет святой лик Христа, всегда возводившего взор, по божественной любви, к Пресвятой Матери Своей.

И ты всегда должен быть един с Господом, как пламя едино с горящими дровами. Ты должен размышлять о том, что Господь сотворил все из несущего, и ты – одно из этих созданий. Тогда не будет меркнуть в тебе радость, но всякий раз, как слышишь святые имена Господа и Богородицы, твое сердце будет подскакивать в груди, словно птенец из гнезда, когда мать с радостью питает его. Птенец прячет клюв в ее перьях и весело щебечет, а мать тоже треплет его пух, чтобы поделиться своей радостью.

Так и тебе, ибо ты чадо Христово по благодати, Господь преподает в божественном причащении Пресвятое Тело и Кровь Свою, радуясь и ликуя о чистоте твоей души и непод-

---

²⁰ Мф. 11, 29.

дельной любви. И ты льнешь к Нему, как птенец, боящийся когтей ястреба, и никогда не разлучаешься с Ним. Душа твоя радуется и веселится, и даже временная смерть не сможет отделить тебя от Сладостного Жениха твоей души Иисуса, но только еще больше приблизит к Нему.

Мать наша Церковь учит всегда быть едиными со Владыкой Христом. Так, сегодня она воспевала, величая святителя Василия, такой тропарь на литии: «Христа вселимый в душе своей ради чистаго твоего жительства, жизни источниче, священнотаинниче Василие...»

Святая Макрина, сестра Василия Великого, преподала брату алфавит божественной любви. Он понял, что эта любовь не знает преград, и поэтому предал и душу, и тело на мученический подвиг, длящийся всю жизнь, – подвиг самоотречения. Он прижег все свои страсти, не упустив даже малых недостатков, и совершенно освободился от всего страстного и суетного. Он навечно стал един со Сладчайшим Иисусом, Который удостоил его высоты добродетелей и бесстрастия. Поэтому Святая наша Церковь и вспоминает святого Василия каждый год. Ведь нужно напомнить нам, монахам, лучшие примеры добродетели. Только тогда мы обречем правило монашеской жизни.

Ты пришел в монастырь Симонопетра. Если не будешь принуждать себя отсекав свою волю и свое помышление, душа твоя не сможет очиститься для вмещения в себя сладчайшей молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Если научишься совершать эту молитву беспрерывно, то столь великое пламя войдет в твою душу, что ты навсегда отринешь ветхого человека и ощутишь таинственное присутствие Сладчайшего Господа в душе и единение твоей личности с Его Лицом. Вот – дары пустыни: их удостоится только тот, кто покажет совершенное послушание и отсекает собственную волю и помышление.

Помнишь отца Досифея, начальника больницы, родом с Наксоса? Он всегда выполнял все просьбы, ел и пил только раз в день за трапезой и удостоился преподобной кончины. И ты смотри, чтобы не выходила из твоей головы причина, по которой ты оставил отчизну и пришел сюда, приготовившись переносить суровый холод и прочие неурядицы.

Поставь себе в пример того послушника, который, когда умер его старец, чтобы сохранить послушание до конца, поставил перед собой простое бревно и соделал его для себя старцем. Каждое утро и каждый вечер он исповедовался бревну. И однажды, когда послушнику грозила духовная опасность, бревно заговорило и вовремя его предупредило.

Ты рассмеялся? Иди к себе в келью и поплачь. Ты пустословил? Вспоминай о том великом преподобном, который после службы спешил сразу же к себе в келью со словами «уходим, отцы» и закрывал уста рукой. Внимай себе, чтобы в уме своем представлять Владыку Христа, Который вывел тебя из суетного мира и привел на Святую Гору.

Эти поучения повар произносил до самого дня покаяния каноников – введения папского календаря, так смутившего Святую Гору и всю нашу вселенную.

Отцы Геласий, Онуфрий и Мина о точном соблюдении церковного Устава

Я пришел на Святую Гору, будучи еще мальчиком. Там я познакомился с отцом Иеронимом, к которому сразу же проникся благоговением. Иероним был монахом в Вознесении, а затем у него возникли сложности, из-за которых ему пришлось поселиться в монастыре, где сейчас живешь ты. Многие тогда хотели забрать меня к себе. А я был любопытный и понемногу расспрашивал о разных делах святых наставников, коих доводилось встретить.

Вот, я услышал звук била и спросил, почему служка начал бить. Вижу, что отцы входят дверью напротив кухни, творят три земных поклона и прикладываются к святым иконам. Там я познакомился с пономарем Геласием, которого до этого не раз видел со стасидии, когда он зажигает свечи и лампы. Он всегда сначала крестился, затем обращался с молитвой к

святому, изображенному на иконе, а затем уже зажигал очередную лампаду или свечу, – и только обойдя весь храм, возвращался на стасидию.

Афонское било

В Пирее еще в детстве я встречал священников, которые учились за границей и впитали яд поверхностного просвещения. Они говорили, что нечего часто креститься и бить поклоны. Моя душа была заражена этими опасными поучениями, и вечером после повечерия я с усмешкой спросил блаженной памяти отца Иеронима:

– Почему свещевозжигатель прежде, чем зажечь свечу или лампаду, все крестится и крестится?

Терпеливый старец прочел мне длинное поучение, которое помню до сих пор; он объяснил мне и смысл свечи и поведал многое другое.

Я же был упрям и внутренне возмущался его словами. Наконец, он меня убедил, но до конца я все же не успокоился. А после случилось, что я перешел из монастыря, где ты сейчас пребываешь, в скит Святой Анны. Там и увидел, что пономари не только крестятся и творят поклон перед возжжением лампад и свечей, но и после этого снова крестятся и кланяются, и только затем идут к следующей иконе.

Когда на меня возложили служение чтеца, в мои обязанности вошло возжжение двух свечей перед честным крестом у правого клироса. Возжигал я эти свечи небрежно, как будто это какое-то докучное действие. Мой покойный духовный наставник, знаменитый старец Онуфрий, понял это, ибо насквозь видел моего внутреннего человека. Он знал, сколь я эгоистичен, сколь плаксиво воспринимаю любое слово и поучение и каким всезнайкой себя считаю. Как-то я подошел к нему, а у него в руках была книга огласительных слов святого Феодора Студита. Чтобы предупредить мою вспыльчивость, он просто стал зачитывать вслух поучение святого: «Будь внимателен, пахарь. Будьте внимательны и вы, отцы и братья, когда собираете оливки».

Затем поучение преподобного Феодора сразу переходило к обязанностям церковного служки: «Будь внимателен и ты, свещевозжигатель, когда зажигаешь свечи... не относись к своему делу с небрежением, но только с благоговением, представляя себе слугу земного царя и то, с каким почтением и трепетом этот слуга стоит перед своим владыкой.»

Когда он увидел, что я из-за упрямства не все из прочитанного понимаю, то начал сам мне читать поучение:

– Юный иноче, будь внимателен, когда зажигаешь свечу или лампаду, не поворачивайся спиной к иконе, но стой лицом к лицу, размышляя о том, что святые ангелы, когда

восхваляют Бога, всещедрого и всемилостивого, стоят прямо и обратив очи долу. А когда ты или любой другой пономарь заступает на свое служение, они дивятся его служению и оказывают всякую помощь. Поэтому все церковные служки получают великую мзду, когда не рассеивают внимание и следят, чтобы лампы в храме, в притворе и пред святыми мощами всегда оставались зажженными.

Внимателен будь, когда зажигаешь светильник на престоле: положи земной поклон, потом бери лампаду в руку, зажигай, а после ставь на святом престоле.

Мы сидели, погруженные в блаженное безмолвие, и старец мне объяснял, в чем состоит труд пономаря, какое это небесное служение. Он доказал, что входящие в церковь, стоящие и слушающие святые молитвы поистине восходят к небесному созерцанию и удостоиваются высочайшей благодати.

Когда я прислуживал после в скитском соборе и сравнивал служение отца Геласия в Симонопетре со служением в скиту, я удивлялся, сколь чинно совершается служба в обеих обителях. Я многократно видел, как свещевозжигатель отец Геласий, находясь на служении, плачет, как и другие пономари и даже уборщики в соборе.

На неделе совершалось три всенощные, но мы совершенно не чувствовали усталости. Лица всех прислужников светились и были сходны с ангельскими. И ты, прислуживая в храме монастыря, пономарствуя, и всякий твой служащий собрат в монастыре или в обычной церкви, когда прислуживаете, сохраняйте в сердце любовь к Богу. Тогда не будете думать о трудах, неизбежных на всенощной.

Вот о чем еще рассказал блаженной памяти мой духовный наставник. Его старец, блаженной памяти отец Мина, говорил, что в церкви пыли быть не должно. Даже если каждый день служатся литургии, нужно приходить заранее и все вычищать, а лучше всего приходить с вечера. Весь сор нужно собрать и выбросить туда, где его не будут топтать, потому что он вычищен из храма, где прежде приносилась жертва Богу всех, восприявшему человеческую природу без семени, без греха и без перемены.

Смотри, всегда убирай храм тщательно – тогда ты удостоишься небесных благодатей.

В монастыре, где ты живешь, был один пономарь, всегда точный во времени. Дьявол много раз стучался в дверь до того, как он проснется, и зажигал свет, чтобы тот встал раньше и впал в прелесть. Брат исповедался блаженной памяти старцу Иерониму и освободился, но после дьявол начал вгонять его в сон, и он никак не мог встать вместе с другими братьями. Старец тогда назначил брата его будить, и к нему вновь вернулась свобода.

То же самое произошло и с отцом Иларионом из Лавры, когда он был священником лаврского собора. Однажды он бодрствовал на всенощной, но, когда надлежало выйти в храм ударить в било, его охватил сон и он свалился. Однако же после исповеди он освободился от этого искушения. Честная глава этого священника хранится в костнице монастыря Благовещения, цвет у нее шафрановый, что показывает, сколь тяжело было ему преодолевать монастырские искушения.

Вот немного, что успеваю написать тебе. Прости мою дерзость.

Отцы Матфей, Леонтий и Даниил

Недавно ты мне писал, что слышал за трапезой чтение жития святой Екатерины и твоя душа воскликнула: «Как хорошо быть в объятиях Божиих!» Ты пожелал, чтобы я написал тебе о сути любви к Богу. Но я совершенно не испытал еще истинной любви ко Господу и только ради спасения твоей души считаю себя обязанным вспомнить поучения моего покойного старца.

Монах преисполняется любовью к Богу, когда показывает совершенное послушание и отсекает свою волю и свой помысл. Когда он отринет все мирское, руководствуясь советами

духовного наставника, тогда и ум его совершенно очистится – и не просто очистится, но воссияет, как говорит об этом Василий Великий. Ум, возлюбивший Бога, забывает обо всем и одному только внимает: как бы не потерять из виду воссияния энергий Триипостасного Бога. Когда послушник, повинующийся Богу по любви и более ни по чему, достигнет высоты, о которой говорит святой Дионисий Ареопагит, он на одно только будет взирать: как бы не утратить этой высочайшей любви, которая дается живущим в пустыне за их привязанность к Богу и за их, ради Бога, терпение клеветы, позора, скорби и прочих тягот. Как в храме поют на степенных: «Пустынным живот блажен есть, божественным рачением окрыляемым»²¹.

Мы удостоились видеть перед собой истинную любовь к Богу в том монастыре, где ты сейчас. В обители жили трое отцов: блаженной памяти духовник отец Матфей, отец Леонтий из Америки и монах Даниил. Они достигли вершин в божественной любви.

Божественная страсть любви не может насытиться. Как говорит Писание: *Весь Ты наслаждение и воздержание ненасытимое*.²² Названные монахи достигли небесной любви. Особенно отличился в воспламенении души божественной любовью старец Леонтий. Он был слеп и за сутки совершал от трех тысяч до трех с половиной тысяч земных поклонов.

Он никогда не топил печку в келье после всенощной, в отличие от прочих монахов. В то время читали первый час, а затем отцы расходились по кельям, и только через два часа звонили на литургию.

Кельи у них выходили на северную сторону; они слышали, как готовят на кухне и суетятся, и, хотя почти все время дул северный ветер, не вставляли стекла. Они готовы были переносить пронизывающий до костей холод, подвергая себя добровольному мученичеству.

Старец Леонтий был слепым, и, побуждаемый великой любовью к Богу, все время разбивал себе лицо в кровь во время поклонов. Если кто-нибудь из братьев подходил к нему и спрашивал, как он достиг столь высокой жизни, и где ныне пребывает его ум, и как это возможно человеку достичь умом огненного неба, где простор только Небесным Силам, то старец вздыхал и отвечал:

– Увы мне, чадо! Я еще не достиг той степени смирения, которая была у Адама до преслушания. Если бы я достиг этой глубины смирения, я бы смог тебе хоть что-то ответить. Только знай, что, если хочешь достичь этих высот, не иди никуда далеко, а сноси в своей келье голод, жажду, холод и все скорби (скорби перед миром, но радость перед Богом). Тогда ум монаха легко поднимется ввысь к Богу.

Вот я сижу в келье и вижу всю свою немощь. Вижу, как в душе гнездится всякая нечисть крылатая, будто осы или комары.

Комары размножаются на болоте, а осы в знойном поле. Болота – это все нечестивые страсти. Как только болота высыхают, комары исчезают. Также и бесчестные страсти исчезают благодаря строгому посту, сну на улице и прочим злостраданиям тела.

А от излишнего жара появляются осы, такие же суетные, как надменность, эгоизм и превозношение. Эти страсти можно уничтожить трезвением, самоукорением, смиренномудрием, отсечением собственной воли и помышлений и совершенным послушанием. Будем всегда взирать на Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, Который *был послушен до смерти, смерти же Крестной*.²³

Старец Леонтий произносил те же поучения и когда обращался к моим сподвижникам, ибо знал, что в сердце у них – смиренный помысл.

Один брат спросил его, как возможно стяжать сердечную молитву. Старец ответил:

---

²¹ 1 антифон 5 гласа.

²² Песн. 5, 16.

²³ Фил. 2, 8.

– Вот ты – помощник повара. Если хочешь удостоиться дара сердечной молитвы, вспомни о святом Евфросине-поваре, который терпел все и удостоился сорвать яблоки в раю и отдать их игумену.

Вспоминай и святого Григория Паламу. Когда он был игуменом монастыря Эсфигмен и однажды вышел во время чтения Псалтири из собора на кухню, то увидел, что повар заснул и пища вот-вот подгорит. Тогда он своей ладонью, как ложкой, перемешал пищу.

Также старец Леонтий учил сердечной молитве на примере поварского искусства.

– Как этот вот котел стоит на огне, так и сердце смиренного монаха, опаляемое пламенем божественной любви, забывает обо всем, думая только о единении со Сладчайшим Женихом.

Как тот повар по невниманию заснул и чуть не спалил кухню, так и бесчинный и самонадеянный монах уничтожает молитву страстями превозношения и эгоизма. И как святой Григорий смиренно подошел и перемешал пищу, не дав ей подгореть, так и послушник, подчиняющийся советам старца, не пускает в свою душу этот духовный котелок – зловония страстей.

Поэтому если ты хочешь стяжать сердечную молитву, то должен хранить послушание, рабски подчиняться игумену и быть преданным ему душой и телом. Тогда ты удостоишься сердечной молитвы, а она уже – источник богословия в твоей душе.

Помню, была Великая Четырдесятница. Один подвижник из-за дождя остался ночевать у этих трех старцев. Он был лукав и по своему лукавству хотел выведать их духовное делание. После двух часов ожидания он услышал шаги их босых ног. Присмотревшись, увидел, что все трое, старец Леонтий, отец Матфей и старец Даниил, поднимаются на верхний этаж.

Они зажгли светильник и стали читать вслух Писания. Когда они прочли: *В начале сотворил Бог небо и землю*, – то начали плакать, рассуждая:

– Что скрывает буква этих слов *в начале сотворил Бог небо и землю*? Он сотворил сначала небесные чины святых ангелов, чтобы было кому видеть все Его дела. Наш ум должен отвлечься от всего земного и обратиться от своей вещественности к неведущим Небесным чинам. Он увидит, что все Небесные Силы славословят, благодарят Троического Бога и поклоняются Ему. Мы могли бы без усталости говорить о том, что видел и слышал пророк Исаия.

Обычай этих старцев мы поддерживаем и сейчас. Мы прочитываем внимательно каждое слово, ибо в каждом слове заключается все знание об устройстве мира. Но еще поразительнее, что каждое слово скрывает в себе таинство Триипостасного Бога. Также наши отцы читали слова о божественной любви святого Иерофея, святого Игнатия и других мужей апостольских.

Ты стал афонским монахом. Если хочешь достичь высоты наших отцов, то должен направляться только к одному – к достижению неустойчивой любви к Богу. Ты послушник в монастыре, поэтому, если голоден, не бойся. Царица Небесная, Пресвятая

Владычица Богородица напитает тебя. И когда жаждешь, не бойся. Царица Небесная через ангела направила брата из монастыря идти и потрудиться на разных служениях, – так и тебя Она напоит, но – не тленной водой, которая исчезает, а нетленной, то есть божественной любовью. Если ты желаешь стяжать эту божественную любовь, принуждай себя. *Царствие Небесное силой берется*, и монахи употребляют силу.

Помолись за меня, своего старца, да избавит нас Всеблагий Бог от мятежей мира сего и да удостоит блаженного безмолвия, которое возведет нас к самой божественной любви.

Отцы из Симонопетра

Я прочел твое письмо на одном дыхании и представил все, о чем ты говоришь. В монастыре, где ты был пострижен и ныне пребываешь, отцы всегда отличались великой добродетелью.

Когда я остаюсь один, то думаю о тех, кого знал из монастырских подвижников.

Я был тогда, можно сказать, подростком, и как же восхищался их житием!

На богослужении они представляли самыми усердными, а во всех делах монастыря – первыми. О них и размышляй. Возведи очи свои и представь, сколько на пути от Дафны до монастыря оливковых деревьев. А ведь эти иноки собирали весь урожай с них.

Как-то раз монахи вышли на сбор оливок.

Отцы отправились все, в монастыре же оставались только пономари, чтобы прочесть часы и вечерню. Один брат был сбит с толку врагами нашего спасения и подумал, что, если он оставит службу и пойдет собирать оливки, будет наказан. Он поверил этой ложной мысли и не пошел на работу, а остался в монастыре ждать службы.

Отцы наши, узнав о решении брата, проявили рассудительность и терпение. Они всей душой верили, что Пресвятая Богородица известит их, кто прав.

Через несколько дней во время вечера, когда пелось «Да исправится молитва моя», брат увидел, как ангелы кадят перед стасидиями отцов, ушедших собирать оливки. Ангел подошел и к стасидии, где ждал брат, и тот заранее обрадовался, что сейчас ангел благословит и его, – но ангел прошел мимо, даже не остановившись. Когда брат спросил, чем он провинился, ангел ответил, что Пресвятая Богородица, Заступница монастыря, велела ему кадить только тем отцам, которые проявляют послушание.

Услышав такие слова, монах сразу же взял корзину и побежал исполнять послушание – собирать оливки.

Недосуг, увы, сейчас написать о многом другом, что рассказывали тогда отцы монастырские.

Ты спрашиваешь, можно ли спуститься вниз и найти келью, о которой упоминается в пятнадцатисложных стихах о памяти смертной и совершенстве. Если ты задумаешься, для чего предназначена эта келья, то поймешь, что в ней спасались люди, для нас неведомые, а перед Всеблагим Богом прославленные.

Хочешь ли послушать поучение, которое произнес библиотекарь отец Дамиан перед опытными монахами?

Он сам был святым человеком и хотел, чтобы все достигли святости. Как в древности Сократ подходил к юношам на улицах и учил их грамматике и прочим наукам, так и этот треблаженный муж, подойдя ко мне (к себе он никого не пускал), сказал:

– Очень хорошо будет, чадо, когда ты совершаешь свое служение, сидеть у двери, сдерживать дыхание и мысленно произносить: «Моя келья – гроб, и следует мне помышлять о смерти. Я должен быть смиренномудр и показывать предельное послушание. Только тогда спасусь».

Он учил меня и способу молитвы, и многому другому. Уроки эти проходили не в келье, потому что к себе нельзя было приглашать даже старца. Если старцу было что-то нужно, он тихо стучал в дверь и разговаривал с послушником.

Прежде всего он просил передать: «Простите, если вас смутил. Простите, если прервал вашу молитву и внимание в Боге».

А смиренные отцы вообще не разговаривали.

Пример духовных отцов держал перед своим взором и тогдашний библиотекарь, отец Дамиан, который наставлениями поддерживал порядок в монастыре. Поэтому пусть и

нынешние молодые иноки внимают себе и не заводят бесед друг с другом. Будем вкушать пищу только на трапезе, а в остальное время воздерживаться даже от воды. Отец Дамиан держался этого правила до самой смерти.

А писать о других отцах я пока не в силах. Монастырь пережил великие искушения: применив силу, монахи изгнали даже игумена, блаженной памяти старца – отца Иеронима, который учил нас, еще детей, восходить ввысь путем монашеской жизни.

Он был человеком кротким и молчаливым. Никогда не ложился, но спал сидя и за всю жизнь больше истратил керосина, читая по ночам, чем выпил воды. Слезы из глаз текли у него ручьями, а присаживался он только на всенощных службах, соблюдая монашеский устав.

Я садился слева в первом ряду, чтобы видеть читающих и поющих, а он – во втором.

Еще в детстве (звали его Яннакис, как рассказывали его старшие товарищи) он показывал такое послушание, что уже тогда мог бы послужить примером всему монастырю. А когда стал игуменом, я даже не могу передать, какие образцы монашеского делания он всем преподавал. Он служил литургию каждый день. Никогда не пил вина, а если, как игумену, ему приходилось пить на торжественной трапезе, то он позволял себе только омочить уста.

В его игуменство в монастырь прибыло множество молодых афинян. Некоторые были выпускниками коммерческого училища, другие закончили еще какие-то вузы. Если хочешь узнать, сколь образованными они были, попроси библиотекаря показать написанные ими акафистные службы святым. Возьми службу святителю Фессалоникийскому Григорию Паламе. Ты прочтешь ее и поймешь всю добродетель этих монахов. Но увы! Где эти времена?

После смены календаря население Афона пошло на убыль. Но эти молодые иноки, несмотря на свои годы, превосходили многих древних отцов, ибо стяжали божественную любовь.

В их среде не раздавался смех и не велись дерзкие разговоры. Все носили ветхую одежду. Если им делали замечание, они отвечали: «Наш старец носит ветхие одежды, у нашего старца слезы бегут рекой, нашего старца мы никогда не видели смеющимся или подшучивающим над кем-то. Нет, он всегда хранит внимание. Мы можем пойти к нему и исповедаться в любое время. Он всегда бдит, всегда бодр и молится. Как же мы можем забыть материнское молоко его поучений? Его пример для нас – столп и утверждение».

К отцу Иерониму стекались подвижники и пустынники. Одним из них был я. Его огорчал мой уход из монастыря. Но он никогда мне не советовал вернуться и оставить старца Онуфрия, которого ценил за добродетели и признавал примером для всей Лавры.

– Смотри, – говорил он мне, – не отступай, монастырь – твой дом.

Монастырские отцы меня очень любили. Когда меня увидел один из монастырских, по имени Фотий, он посмотрел с сожалением, но не сказал мне ни слова об оставлении послушания старцу Онуфрию.

Среди юношей были и такие благоговейные, которые причащались три раза в неделю.

В монастыре было принято причащаться два раза в месяц. Однако блаженный отец

Иероним, вместе с церковнослужителями Павлом Простым и Иосифом с Накоса и этими благоговейными юношами, были едины в предстоянии Господу через постоянное причащение.

Ты меня спросишь, почему я тебе пишу все это? Чтобы ты внимал тому, что есть монашеская жизнь. Ты должен знать, сколь больших высот достигало монашество до календарной смуты и какое делание свершали наши великие наставники.

Рассмотри монашескую жизнь и молча выполняй то, что от тебя требуется. Если увидишь, что молодые монахи принаряжаются, то можешь помышлять о себе, как об отбросе этого общества.

С радостью нужно приступать ко всем служениям, на которые тебя позвали, даже если ты уже полуживой от изнеможения. Если тебя направили на работу, гони прочь врага, внушающего тебе, что ты устал. В ходе работы ты поймешь, что ударный труд приводит монахов к совершенству.

Великие святые не давали отдохновения своему телу. Когда все отцы в монастыре ложились спать, они незаметно вставали и таскали воду от источника снизу и дрова из леса, и чистили нужники.

Всеблагой Бог, ведающий все события еще до их проявления, благословлял их труды. И чтобы эти старцы послужили нам примером в последние времена, Он устроил, что отцы монастыря заметили их ночной труд.

В наши дни в монастыре жил монах Евфимий, который исполнял все монастырские работы, а в церкви был пономарем. Однажды он закончил свои труды и вернулся в келью в половине шестого. Он присел на кровать и закрыл глаза. Его стало клонить в сон, но он заставил себя бодрствовать. А прежде Евфимий, по вражьему воздействию, потерял спички. Он стал молиться и видит, что светильник зажегся сам собой, но светит слабо. Евфимий понял, что это дьявольская прелесть. Когда он произнес молитву «Пресвятая Богородице, помогай мне», светильник тотчас же погас. Тогда старец приободрился, нашел у себя спички и побежал звонить в било, потому что в воскресный день полагалось звонить на полчаса раньше – как только забрезжит рассвет.

О таких старцах читай в моих письмах и следуй по их стопам. Если ты увидишь, что кто-то из молодых спорит или смеется, не складывает руки крест-накрест, а вместо этого почесывается, – то не уподобляйся им, но обрати свой взор к земле, из которой ты взят. И тогда, по молитвам ко Всеблагому Богу, все у тебя будет хорошо.

Помолись Пресвятой Богородице и обо мне, если хоть в чем-то я тебе оказался полезен.

О святом Симоне Мироточивом

Я получил твое письмо и прочел с большим вниманием. Чувствую себя обязанным тебе ответить, чтобы все, с помощью Божией, было хорошо в твоей монастырской жизни.

И я, когда был малым, жил в том же монастыре.

На меня тоже возлагали многочисленные служения, и я печалился и страдал, – меня мучило проклятое превозношение и гордыня, и я думал: «Почему он, а не я?»

Как-то раз я с унылым лицом вез зимой тачку с дровами. Встреченный мне по дороге брат заметил мою печаль, подошел и сказал:

– Если хочешь стать монахом, будь дурачком перед всеми.

Эти слова обожгли мне сердце. Я спросил брата, как нужно понимать эти слова. Брат терпеливо начал мне разъяснять:

– По существующему здесь преданию, ктитор монастыря был одним из мудрейших отцов и делателей умной молитвы. Он думал о том, каким способом можно сделать свое сердце совершенно свободным от привходящих страстей.

Напротив пещеры преподобного сейчас можно увидеть развалины здания. Вот там и совершал подвиг его духовник, к которому он пошел и дал зарок, что будет во всем ему послушан.

Старец обладал деятельным умом и знал, как можно освободить человека от страстей. Всякий раз он на него кричал. А иногда и не просто кричал, но и бил его. А тот преподобный «стал для всех дурачком». Он никогда не печалился, но извлекал из всего пользу. Монах понимал, что в притворном безумии, как на иконе, отражается совершенное смирение Господа нашего Иисуса Христа.

Но этим дело не ограничивалось. После отпуста повечерия он исповедовал старцу свои помыслы и затем лобызал следы его ног со словами:

– О блаженные стопы! Если по следам вашим последуют мои стопы, внимая монашескому юродству, то, возможно, мне легко будет достичь полной меры простоты.

Преподобный ктигор общежительного монастыря в точности следовал по стопам своего духовного отца и за краткое время достиг высочайшего духовного состояния и высших добродетелей.

Когда его духовный отец увидел высоту, достигнутую им благодаря правилу «будь для всех дурачком», они с миром распрощались. Преподобный поселился в пещере, которая сохранилась и до сего дня.

Он сражался напрямую с бесами надменности и не только поверг их, но и восторжествовал над ними, как это видно на святом образе, написанном на стене в трапезной, в которой мы каждый день принимаем пищу.

Отверзи очи своей души и увидишь, что из себя представляет монастырская община, в которой пребываем. Все здесь умны и проницательны, но все повинуются нашему старцу. Все имеют единое намерение и единую волю. Что старец ни скажет, сразу же бегут это выполнять, словно изжаждавшиеся олени к воде – воде послушания. Ведь послушание научает всякого человека быть «безумным ради Христа».

Посмотри на Стефана, как он ревностно исполняет послушание старцу. Всякий раз, услуживая ему, он предстает «дурачком перед всеми» и лицо его сияет неземной радостью.

Если человек воспринимает помыслы превозношения и забывает быть «дурачком перед всеми», он уже не может жить спокойно, а мечется то туда, то сюда. Поэтому старец и должен все время напоминать это правило. Однако все тщетно, если бес превозношения уже истерзал человека и вверг его в прелесть.

Пока брат рассказывал мне это, скорбь совершенно выветрилась и в душе я услышал голос:

– Правда ведь, смиренный Христ! Если ты не будешь смиряться, не будешь терпеливо трудиться в монастыре и слушать все упреки отцов, то за что тебя спасать? Отцы упрекают тебя только для того, чтобы освободить твое сердце от пут страстей.

Пресс для оливок

Монастырские отцы в наше время были все из простых крестьян, но их духовный опыт был непреложен.

Старец мне сказал: «Ступай на маслодавальню и после расскажешь, что ты там видел». Я пошел и увидел там старца Амвросия, который опускал пресс.

Когда вернулся, старец стал расспрашивать об увиденном. Я тогда еще только приехал из Афин и стал рассказывать с афинской замысловатостью, делая долгие паузы и выстраивая длинные фразы. Я рассказал, как делается масло.

Старец мне ответил:

– Олива сначала зацветает, а потом наступают заморозки, которые она и терпит. Терпит она и когда солнце в полдень ее обжигает, и если будет ливень или гроза. Так, с великим терпением, из цветка получается оливка.

Но вот настало время собирать урожай. Олива щедро одаривает своими плодами. Люди идут на сбор урожая. А затем оливки засыпают под пресс, опускают тяжелую плиту, и уже под гнетом течет масло.

Каждый монах должен думать о том, что в этом рассказе дан образ монастыря. Цветок – это новоначальный монах, стяжавший благой помысл «стать дурачком перед всеми». Благодаря его смиренномудрию, погода в основном хорошая.

Солнце, воздух и прохлада – это все благие помыслы. А непогодой нужно считать надменные помыслы, эгоизм и превозношение.

Начальник маслодавильни – игумен. Все оливки должны побывать под прессом. Пресс – это знак совершенного послушания и отсечения собственной воли и собственного помышления. Знающий игумен, добываясь полного выхода масла, применяет и жгучую жидкость. Поэтому, Христ, и сейчас всегда сохраняя пред очами эти поучения. Перестань мечтать, – в твоих мечтах одно только превозношение. Стань юродивым для всех, совершенно смиряя себя и ожидая всякий раз от любого из отцов окриков и поношений. Они хотят, чтобы и во сне тебя более не смущали постыдные и нечистые помыслы, производимые лукавыми бесами нечистоты и блуда.

Итак, почтенный, чему мы научены, то и будем выполнять. Пусть тебя не повергают в печаль те, кто раньше тебя начали подвиг в этом святом месте, если они смеются над нами. Наше дело – в точности следовать их поучениям и стать как можно проще.

Поэтому всем надлежит знать, что только тогда превозношение оставляет человека, когда он смиряется и становится безумным в мире. Иначе от превозношения можно впасть в страшные ереси, что и случилось в 1915 году с одним образованным монахом в обители Святого Павла. Когда об этом узнали простые монахи, то все и знать уже не хотели его.

Будем же взирать на тех, кто старше нас, и молить Пресвятую Богородицу, чтобы Она просветила всех нас в исполнении дел. Тогда мы и станем истинными юродивыми ради Христа.

Эконом, ставший погонщиком

Вы спрашиваете меня: в чем состоит смиренномудрие? Послушайте, чему я научился в монастыре, когда был еще совсем юным.

Наш игумен давно еще поставил одного брата на служение эконома. С этой должности начинается хозяйство в любом монастыре. Я решил посмотреть на эконома и вдруг увидел, что он гонит мула, нагруженного мешками. Если раньше он носил, будучи экономом, хорошую одежду, то теперь он был в мешковине, босой и изможденный дорогой.

Я очень опечалился. Я всегда думал, что если человек работает на какой-то работе, он не должен ее бросать, иначе никогда не станет мастером. В монастыре я сперва был помощником повара на кухне, а потом меня поставили помогать начальнику гостиницы. Я спросил этого отца, за что в монастыре могут человека лишить его работы. Тот с улыбкой мне ответил: «Это ты спрашиваешь про бывшего эконома, который теперь погонщик? Он тебе сам обо всем расскажет».

Мне было велено обратиться к погонщику для того, чтобы узнать больше и о деятельной, и о созерцательной жизни, которая требуется от монаха.

Я подошел к погонщику и высказал ему сочувствие за такое понижение в должности, что ему теперь приходится гонять мулов, и спросил, почему это произошло.

Он улыбнулся и ответил:

– Старец, зная мою надменность, решил избавить меня от страсти проклятой надменности, по молитвам преподобного Симона, ктитора монастыря, – чтобы я ушел из мира свободным человеком и переселился из временной жизни в вечные обители.

Я вижу, что ты стремишься ко спасению. Поэтому, когда тебя ругают или над тобой насмеются, знай, что они одну только цель перед собой тогда ставят – научить тебя глубине и высоте смиренномудрия. Глубина смиренномудрия состоит в том, чтобы почитать себя ничем, а высота – в том, чтобы по лестнице смиренномудрия с легкостью восходить к Богу.

Поэтому, почтенный Христ, приведу тебе несколько примеров, чтобы ты лучше во всем разобрался.

Ласточки прилетают к нам из жарких стран и зимой возвращаются в теплые края. Вспомни, в какие дни? Прилетают они на память сорока мучеников, а улетают в день страшного Преображения Спасителя нашего Иисуса Христа.

На тропах Афона

Они прилетают на сорок мучеников, чтобы указать нам, что воины и чиновники, начальники над всем городом Севастией, смирили себя, невзирая на невзгоды. И тогдашний тиран, по Промыслу Божию, предал их тела огню.

Мать одного из них видела, что сын шествует по пути смиренномудрия. Дьявол стал всевать в нее печаль о юном возрасте сына, и она побежала отнимать у своего чада избранный им венец смиренномудрия, о чем говорится в житии.

Вслед за ласточками сразу прилетают журавли. Это учит нас смирению и в делании, и в созерцании. Ласточки летят впереди, но если они поддадутся превозношению и сочтут, что хорошо умеют летать, то собьются с пути и прилетят позднее журавлей. Журавли поднимаются высоко в небо, почти как орлы. Но смиренномудрие их еще более возносит, и они взмывают еще выше, чем орлы. Орлы – это мирские владыки, а журавли – монашеский чин.

Старец, увидев, что в моем сердце еще засела страсть превозношения, ради моего спасения отправил меня пасти мулов, чтобы я смотрел на бессловесное животное и учился у него смиренномудрию. Когда оно жаждет, то все равно пьет немного; когда дремлет, а хозяин его пинает – оно не сопротивляется, а смиренно начинает идти. Устало ли, вымокло ли от пота, – оно никогда не строптивится, но терпит, даже падая от усталости,

Об этом смиренномудрии царь Давид сказал: *Человеков и скотов Ты спасаешь, Господи*²⁴ – спасаешь за их смиренномудрие.

Человеки – это те, кто остались в миру, а монахи подобны скотам. Они повторяют за Давидом: *Скотом я стал пред Тобою, и всегда я с Тобой*²⁵.

Смиренномудрие – это пренебесная божественная любовь. Монах, возносимый этой любовью, должен сидеть в своей келье и вспоминать о святых мучениках. Пусть он посмотрит на журавлей, и, прежде них, – на ласточек. Они покидают отчизну, и птенцы их, даже не зная о бывшей родине, смиренно следуют за своими родителями к гнездам, к которым те несутся.

Монах, который по указу старца селится в келье, – изучает, что такое пребывать в келье. И сама келья в последний час его жизни начнет возносить его от временного к вечному, если монах обрел божественную любовь, происходящую от смиренномудрия.

Вот что означают слова, отче, *скотом я стал пред Тобою, и всегда я с Тобой*.

Смиренномудрие научает монаха не иметь ни собственного помышления, ни собственной воли, но всегда быть готовым выполнять распоряжения игумена.

Взгляни на старца Ананию. Закончилась всенощная на праздник святого Димитрия, старец дает ему хлеб и винный уксус и благословляет в путь до Святого Георгия. Он ведет жизнь, подобную жизни скота: нет у него своих изволений и желаний. Смирение его обусловлено послушанием, и он ничего не задумывает, но только на одно взирает: чтобы божественная любовь, исходящая из сердца, соединяла его с Триипостасным Богом.

Ты видишь, чего устаиваются смиренномудрые? Посмотри на отца Иеронима, который был твоим старцем в миру. То он почитался наставником, то вся братия монастыря требовала выгнать его как злонамеренного человека, – но он все терпел.

Святые отцы в своих книгах сравнивали монастырь с кузницей. Ты вступаешь в монашескую общину так же, как в горнило влагают гнущее и ржавое железо, но огонь его очищает и молот распрямляет. Тот, кто хочет достичь меры бесстрастия, пусть смиряется и думает о себе, что он ничтожнее простой иголки. Иголкой хотя бы можно зашить одежду, а смиренномудрый искренне считает, что он ни на что не годен.

Ты видел, чтобы отец Иероним когда-нибудь спал в кровати? Он спит сидя, накрываясь шерстяной накидкой. Только заколотят в било, как он устремляется в церковь. Если служба оскорбит его или прогонит, он не смутится, а падет к его ногам, испрашивая прощения.

Игумена поносят и ругают. Но он даже голоса никогда не повышает. О блаженное смиренномудрие, которому мы научены от Богочеловека и Спасителя нашего Господа Иисуса Христа!

Обо всем этом размышлял мой старец, и, как наилучший врач, он не принизил меня, но вознес, когда сместил с должности эконома. Ибо смирение возносит человека прямо к Престолу Триипостасного Бога.

Выслушав речь бывшего эконома, я получил большую пользу. Но после, по заблуждению, я оставил общинную жизнь в монастыре. Я стал ревнителем безмолвия, и очень скоро, несмотря на мой юный возраст, меня поставили старцем и насильно дали мне послушников, которые потом умерли от чахотки. И вот уже тридцать пять лет я блуждаю в миру и не знаю, спасусь ли.

Поэтому внимайте все, кто хочет следовать правилам монашеской жизни, смиряйте себя до полного ничто.

---

²⁴ Псал. 35, 7.

²⁵ Псал. 72, 22–23.

Как женатый человек стал монахом

В один из афонских монастырей прибыл женатый человек и стал монахом, потому что с раннего детства думал о монашестве. В миру он был знаменитым торговцем из рода Брахами. Но однажды оставил все свое имущество и прибыл на Афон.

Его сразу же направили на послушание в кухню, где албанские старцы учили настоящему смирению.

Он внимал всем их советам и прежде всего, как они его научили, следил за огнем в печи. При этом он всегда размышлял о смерти и о том, какое наслаждение уготовано праведным и какое осуждение грешным. Более всего грешат те монахи, которые говорят, что мол я этого не сделаю, брату не помогу, потому что иначе не успею прочесть последования.

Этот блаженный муж работал на кухне дважды в день. А одних только монахов в обители было семьдесят, если не считать трудников и гостей. Все игумены общины были преисполнены любви, благодаря чему и руководили монастырем. Всех, кто заходили в монастырь, они принимали со всяческой щедростью.

Новый благословенный монах, хоть уже был и стар годами, никогда не гневался, но был преисполнен радости.

Он знал, что я люблю стручковую фасоль, и говорил мне по-албански «еа тат Рит хас», то есть давай, отче, садись и ешь. Я был отшельником, и поэтому он всячески старался мне доставить приятное, когда я заходил в монастырь.

Он никогда не сердился, если кто-то не шел на службу. Намедни я спросил о нем кого-то из братьев монастыря, и он мне ответил, что этот старец преподобно почил.

А я, несчастный! Однажды в Великую Пятницу, когда я был еще совсем молод, он велел мне полить бобы, а я рассердился на него и лишил себя венца послушания.

Если монах достигает меры любви к Богу и ближнему, то он готов принести в жертву даже самую свою жизнь.

Монах, служа делу любви, должен хранить в себе непрестанную сердечную молитву. И когда он молится, думая о цели любви, сердце его исполняется радостью, ибо, по реченному Богом: «Хороший друг тот, кто служит любви».

По любви Бог стал Человеком. По любви Он принес Себя в жертву на Кресте.

Любовью связаны все лики ангелов на небе. Когда люди на них взирают, те готовы принести самих себя в жертву, – от любви и ради любви. Они радуются и ликуют, служа тем, кто служит любви к Богу и своему ближнему.

А я, жалкий, несчастный, был маленький и не знал, что такое любовь.

Игумен, когда я еще пребывал в монастыре, однажды увидел меня огорченным. Он спросил меня о причине, и я ответил: «Там, за монастырскими стенами, люди голодают».

Через несколько дней пристали барки и матросы вышли просить милостыню. Когда об этом узнал игумен, то сказал мне:

– Прибыли твои земляки. Дай им, сколько сможешь.

Эконом выдал им разную еду, а я просто прыгал от радости.

Когда игумен увидел, как радуется моя душа, то сказал мне:

– Ого, ты радуешься?

Я и не знал, что ответить. Игумен преподал мне благословение и помолился за меня, чтобы я смог подать щедрую милостыню.

Таковую благодать, надеюсь, может стяжать любой христианин, который помогает в нужде братьям-христианам.

Отец Гедасий из Симонопетра

Внимай, чадо! Никогда за практическими делами не забывай о подвиге созерцания. Когда я был еще юным и жил в монастыре, где теперь обитаешь ты, афонские бесы сбежали из других монастырей в наш.

И в эти святые дни они, как могли, смущали всех служителей.

Не испугался искушений только отец Геласий, который прислуживал в церкви и готовил все к празднику Рождества Христова. Отцы его спросили:

– Как же ты, отец Геласий, не испугался и смог сделать все, что нужно?

Отец Геласий ответил братьям словами Феодора Студита из «Огласительных слов», что церковные служки – это как бы стопы монастыря, они уже до прихода всех остальных и прибираются в храме, и украшают его.

И теперь, когда я прислуживаю в храме, исполняюсь радостью и ликованием.

Все отцы того времени, юные и престарелые, равнялись на него в монастыре.

И ты не печалься, но радуйся, что Бог смилостивился над тобой и послал ко мне, потому что хоть я и грешен, но могу рассказать о том, что такое монашеская жизнь.

Монашеская жизнь умалена перед всякой, ни о чем не любопытствует, себя порицает и учит монаха, который истинно стремится к небесной красоте бесстрастия, умереть для мира.

Все, что монастырь подает за трапезой или в течение дня, монах принимает со смиренной душой, считая, что недостойн даже той пищи, которую вкушает.

Когда монах мыслит смиренно, он начинает чувствовать сладость, проистекающую от призывания сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа. Он забывает обо всех мирских делах и даже о самой пище.

Обдумывая в великие праздники те небесные богословские проповеди, которые читаются за трапезой. Этот дар, изошедший из уст святых отцов, позволил некогда благоугодить Богу инокам, жившим в этих монастырях до нас.

Об этом и размышляй, отче, и, благодаря молитве и безмолвию, достигнешь высокой меры монашеского жительствова.

Остаюсь с тобой, грешный иеромонах Х.

Праздник святой Ксении

Вчера я больной сидел на кровати и вот что надумал написать вам. Мысль моя была только об одном: общежительный монастырь был для меня благополучной гаванью, которую я оставил по превозношению, без подготовки отправившись через море безмолвия. Всякий инок, желающий безмолвствовать и вкушать плоды безмолвия, должен вступать в монашескую общину, как сделал это блаженной памяти отец Даниил, игумен монастыря Преподобного Григория, чьим преемником стал покойный Каллиник.

Раздумывая об этом, я вспомнил один случай, произошедший на богослужении, во время чтения жития преподобной Ксении. Я напишу о нем, чтобы вы знали, каких высот достигали все прежние отцы, жившие в этом святом месте.

На службе я сидел на стасидии у левого клироса. Напротив меня – блаженной памяти старец Иероним. Благословенный подвижник никогда даже голову не наклонял, но сидел прямо, покрыв плечи шерстяной накидкой.

До начала богослужения он либо читал, либо писал.

О его таинственном делании даже поведать не могу, потому что я был тогда слишком застенчивым. Не передать то почтение, что я испытывал к отцу Иерониму, которого видел еще в детстве в Вознесении. Я однажды наблюдал, как он рухнул на стасидию, изможден-

ный долгой всеобщей и не менее – болезнями и искушениями от братьев, и мне стало его чрезвычайно жалко.

В тот день, на память святой Ксении, я спустился со стасидии и встал рядом с правым хором. Старец учил меня, что если я хочу стать монахом, то должен на службе чаще стоять, потому что это полезно для монашеского настроения.

Тогда в общежительных монастырях было два чтения на службе и два за трапезой, во время обеда. Первое чтение – это житие святого этого дня.

В упомянутый день уставщик поставил чтением одного брата, по имени Иосиф, который был уже весьма стар. Чтение жития святой Ксении настолько восхитило мой ум, что слезы рекой бежали у меня из очей.

Когда чтение дошло до слов «Господин мой, имя мне Ксения, потому что я стала ксенией, то есть странницей, по любви к Тебе...» я вспомнил о себе, что я такой же странник в монастыре, и старался дышать тихо, чтобы не спугнуть мысль. Такую пользу я получил от этого чтения, что и сейчас в день, когда поминают святую Ксению, перед очами моими проносится чужбина, которой стал теперь для нас Афон. Ведь мы пришли к отцам, многих из которых до этого не знали.

Тогда великую пользу желающему спастись приносил запрет спрашивать, откуда кто происходит и по какой причине кто оставил мир и решил стать монахом.

Ведь один мог быть в миру богачом, другой – княжеским сыном. Но все устремились ко спасению силой божественной любви. Поэтому все дела людские знал только игумен монастыря, который направлял всякого монаха ко спасению. Чтобы не позволить монаху превозноситься, он говорил эконому:

– Ты присматривай за этим уродом: был бы он порядочным человеком, не пришел бы в монастырь.

Игумен садился на стасидию, когда читали псалмы, и если он видел, что какой-то монах льет слезы, то ругал его, как впавшего в прелесть. Он говорил, что мол в монастырь он пришел не добровольно, а только чтобы тяжелые грехи отмолить; говорил и другие обидные слова.

Монастырские отцы, слыша эти горькие упреки, молчаливо одобряли их, понимая, что старец поступает мудро.

Сбор винограда в афонских монастырях

«Виноград, – говорил он, – можно собрать только с виноградника. Но его нужно давить, игумен сейчас и работает на току, а после в бочках забродит сладостное вино».

Когда молодые слышали это, то спрашивали:

– Но ведь виноград всегда можно успеть собрать?

А отцы понимали, что виноград – это брат, а виноградник – мир сей. Брат оставил мир и добровольно предал себя в руки игумена и всех братьев.

Братия, когда слышали, что игумен разговаривает грубо, радовались и говорили брату:

– Отче, поступай так, как тебе было велено.

Один называл одно дело, а другой следующее, и так все труды выполнялись с большой радостью и плод пользы пожинался обильно.

Когда брат шел к игумену и признавался, что кого-то огорчил, игумен отвечал ему кротко и строго:

– Ты видишь, что наделала твоя надменность, твой эгоизм? Ты эгоист и гордец, и поэтому братья вынуждены тебя порицать, чтобы твое сердце освободилось от бесчестных страстей. Об этом написано в книге «Духовное зеркало». Ты знаешь, что сначала нужно положить основание отшельничества, именно – освободить себя от грехов. Все почти грехи – дочери превозношения.

Выслушав такую речь, брат устремлялся на труды, словно изжаждавшийся олень, проявляя стойкость и терпение и беря в пример прежних отцов, которые все терпели со словами:

– Мы стали странниками, оставили свою отчизну и считаемся везде чуждыми. Ты же, Боже мой, и был наименован «странником», как изрек о Тебе святой Иосиф Благообразный, мудрый советник. Помози нам, ибо подобимся мы Тебе, бесстрастному Богу, и желаем достигнути еже быти сыны Вышняго вси, да не утратим Твоей божественной любви.

Вот сколь полезна была община для наших отцов. Все почти всецело предавали себя в руки игумена и умерли на монастырском служении, сами ничего не прося, но ожидая, пока игумен выдаст плащ или накидку.

Когда они умирали, то не печалились, что не увидят больше своего монастыря, но преисполненные радостью и ликованием, отвечали на вопросы скорбящих:

– Я отправляюсь в путь. Там я встречу со святым Симоном, святым Иоасафом Царевичем, увижу всех отцов, которые до меня жили в нашей благословенной обители. Наш монастырь – лестница, возводящая братьев на небо.

Тогда мир с великим благоговением взирал на Святую Гору Афон. В виду его никогда не показывалось никаких кораблей, как при нынешнем нечестии, когда из Уранополя выходят теплоходы с музыкой. Ради денег берут они на борт и женщин, которые веселятся и кричат, не понимая, что Афон – всемирная святыня. Как женщинам запрещено входить в алтарь, так им запрещено быть гостями Афона.

К сожалению, и монахини, забыв о поставленных перед ними задачах, трубят о себе по всему миру как о самых благочестивых и отправляются в морские поездки под руководством архиереев и иереев, и плывут прямо вдоль афонского берега. Они забывают, что случилось с Евтихией, жившей в Каллифее. Она села в лодку, и, когда плыла мимо Карулий, как раз где совершал подвиг блаженный Симеон, начался шторм. Она повернула назад со страхом и трепетом и стала просить у Пресвятой Богородицы прощения за дерзость. От ужаса Евтихия скончалась в гостинице в Фессалониках. Затем ее перевезли в Афины и похоронили, не известив даже духовника.

Пишу вам об этом, чтобы вы знали, сколь заботится о наших святых местах Пречистая Дева Пресвятая Богородица. Она заступает за нас и желает, чтобы души наши были яснее солнца. Поэтому женщины и не должны нас смущать.

Ведь монаху нужно, чтобы его ум и разумение были чистыми в час молитвы. Он не должен думать ни о чем, кроме красоты Богочеловека Иисуса и красоты Всенепорочной Его Матери, благодаря Которой, познав смирение, мы удостоимся взойти на высоты и видеть Бога непрестанно.

Сторонитесь догматических споров, поскольку они иссушают душу.

Прошу ваших молитв, да окажет Бог милость Свою и да спасет душу мою.

Монах Геронтий

Среди зеленых лугов Афона сокрыт монастырь Симонопетра. В нем содержат быков и мулов, которых привозят из метохий, лишь бы они были мужского пола. В прежние дни на моей памяти пастухом этого скота, или, как говорят на Афоне, «погонщиком», был отец Геронтий.

Родился отец Геронтий на Сикии, как раз напротив Святой Горы. После смерти жены он прибыл в монастырь, где познакомился с отцами, управлявшими метохиями обители в Сикии. Пройдя надлежащее испытание, он был пострижен с именем Геронтий. Стадо в монастыре не держали в стойлах, оно свободно ночевало у монастырской стены. Отец Геронтий созывал всех быков вечером и гнал их на водопой, приговаривая: «Ну, ну». Благословенный скот приходил к нему и ластился к его груди.

Если он недосчитывался одного мула или бычка, то, помолившись святому Модесту, отправлялся на поиски. И еще, всякий раз, когда он призывал имя святого Модеста, – недужная скотина сразу же выздоравливала.

В то время из Фессалоник, бывало, на Афон приезжали мясники, покупали этих бычков, а деньги мы отправляли на создание школ в поработанных турками областях.

Отец Геронтий был очень кроток; и сейчас, когда я вспоминаю его, он как живой стоит передо мной, преисполненный молитвы. Он вызывал удивление всех в нашей общине.

Однажды братия спросили, как он стяжал свою кротость. Тот ответил:

– Когда я был в миру, мне приходилось пасти и коз, и овец, кого только ни приходилось выводить на пастбище. Но прибыл я в монастырь и услышал однажды чтение, как один человек гнал своего осла по дорогам и всякий раз, сворачивая, бил осла, чтобы он пошел куда надо. А затем осел отверз уста, по воле Всемилостивого Бога, да и изрек: «Что ты меня бьешь?» Я тут и понял, что плохо поступаю, когда злюсь на животных. Как можно бить тех, кто ничего не замышляют против меня? Вот я и сменил путь, – в своей душе. Сразу во мне воцарились мир и радость. Я понял всей душой, что должен подражать своим мулам, быть таким же послушным, как и они. Посмотри: куда бы я ни пошел, кричу им – и они подходят ко мне с великой радостью и ликованием. Со мной все доходят до луга, где позволено их пасти.

Зимой я очень огорчаюсь, что в нашем монастыре нет стойл и приходится прятать их в сарае; а оттуда они выходят, щиплют траву, потом же с радостью возвращаются спать в сарай. В нем я тщательно вычищаю весь навоз и отвожу подальше, а иначе будет влажность и мулы разболеются. Навоз забирает садовник для нужд в монастырском саду. А если навоза много – его берут и отшельники для своих грядок.

Вот таким кротким и внимательным был отец Геронтий. Он никогда не противился повелениям старца и эконома, хотя тот в наши дни был очень строг. Однажды он увидел, как я несу дрова в кухню, и сказал:

– Прошу тебя, отче Христ, будь бережлив, не трать спички зря. Ты видишь, что монастырю приходится утесняться. У нас всю ночь горят малые светильники, и за неделю уходит полбочки керосина. Ты еще маленький, поэтому нам, отцам, и надлежит тебя учить бережливости и вниманию. Вот посмотри, как ты вешаешь свою одежду сушить после стирки, – не нужно вешать ее на солнце, а то она выцветет и легко будет рваться. Ты увидишь, что одежда порвалась, и совесть тебя начнет обличать, и спастись тебе будет труднее.

Я не видел отца Геронтия в последние дни его жизни, потому что ушел за подвигом в пустыню. Так и я в этом подвиге хожу-брожу, не зная даже, спасется ли моя душа.

А здесь, в скиту, в котором живу, все замечают, что нет ни одного осла или мула, на котором можно было бы возить дрова или снадь. Ведь в уставе скитского распорядка содержатся прещения монахам приводить с собой животных. Иногда, когда очень нужно, зовут мирян, и они привозят зерно на своих ослах, а ни для чего более скот нам не нужен.

Монах-садовод

Когда я был совсем юным, то захотел, чтобы меня приняли в Кавсокаливию. Туда я отправился в воскресенье. Уже в понедельник утром меня взяли на сбор оливок – ведь был октябрь и в этом деле была занята вся братия. Мне сказали, что послушник, прибывший на Святую Гору, по преданию прежних святых, должен поработать садовником. Ведь сад – это самое важное снабжение всякого монастыря. Как только приходит гость, начальник гостиницы бежит к садовнику, чтобы тот выдал апельсин, лимон или персик, или что-то еще, сообразно времени года. Поэтому всякий монах должен знать ремесло садовода.

Затем я стал изучать великую науку монашеского жительствова в монастыре, и отцы мне показали в святоотеческих книгах, что первой заповедью, данной праотцу Адаму от Всеблагого Бога, была обработка земли. А после преслушания он соделался уже пахарем и стал получать плоды земли только после тяжких трудов. Одними плодами он питался до Ноя, ибо тогда, до потопа, не ели мяса. Сказали мне: «Не будем тебе подробно говорить об этом, отче Христ, – со временем сам все прочтешь».

Начинатели монашества находили скудные источники воды, выращивали всего лишь несколько грядок, этим питались и достигли меры святости. Здесь, на Святой Горе, где ты теперь поселился, если пойдешь к пещере святого Симона, монастырского ктитора, то увидишь ручей, освященный этим святым, и небольшие огороды, которые он сам перекапывал, питаясь выращенными овощами. Не буду говорить тебе много: подрастешь и сам узнаешь все гораздо лучше.

Послушание в саду

Сюда тайно прибыл Иоасаф, сын сербского короля Углеши. Его поставили работать в саду, и садоводом он пробыл шесть лет. Потом уже, незадолго до смерти, оказалось, что он королевич, и он так и умер монастырским садовником.

Видишь того низкорослого деда, который идет с радостью и ликованием? Он был пострижен в другом месте. Продав в Америке все свое имущество и пожертвовав золотые червонцы, он приехал и попросил, чтобы ему позволили построить подле Святого Симона келью, но не из камня, а из еловых кругляшей. Блаженный старец отец Неофит, прозорливец, благословил его. Он построил келью из кругляшей, а что он ест, знает только он один. Мы видим, что у него есть огород, который он вскапывает, а излишек плодов отдает в больницу. Он приходит в церковь, ты все время его видишь, и в конце литургии уходит раньше других, не успев ни с кем перекинуться взглядом. Ведь его делание добродетели должно сохраняться втайне.

Вот там, на склоне, обитель Иоанна Богослова – там прекраснейшие пашни, где растут бобы. Два дня работы всех братьев. Но эти бобы раздают как милостыню всем отшельникам и пустынноикам. Они благодарят Пресвятую Богородицу за такую милость и за премногие труды отцов. А если тебе, брат, не нравится быть садовником, собирай вещи и уходи из монастыря.

Я ушел из монастыря в скит Святой Анны. Там мне сказали: «Здесь пахота. Если не будешь поливать, то и пить тебе не дадут». То есть, если не научишься садоводству, не сможешь удержаться в скиту.

Я ничего не боялся в скиту, не любил только таскать корзины с оливками: очень болела после них спина. Блаженной памяти старец был рассудительным и подбадривал меня как мог.

Вы меня спрашивали, и я вам это отвечаю, а вы уж поступайте, как хотите.

Я столько лет не говорил об этом, потому что боялся ввести в соблазн молодых афонцев.

Но когда меня спросил об этом игумен одного монастыря, то я все ему рассказал и привел в пример заместителя игумена монастыря Дионисиат – отца Гавриила, который и в 90 лет копает грядки. Кто хочет стать монахом, пусть обучится садоводству, посвящая этому хоть час в день, – иначе он не научится, как следует. А видя, какие помидоры или огурцы он вырастил на грядке, преисполнится радостью и благодушием.

Старец Косьма из Симонопетра

Когда я был послушником в Симонопетре, то однажды в субботу утром сидел в большой печали. Закончилась трапеза, и мне, как помощнику повара, предстояло перемыть все тарелки. Я вышел пройтись во двор, чтобы избавиться от тоски, навеянной действием моей злой воли.

Подойдя к воротам, увидел отца Косьму. Рядом с ним стоял его послушник Стефан.

Отец Косьма по афонскому обычаю сказал мне: «Благословите», – и я ему ответил, как положено: «Господь благословит». Отец Косьма взглянул на меня и увидел, что я огорчен. Он спросил: «Что с тобой случилось?» Со слезами на глазах я молвил:

– Отче Косьма, у меня на душе очень тяжело, так как помысл нашептывает, что можно было бы оставить мир в зрелом возрасте, а не в детском.

Старец сразу ответил:

– О чем ты говоришь, отче Христ? Ты должен благодарить Пресвятую Богородицу за то, что Она ввела тебя в Свою ограду еще в детстве. Пресвятая Владычица наша соблюла тебя от множества зол, которые творятся с нашим народом с 1922 года²⁶.

У тебя печаль на сердце? Библиотекарь отец Дамиан выдал тебе для чтения книгу аввы Дорофея. Так почему ты на деле не применяешь то, что прочитал?

Ты выходишь за ограду монастыря, видишь огороды. Когда честные отцы производят посадки, то сначала берут тяпку и очищают землю от всех сорняков, а потом уже сажают бобы, горох, фасоль... Для тебя, как и для любого монаха, есть одна тяпка – чтение святых отцов. Ты на послушании, у тебя есть хороший советчик – авва Дорофей. Начни чтение этой святой книги с главы о послушании. Выполняй все, что говорит тебе преподобный Дорофей, это – твоя священная обязанность. Тогда ты очистишь душу от сорняков чтением, словно тяпкой. Авва Дорофей учит, как обрести умиление, он учит, как вставать рано и с великим рвением ходить на все церковные службы, учит, как отсекающую свою волю и свое помышление. Когда человек отсекает свою волю и свое помышление, он достигает высочайшей добродетели.

Повар, которому ты поставлен помогать, тоже порой подавлен множеством трудов на кухне. Но тем сильнее он призывает Бога в своей молитве и избавляется от скорби. Так что терпи и прежде всего не забывай о том, что всякое зло, которое с тобой здесь случается,

---

²⁶ Вероятно, имеются в виду изгнание греков из Турецкой республики и разрушение греческой общины в Малой Азии, секуляризация правящей верхушки и перемена календаря, произведенная патриархом Константинопольским Мелетием.

происходит только по твоей небрежности. Беспечность – смертный грех, он разрушителен не только для тебя, но и для всего мира.

Ты можешь также почитать византийскую историю и увидишь, что именно нерадивость византийских императоров и довела империю до катастрофы и рабства.

А в наши дни ты видишь, что сначала воодушевление принца Константина и Элевтериоса Венизелоса привело наш богоспасаемый народ ромеев в Македонию, Фракию и едва ли не до стен Константинополя. А как только они дали себе послабление, как ранее византийские императоры, то мы и попали в рабство всему европейскому мещанству, атеизму, а теперь все дело кончилось гражданской войной.

Посмотри на отца Иеронима. Как доблестно он трудится на своем месте, не думая о том, что устал, голоден, жаждет! Он никогда не опаздывает на службу и никогда не уходит раньше времени.

Все это он выучил за аналоем, читая Писание и святых отцов. Ведь он всегда повиновался словам Господа и Спасителя нашего

Иисуса Христа: *исследуйте Писания, ибо в них чаеете иметь жизнь вечную*²⁷.

У нашего монастыря есть скит Панагуда, рядом с мельницей Григориата. Видишь, я взял с собой отца Стефана; и вот, я, по неопытности в монашеском жительстве, стал заблуждаться, поддался бесовскому мороку и потянул его за собой. Тогда я пошел к духовному наставнику отцу Матфею и к старцу Леонтию, которые совершают подвиг безмолвия в скиту Святого Симеона. И вот, под руководством этих святых отцов он понемногу возвращается на путь монашеской жизни. Когда монах осознает свое заблуждение, тогда начинает обращаться, под руководством опытных отцов, к деланию сердечной молитвы. Такая молитва возжигает сердце ее делателя и соединяет его с Триипостасным Богом, привнося в сердце совершенное послушание. И вот, я предаю себя под руководство старцев, отца Матфея и отца Леонтия.

– Прошу тебя, отче Косьма, расскажи мне, что такое сердечная молитва, чтобы я также научился ее совершать.

Отец Косьма ответил:

– Ты новоначальный монах, тебе полагается читать авву Дорофея, как мы тебе и повели, а также акафист Иисусу Сладчайшему, напечатанный в книге «Духовная брань». Когда ты читаешь эти книги благоговейно, то начинаешь проливать слезы радости и ликования. И в тот миг, когда у тебя возникают эти слезы, надлежит думать о том, что ты продан монастырю на послушание. Вспоминай, как Владыка Христос показывал предельное послушание Своему безначальному Отцу. Когда читаешь авву Дорофея по порядку глав, то, чувствуя пользу от такого чтения, умоляй Пресвятую Богородицу о спасении твоей души.

И вот таковых-то прекрасных наставлений я не послушался! Я оставил общежительный монастырь и отправился в пустыню. Поэтому, вместо того, чтобы быть единым с Богом, как я намеревался, блуждаю по улицам и проулкам между Афинами и Пиреем.

Каким образом душа в общежительном монастыре обретает очищение

(из письма)

Возлюбленное чадо Пресвятой Богородицы, радуйся о Господе! Монашеская жизнь на одно только направлена – научить монаха распознавать, в каком состоянии сейчас его душа. Когда монах распознает свое состояние, тогда и постигает высоты монашеского жительства.

---

²⁷ Ин. 5, 39.

Помню, как нам растолковывали, почему человек гневается или печалится, если его оскорбляют:

– Конечно, мы принимаем вас в монастыре с любовью, думая о спасении вашей души. Мы хотим, чтобы вы освободились от душевных страстей. Эгоизм, надменность и превозношение – три великана, умерщвляющие душу. Когда вы освободитесь от них, тогда поймете, как мы вас любим. Вы нас будете благодарить, как мы благодарим тех, кто даровал нам свободу тем же самым способом. Когда мы вас обзываем ленивыми или дрянными, не огорчайтесь. Ведь вы не должны быть таковыми. Сперва вам будет тяжело, а после привыкнете, смиритесь, а иначе сами потом пожалеете, что вас вовремя не одернули.

Вот такие прекрасные поучения мы слышали от наших отцов.

Когда миряне приходят погостить в наш монастырь, мы иногда хотим показаться перед ними благочестивыми, хотя на самом деле неотесанные и невежественные. Вот отцы говорят, что мы «двуногие скоты, за которых никто и гривенника не даст, эгоисты, человекоугодники, блудники, сумасброды, отребье общества. Мы вас тут только из милости приняли и кормим, потому что там в миру вы ни на что не годны».

Затем нас спрашивали, согласны ли мы с этими словами, и по ответу распознавали наше внутреннее состояние. Многие наши сверстники из монашествующих, поняв, что сносить обиды – самое удобное из средств, ведущих ко спасению, достигли великой меры. Некоторые так и не выучились грамоте, но зато смогли толковать сложнейшие эпические стихи Григория Богослова. А ученые, закончив работу, сразу же спешили в келью, чтобы упражняться в молитве и чтении. Они проникли в такие глубины смиренномудрия, что даже не думали о себе как о людях, считая подстилку на что-то годной, а себя – не годными ни на что.

Братия удивлялась, как это, благодаря притворным обличениям, монахи быстро достигли такой глубины смиренномудрия, которая вознесла их к небесному созерцанию, преисполненному божественной любви. Сердце смиренных братьев было столь уязвлено страстью божественной любви, что они надевали башмаки на босу ногу и не снимали вне кельи, чтобы никто об этом не знал, кроме только игумена, благословившего так ходить. А некоторые отцы сподобились отпустить бороду до земли, как святой Онуфрий, но прятали ее под рясой, как прятали и все свое внутреннее делание, – и только когда они умерли, их труды стали известны другим братьям.

Другие из братий, зная, какая польза бывает им от окриков старших, сами начинали порицать себя и тем быстрее обретали смирение. Ведь они понимали, что окрики нужны для очищения внутренностей сосуда их души. Они достигли таких высот подвига, что сами били себя по лицу, мысленно приговаривая:

– Неудержимо стремимся к Тебе, Небесный Женише души. Жжет нас любовь: на Тебя взираем – но никогда не насытится взгляд полнотою Твоей любви. Ты Царь и Творец всего сущего, и все сущее не может вместить Тебя. Как же пресыщусь Тобой, Разумеющий все в мире? Ради меня Ты все сотворил, и самое прекрасное – предал Себя на вольную смерть от преизбытка любви, которую Ты питаешь ко мне.

Пишу тебе все это, чтобы ты понимал, что, где в монастыре настоятели кричат на молодых, там монахи и достигают добродетельной высоты. Один преподобный сказал: «Если хочешь стать монахом, готовься к скорбям. Оливки мы собираем, трудимся, но, если не поместить их под пресс, масла мы не получим. Если при этом обрабатывать паром, то масло получается чистейшим, не горьким, и все его ценят. Так и монах, если его не сокрушат в монастыре, как в маслодавилльне, скорбями, обличениями, поношениями, искушениями, то он не даст обильных плодов добродетели. А если будет терпеть мужественно и смиренномудро горячий пар притеснений и скорбей, то поднимется к высотам нетварной божественной любви.

Химики, выплавляющие золото из руды, внимательно следят за обжигом и плавлением, чтобы никакая часть руды не вывалилась из печи.

Умственное золото – это Христос. Монах любит Христа, и Христос являет к нему Свою любовь. Химик – ум каждого монаха, который должен следить, чтобы не пропал даже самый малый помысл, помещенный в огонь испытаний. Истинный монах обрел величайшую драгоценность – Христа. Поэтому он может достичь, благодаря смиренномудрию, высот добродетели. Эти добродетели производят новые, и о приумножении добродетелей даже ангельский язык не может поведать: настолько эта тема высока. К небесам приникают те, кто желают соединиться с Владыкой Христом, умным золотом Небесного Царствия.

Сегодня не найдешь людей со столь возвышенным созерцанием, потому что их побеждают материальные пристрастия. Все, о чем пишу, я видел у нас в монастыре, когда был еще совсем молодым и меня учил смирению в скиту мой духовный наставник и старец. К несчастью, современный человек не хочет освободиться от самого себя: от эгоизма, превозношения и гордыни. Поэтому мы все и лишились небесных даров.

Уход из общежительного монастыря

(из письма)

Как полезно взирать на жизнь всех вас! Вспоминаю, каким я был, когда жил в монастыре! О, если бы я не слушался тех пришлых подвижников, которые говорили мне, что лучше жить в пустыне, потому что там нет ссор и смут, а только безмолвие и его духовные плоды!

Я, как неудачливый сын своего времени, послушался чужих уговоров. Стал думать, что их слова от Бога и потому я должен их послушать.

Я решил бежать из монастыря. Все у меня было готово к бегству. Но, по Промыслу

Божью, ко мне зашел брат Герасим, наместник игумена. Игумен, вечная ему память, благословил его навещать меня в скорби, приносить мне угощение. Герасим часто мне говорил, что умру я все равно в монашеской общине.

В тот день, когда я собирался бежать, мы долго разговаривали. Но слишком сильна была надо мной власть чужого убеждения. Я очень сочувственно, со слезами на глазах, слушал доводы отца Герасима, но надменность – эта мать непослушания – заставила меня уйти из монастыря.

Я отправился в пустыню, чая духовной радости. Но все вышло наоборот. В пустыне я обнаружил в себе ревность и все, что ее сопровождает. Я отправился к духовному наставнику, отцу Игнатию.

Сначала он вовсе не хотел со мной разговаривать, но после, чтобы не оставлять меня беспомощным в тяжелой скорби, он мне ответил:

– Монашеская жизнь – любомудрие превыше всякого любомудрия и обучение всякой добродетели. Найди брата из нашего круга и поведай ему свою печаль.

Послушавшись совета, я вскоре познакомился с блаженным старцем Онуфрием. Он мне объяснил, откуда произошла моя скорбь:

– С того дня, как я пришел к блаженной памяти отцу Мине, я никогда не ощущал скорби, но помышлял о том, что Пресвятая Богородица забрала меня из мира и привела на эти скалы. Я всегда взирал на эти пути, по которым прежде ходили богоносные отцы, прежде всего – блаженной памяти старец Онуфрий Кипрский, сподобившийся стяжать послушание и отсечь свою волю и помышление. Поэтому я никогда не огорчался. Видишь, я говорю заикаясь. Я страдал от туберкулеза, так что не мог даже пищу глотать. Но святая Анна чудесным образом направила ко мне соотечественника. Он привез с собой сверток сливочного масла, старец Мина выдал мне немного – и я выздоровел.

Итак, слышали, братья? Вы слишком закрылись в себе. Это все из-за того, что вы друг другу завидуете. Вы мните, что это – духовная ревность, вы еще считаете, что подвиг одних превосходит подвиг других. Ваш подвиг свят, но нет в вас божественного смирения, потому что вы не избавились от эгоизма. Вы помрачены эгоизмом и в таком состоянии думаете, что смиренномудры. А вы должны скрывать свою добродетель. Трудясь ради добродетели, – все время впадаете в зависть, ибо нет в вас совершенной любви Христовой. Вы должны поскорее освободить свое сердце от тайных страстей, которые готовы уже возвести в ранг добродетелей.

Возьмите почитайте жития преподобных, отличившихся на Святом Афоне еще в бытность послушниками. А также все жития Афонских подвижников, начиная со святого Григория Синаита. Вы узнаете о преподобном Марке послушнике, который удостоился увидеть всех праведников Святой Горы вплоть до наших дней.

Вы узнаете, что претерпел святой Николай Афинский, какие ему пришлось пережить оскорбления и жестокость. Вы узнаете, каким образом отверзлось сердце святого Максима Кавсокаливита и он узрел вселившегося в него Троидного Бога. Вы научитесь любви, которую имели между собой наши отцы. Эта любовь продолжается доселе, только ее проявление было затемнено григорианским календарем.

Вы узнаете, что монахи, которые закрылись в себе, умирали долго и мучительно, несколько месяцев, без всякой поддержки извне. И мощи их не благоухают, а издают такое зловоние, что все проходящие чуть не падают в обморок.

Пишу это в упрек себе. А вы должны открыть ваше сердце для духовных бесед, и эти беседы возведут вас к истинной любви к Богу, которая есть полнота Евангелия Христова.

Меньший из всех, прошу ваших молитв.

Отцы Каливы Честного Предтечи скита Святой Анны

Отец Григорий

В каливе Честного Предтечи Свято-Анненского скита на Афоне жил отец Григорий. Он никогда не оставлял послушание. Его старец, чтобы дать ему достичь совершенного бесстрастия, обличал его в открытую и отталкивал от себя во время воскресной службы со словами: «Пошел прочь». А он, переполняясь радостью, падал на землю на глазах у всех – простых мирян и отцов – и лобызал ноги старца со словами: «О стопы, за которыми я последую по дороге в рай».

Когда старец переселился из этого суетного мира в вечную обитель, отец Григорий, безудержно стремившийся к безмолвию, отправился на подвиг в каливу Успения Малого скита Праведной Анны.

Калива Честного Предтечи

Отец Григорий сподобился созерцания истины событий, и на глазах у него всегда выступали слезы радости и ликования. Однажды за два часа до захода солнца один юноша, шедший с великим рвением на молитву, увидел, как отец Григорий гладит кота, – и не просто треплет его за шерстку, а ласкает ладонью. Юноша был введен в соблазн и мысленно осудил старца.

Юноша вернулся в Константинополь и стал искать работу, достойную его хорошего образования, но свободных мест ни в одном учреждении не было. Наконец, отчаявшись найти хорошую работу, он отправился в английское посольство и сказал, что ему нужна работа. Посол ответил: «У меня нет работы, разве что выгуливать и кормить мою собаку. Если будут оставаться излишки еды, сможешь и сам поесть». Так юноша, у которого не было средств даже купить хлеба, устроился на работу к послу – кормить собаку.

Однажды юноша, исследуя свою совесть, вспомнил, как он осудил отца Григория за то, что тот ласково гладил кота. Именно за это, понял он, Бог назначил ему наказание и довел до столь жалкого положения. Он сразу же бросил работу, отправился на пристань и сел на русский корабль, который каждую неделю ходил на Афон.

Сойдя с корабля, юноша незамедлительно отправился в Малый скит Святой Анны, где разыскал отца Григория и исповедовался ему, что осудил его. Отец Григорий ответил: «Я

сразу понял, чадо, что ты осудил меня и что враг наших душ за тобой гонится, поэтому я умолил святую Анну привести тебя назад, и так и стало. Поэтому будь бдителен, не осуждай монахов, потому что они скрывают свою добродетель и часто юродствуют, чтобы их не восхваляли».

Все это мне рассказал мой духовный наставник – старец Онуфрий. Он уже собирался уходить, но я его удержал: «Смилуйся, старец, посиди еще немного. Я расскажу тебе, что мне поведал отец Паисий, ученик старца Кирилла. Однажды он отправился в монастырь Затворников (Клистон) и там встретил монаха по имени Климент. Тот ему рассказал о таком чудесном событии. Однажды, после елеосвящения на службе Великого Четверга, в притворе собора несколько монахов завели беседу. Они говорили, что теперь на Афоне уже нет «нагих» монахов. Когда отец Григорий, святой и кроткий человек, услышал этот разговор, то подошел к инокам и сказал им кротко: «Незачем препираться, братья. И в наши дни нагие монахи совершают свой святой подвиг». Те просто закричали от удивления: «Если есть такие, покажи их нам». Отец

Григорий ответил: «Послушайте, честные отцы. Я, меньший из монахов, хожу к ним каждый Великий Четверг и причащаю. Их пятеро, и они уже ждут меня, чтобы я пришел их причастить». С этими словами он собрался и пошел по дороге в пустынную область, в которой никто, кроме него, не бывал, и стал искать этих монахов, но, к несчастью, никого не нашел. Он вернулся в скит и каждый день плакал, тяжело переживая то, что не удостоился их причастить.

В следующий Великий Четверг отец Григорий снова взял Святые Дары и отправился их причащать. К своей великой радости он нашел их, но они со слезами сказали ему: «Разве мы тебя не предупреждали, чтобы ты никому о нас не говорил? Ты разгласил то, что разглашать было не велено, и за это лишил нас Пречистых Таин, которые целый год укрепляют и ободряют нас в брани против невидимых врагов, теснящих и угнетающих нас. Но мы не перестали быть причастны Божеству, и мы знаем, что Пресвятая Владычица Богородица не переставала защищать нас и помогать нам в духовной брани, как Она и обетовала, что будет Утешительницей и Питательницей всех, на Святой Горе подвизающихся».

А после они причастились Святых Таин. Отец Григорий с радостью попросил их благословения, ибо они в последние времена явились подражателями и преемниками преподобных Онуфрия и Петра, и они попрощались».

Когда старец Онуфрий выслушал это, то сказал мне: «Мы обо всем этом знали, но нам было заповедано молчать».

В своем стремлении к безмолвию отец Григорий отправился в Малый скит Святой Анны, оставив в каливе Честнаго Предтечи своего послушника, отца Аверкия, который, хотя происходил из Болгарии, но, как жаждущий олень, прибег к эллинскому духу и говорил погречески без ошибок.

Когда отец Григорий уходил, отец Аверкий рыдал и бил себя в грудь со словами: «Старец мой и наставник, не оставляй меня одного». Он проводил его до самого скита. У входа в скит отец Григорий смог утешить своего ученика, сказав ему: «Не печалься, чадо, мы не растаемся, все равно на праздниках будем видеться в соборе и я смогу тебе дать любой совет». И старец убедил ученика вернуться в каливу.

Духовник отец Аверкий

А теперь я расскажу вам немного об отце духовном наставнике и старце моего старца Азария. Он меня постриг в великую схиму в каливе Святой Троицы, когда на всей Святой Горе знали о моем уходе из каливы Честнаго Предтечи. Тогда я был в полном отчаянии, но

святая Анна протянула мне несокрушимую трость – старца Онуфрия, послушника блаженной памяти отца Мины Черногорца.

Однажды мы присели отдохнуть, и мой старец, отец Азария, начал рассказывать:

– Ты должен знать, что наш старец, отец Аверкий, родом из Анхиала, и родной язык у него болгарский. Но и по-гречески он не делает ошибок. Он – племянник митрополита Смирнского Василия. Митрополит Василий такое дерзновение имел пред Всеблагим Богом, что даже турки, когда тяжело болели, шли к митрополиту, дяде нашего старца, и исцелялись.

Старцы каливы Честного Предтечи (стоят слева направо: отцы Нектарий, Аверкий и Иоанн)

Особенно благоговейно относился к митрополиту Василию турецкий наместник в Смирне, которого называли гяур Смирны. Он так полюбил христиан, что почти всеми мастерскими в Смирне владели тогда ромеи.

Последователи Лютера и Кальвина, которых в простом народе называют «евангелистами», стали собираться в одном доме на молитвенные собрания, чтобы тайно проповедовать свои ереси. Наконец, они набрались смелости и написали над входом в этот дом «Греческая Евангельская Церковь».

Когда Василий Смирнский увидел эту надпись, то однажды, воскресным днем, он пришел на их собрание и стал объяснять истину Православия и обличать заблуждения Лютера и Кальвина. Но они его не послушались, и через несколько дней митрополит вернулся с лестницей, замазал надпись «Греческая Евангельская Церковь» и написал «Лютеро-кальвинская церковь, а вернее, лжецерковь дьявола, а не Христа». Митрополит Василий был столь рев-

ностен в защите православной веры, что многократно ему угрожало мученичество, как прежде, когда много раз страдали мученики за Христа.

Дядя и племянник поддерживали общение и после ухода племянника на Афон. Когда митрополит Василий узнал, что в каливе Честного Предтечи стоят деревянные желоба, он закупил жестяные трубы и отправил их для водоснабжения каливы, а также прислал и паникадило, которое и сейчас висит там в церкви²⁸.

– Мы, – продолжил старец Азария, – нестяжатели. Мы продаем лимоны и апельсины, собранные в каливе, и на все деньги покупаем зерно на год. В Карею мы ходим редко, как нам говорил блаженной памяти старец Аверкий:

– Монах из Святой Анны не должен выходить за скитскую ограду, чтобы не утратить хода деятельной добродетели: ведь только так монах может взойти к высотам внутреннего делания.

К нему приходило множество людей на исповедь. Многие стали к нему ходить после кончины блаженной памяти отца Саввы из каливы Воскресения Малой Святой Анны, потому что он был послушен во всем, даже на лице выражая готовность сразу откликаться на любую просьбу. Все отцы знали, что его послушание безупречно и что в нем совершенно не осталось собственной воли. По древнему порядку Святой Горы Афон, они ходили к нему, советовались и освобождались от лукавых помыслов, которые внушали им бесы: уклониться от послушания и бесчинствовать хотя бы в душе.

Один из этих учеников, отец Кесарий из храма Рождества Богородицы, и еще некоторые, не помню их имена, всякий раз служили литургию босиком, было ли то летом или зимой. Они подражали первоначальному своему подвижническому преданию, отцу Илариону Иверу, который совершал подвиг безмолвия над монастырем Дионисиат, в месте Птохопродром. А после, приняв на себя подвиг отшельничества, он отправился к каливе Воскресения, где скончался его послушник отец Савва Духовник.

Отец Аверкий во всем подражал своему старцу, отцу Григорию, и отцу Мине Черногорскому. Из его уст не исходило ни одного невоздержного слова. Он продавал лимоны и апельсины, чтобы закупить зерно.

Отец Аверкий выходил навстречу любому прохожему и звал его принять угощение. Когда странник стучался в дверь, отец Аверкий открывал и выносил ему деревянный поднос, на котором лежали пять-шесть смокв, а также деревянная чашка с водой, а потом, поклонившись, убежал, чтобы не вступить в разговор и не утратить единения с Богом.

Когда в скиту был всеобщий труд («панкиния»), первым брался за любую работу отец Аверкий. У него всегда был при себе трос, и он не оставлял послушания любви. Отцы говорили ему: «Духовный наш отец, ты уже стар. Служишь литургию каждый день, живешь на хлебе и воде каждый день, что с тобой станет? Пожалей хотя бы свою плоть, чтобы она тебе послужила до гроба». Но он со слезами на глазах строго отвечал: «Отцы мои, пусть я уже стар, но должно блюсти послушание, чтобы не показать себя бесчинником, когда душа будет уходить из тела. Ведь иначе меня предадут на мучения».

Отец Аверкий многих учил и спасал. Среди этого множества верных был и юноша из Смирны. Он узнал о добродетели старца от его дяди, соревнователя в добродетели, владыки Василия Смирнского.

Этот юноша был очень слаб здоровьем. Когда отец Аверкий его увидел, то сказал: «Добрый друг, у тебя так мало сил, тебе не выдержать жизни в скиту». Но юноша ответил: «Я исполняю послушание перед владыкой Василием, хотя у меня и плохо с легкими».

Через несколько лет оказалось, что юноша из Смирны болен туберкулезом. Отец Аверкий не мог распорядиться об особом для него режиме: это было бы нарушением скит-

---

²⁸ Сейчас это паникадило можно увидеть в каливе Святой Троицы, где и жил старец Хрисанф.

ского устава. Поэтому юноша попросил благословения на уход в мир. Отец Аверкий сказал: «Никак не могу на это благословить». Юноша спросил: «Мне уже нужно думать о душе?» – «Да, уже пора».

Настал час разлучения души с телом. Всеблагой Бог, ради научения живущих отцов и их преемников, попустил, чтобы душа проходила мытарства суда еще будучи в теле. Душа, отвечая на вопросы незримых истязателей, всегда говорила «нет». Только единожды лицо юноши перекошилось и он сказал «да».

Как только отец Аверкий услышал это, он спросил своего умирающего послушника: «Что это с тобой, чадо мое?» – «Послушай, старче мой. Я был помощником казначея церкви Святой Фотинии в Смирне и однажды, когда мне не хватало на жизнь, присвоил три гроша с дискаса. Поэтому теперь не может моя душа выйти из тела». Тогда старец молвил: «А если я верну эти три гроша, твоя душа освободится?» – «Да», – с уверенностью ответил юноша.

Когда скитские отцы об этом узнали, то внесли деньги, на которые покупали себе еду, потому что у юноши не осталось ни гроша. Отец Аверкий отнес деньги в кружку монастырского собора и только вернулся в каливу, как юноша, увидев его, закричал с сильной радостью и ликованием: «Благодарю тебя, мой старец, благодарю тебя, святой из Смирны, за то, что я послушался тебя и пришел в это святое место, в котором освятилось столько мужей! Вот, они ждут, чтобы сопроводить мою душу». И с этими словами он предал душу Богу. Лицо его стало белым как снег, и все бывшие там отцы нарекли его блаженным.

Через несколько лет отец Аверкий тоже занемог. О его последнем часе рассказал мне отец Константин, когда мы однажды беседовали о монашеском правиле.

«Будь очень внимателен, – говорил он мне, – никогда не опускай правила. Твой духовник, отец Аверкий, умирал. Мы все, священники, пришли и велели ему причаститься. Он нам сказал: «Как мне можно причащаться, отцы, я не читал молитв уже неделю». И он не причастился, чтобы не нарушить устава».

Отец Аверкий так боялся Бога, что, когда служил литургию, не смотрел по сторонам, но только перед собой.

Отец Герман

Когда отец Григорий ушел в Малый скит Праведной Анны, отец Аверкий очень огорчился, что ему придется одному остаться в каливе Честнаго Предтечи. Поэтому разрешили, чтобы вместе с ним жил его двоюродный брат, отец Герман.

Отец Герман весь полыхал огнем божественной любви. Он с самого прибытия в монастырь стремился отправиться в мир проповедовать. Наконец, он получил разрешение обучать вере христиан Александрии, стенающих среди иноверцев. По ходу своей проповеди он постриг пятерых учениц в монахини. Им он дал заповедь всегда быть вместе, живя в одном доме, и заниматься рукоделием. Но вскоре Александрия перешла под английское управление. Отец Герман, опасаясь, что англичане велют распустить общину, стал собирать на улицах конский навоз, продавать его огородникам, а на вырученные деньги покупать монахиням еду.

Когда дела в Александрии уладились, отец Герман вернулся на Святую Гору. Памятны его мудрые слова: «Любой выходец со Святой Горы должен учить поработенных христиан, чтобы они не достались разным чуждым проповедникам. А если он постригает, даже в рясофор, монахинь, он должен запретить им вообще покидать свой монастырь, ибо вне стен монастыря они не смогут оградить свои очи от суеты».

Отец Аверкий сказал вернувшемуся брату: «Я не могу здесь тебя оставлять, а то непременно начнешь рассказывать братьям все, что повидал в миру, а от этого им будет один вред».

Тогда отец Герман ушел из Святой Анны и поселился в Карее. Там он жил по типикону Святой Горы в кавии²⁹.

Множество мирян и трудников Святой Горы Афон приходили к отцу Герману в его кавию и исповедовались ему. А он встречал всех гостей с радостью и любовью: он им готовил, прислуживал и наставлял их быть твердыми в вере и готовыми пролить кровь за Христа, чтобы стать причастниками рая, а не предателями Христа ради временных утех и покоя. «Нужно беречься, – говорил он, – латинян и так называемых христиан веры евангельской, потому что они волки в овечьих шкурах. О них все сказано в Евангелии, и их учение сразу ввергает в вечные муки».

Затем отец Герман советовал молиться непрестанно:

– Если не можешь, говорил, произносить всю молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», то вставай ночью, становись на земле коленопреклоненно, простирай руки ввысь и произноси: «Господи, помилуй». Если во время молитвы начнутся слезы, сдерживай их, покуда возможно. В пище довольствуйся малым. Не жалуйся на то, что платишь дань туркам, – твоя стойкость и терпение перед насилием завоевателей укажут тебе дорогу к раю.

Кроме мудрых советов, отец Герман давал посетителям и милостыню, сколько мог. Он был настолько нестяжателен, что после захода солнца у него в комнате не оставалось даже самой мелкой монеты³⁰.

Как и всякий питомец Святой Анны отец Герман был против отказов работать.

Если кто-то не хотел работать, отец Герман подходил к нему в час трапезы и говорил: «Как прекрасно питаться духовной пищей. Нет в Карее лучшей пищи, чем духовная». Он указывал на престарелых монахов: одни плели корзины из лозы, другие собирали латук на ксиропотамских лугах, третьи рвали душицу и давили из нее масло, четвертые собирали семя лавра для отжима лаврового масла, а другие поднимались по кручам Афона, чтобы собрать амарант. Все это они продавали, чтобы купить в Карее продукты.

Отец Герман советовал подражать всем отцам, трудящимся ради насущного хлеба. Но самому ему часто докучала страсть безделья. Много раз, когда страсть не давала ему ничего делать, он, не вынося ее соблазна, поднимал крышку кастрюли и торжественно плевал себе в еду: «Тебе приятно есть, не работая? Плевать буду в такую еду каждый день». И он уходил и принимался за обычный труд.

Когда я отправлялся в Карею, то блаженной памяти старец Косьма, ученик отца Саввы, и старец Арефа говорили мне: «Бери сумку и ступай работать. Отец Герман чему тебя учил? – тому, что нужно постоянно работать».

---

²⁹ Примечание отца Хрисанфа: *кавия* – это маленькая комната с кухней. Как показывает святой Никодим в «Службе Афонским отцам», «кавиотами» зовутся те монахи, которые, чтобы побороть сон, держатся за канаты – «кавы», отсюда и слово «кавия».

³⁰ В оригинале *параши* – турецкая монета, составляющая 1/40 пиастра (греч. «гроша»).

На сборе урожая

Так я понял, что труд для монаха – самое важное дело: он должен работать без усталости, как пчела.

Блаженной памяти отец Герман стал в Карее примером истинного монашеского жития.

Нет у меня времени и дальше распространяться о его добродетелях, потому что я все еще болею.

Он начал свой путь, как апостол, а умер – как преподобный.

Старец Азария

(из письма)

Сегодня мы празднуем память святого Иоанна Предтечи. Сегодня престольный праздник в каливе, в которой прожил свою жизнь блаженной памяти отец Григорий. Он прислуживал нагим подвижникам пустынного Афона. Ради большего безмолвия и неучастия в общих людских отношениях он перешел в Малый скит Святой Анны, оставив отца Аверкия, племянника Смирнского митрополита Василия. Митрополит тот был столь великой святости, что к нему тайно приходили турки для исцеления. Когда отец Аверкий почил, его преемником стал послушник отец Азария, – тот самый, который и меня постриг. Мирское имя отца Азарии было Анастасий Мутафис, он происходил из Вриулы под Смирной.

Отец Азария никогда ни с кем не вступал в спор. Он часто болел, всю жизнь страдая от тяжкого недуга, но ни разу не позволил себе ни в понедельник, ни в среду, ни в пятницу

вкушения пищи с маслом. Каждый день он ходил на все службы в храме: приходил первым и уходил последним.

А когда служились всенощные (в то время в монастыре они служились дважды или трижды в неделю), он отправлялся в собор, и когда кончалась литургия, то, чтобы не ввести братьев в соблазн своим отдыхом, сразу же садился за работу. Он брал в руки неоконченное изделие, изобразив иноческую согбенность; и всю выручку от продажи изделий отдавал братству.

Мы часто садились рядом с ним. И я, ленивый и лукавый, все равно старался наблюдать за ним, так как его келья была рядом. Я видел, что он самым строгим образом исполняет монашеское правило и, погруженный в молчание, молится непрестанно.

Из его уст никогда не исходило неподобающего слова: подражая блаженной памяти отцу Аверкию, он хранил предельное молчание.

Я подражал ему как мог, но, к сожалению, не сумел тогда выдержать бурь и смятений в своей душе. Никогда он не произносил дурного слова, никогда не терзали его нечистые помыслы и образы. Он всегда вспоминал блаженной памяти отца Григория, прислуживавшего нагим старцам, и восходил в созерцании к красоте Божией.

Любимым его чтением было толкование «степеней» Псалтири в «Новой Лестнице» святого Никодима.

Прежде всего, он держался такого обычая. Каждый понедельник вечером он прочитывал акафист Иоанну Предтече. Когда он читал акафист, то спускался со стасидии, и видно было, как он окрылялся радостью и ликованием.

Более того, во всякий день памяти честнаго Предтечи его лицо преображалось, становясь радостным и благодатным. А когда произносилось поминание благостроителей монастыря (ктиторов), он сосредотачивался, взирая на поющих священников со слезами умиления.

У старца Азария была небольшая лодка, с которой он ловил рыбу. Скитские отцы дивились, что сеть у него маленькая, но когда он бросает ее в море, то возвращается она со множеством рыбы, так что могут поесть все отцы.

Когда он возвращался из моря с уловом, к нему сбегались все окрестные коты. Но он никогда их не ласкал и вообще внимания на них не обращал.

Как-то один брат его спросил: «Почему ты не улыбнешься котам, не погладишь их?» Старец ответил, что, по правилу Василия Великого, если христианин погладит какое-то животное, он не должен семь дней вкушать антидор, но обязан творить по сто поклонов, чтобы заслужить прощение.

Правда, о своих обязанностях перед котами он не забывал и кормил их всех, потому что кто еще отпугнет от каливы змей. Но на этом общение с котами заканчивалось.

Когда старец Азария видел непослушного монаха, то плакал и терзался. Его спрашивали, почему он печален. Он всегда отвечал: «Даже если старец уехал далеко, он молитвенно всегда пребывает вместе с послушником и сохраняет его от множества зол. Ведь родительская молитва – самый надежный покров. А если послушник строптив, его можно сравнить с кораблем, на котором нет балласта. Только ударит волна – он сразу накренится, еще одна волна – он зачерпнет воды и быстро пойдет на дно. Это же претерпевает бесчинный монах, когда забывает о своем старце».

Старец Азария учил меня в уединенных беседах практике монашеского жительства на живых примерах. Только примеры могут укрепить того монаха, которого преследуют и над которым смеются. Много было примеров и великой добродетели, и великой святости преподобных. Чтобы я затвердил выученное и вспоминал все, когда устану на службе или когда меня посылали в мир продать рукоделие, эти уроки повторялись. Нужно было всякий раз нам напоминать, по какой причине мы оставили мир. Но я не был лучшим учеником: я

оставил монастырь Симонопетра и отправился на скалы Святой Анны, собираясь принять на себя большой подвиг.

Блаженный старец-безмолвник отец Азария, мой старец, почил, стойко выдержав тяжелейшую болезнь, 1 июня 1947 года, в субботу; а было ему 80 лет.

Зачем я тебе решил это сообщить? Чтобы ты понимал, сколь великой милости удостоила тебя Пресвятая Богородица. Ты стал преемником святых людей и духовным чадом величайших отцов.

Наша обязанность – им подражать, не будем им подражать – пропадем.

Вы, насельники каливы Честнаго Предтечи! Просите своего небесного покровителя день и ночь, чтобы он хранил вас от всякого зла, не оставляйте молитву, друг друга почитайте и друг другу не перечьте. Полюбите читать отцов-исихастов, а всякие споры среди монахов приводят к неподобающим решениям. Когда такое происходит, то видно, как во время чтения правила некий мавр помрачает ум прекословиями, которые за весь этот день произошли.

Святой Арсений, чтобы сохранить свой ум в чистоте, когда выходил из дома безмолвия, закрывал лицо, дабы не утратить созерцания Бога.

И в наши дни многие отцы закрывают лицо, чтобы не видеть и не слышать других братьев. Это делание совершал старец Онуфрий, блаженный отец Мина и многие другие.

И если ты хочешь, чтобы сладчайшее имя Владыки Христа было как сладостный лукум у тебя в устах, подражай без рассуждения деланию наших отцов. И прежде всего подумай об этом сегодня, в праздник начинателя монашества – честнаго Предтечи, который, живя в пустыне, ел мед и побег трав.

Мед – это постоянное благоговейное созерцание Бога, а травяная пища напоминает человеку, что он от земли взят.

Монах должен сохранять в себе сладость духовных созерцаний, которые возносят его к величайшим высотам. Этих высот достиг блаженной памяти наш духовный дедушка отец Григорий и многие другие.

К несчастью, введение григорианского календаря сейчас привнесло смуту по всему миру, начиная с нашего священного места. Все оставили беседы о сладости созерцания Бога и обсуждают дела, о которых нечего знать монахам-безмолвникам.

А ты внимай безмолвию, которое – мать всех добродетелей. Ты вполне научен видеть, что все уже в раю, а ты единственный предан мучениям. Говори в уме: *Видь смирение мое и скорбь мою и остави все грехи моя*³¹.

Пока монах совершает такое делание, он не будет любопытствовать о том, что происходит в миру.

Вот, кратко написал тебе об этом предмете. И ты помолись Господу за меня.

Старец Нектарий

У старца Азарии был двоюродный брат, которого звали Андреем. Когда старец Азария, по своей величайшей любви к безмолвию, стал общаться со всеми только жестами, как я это много раз наблюдал, управление каливой досталось его двоюродному брату. Однажды тот отправился на колодец и умер там прямо на месте. После похорон отец Азария отчаянно искал замену по всем каливам. Наконец, нашелся старец Нектарий.

Сначала отец Нектарий жил в каливе Рождества Христова. Затем он перешел в каливу Архангелов и стал прислуживать старцу Антонию, родом из Цирно на Кифере. Его послушником был отец Хрисанф – тот, который восемнадцать лет пономарил в скитском соборе

---

³¹ Псал. 24, 18.

босиком. От постоянного стояния и хождения босиком ноги его стали гноиться, и умер он, как мученик.

Когда старец Антоний достаточно прожил в Архангелах, отец Азария позвал его к себе в каливу Честнаго Предтечи. Там старец доблестно прошел через все искушения и стал опытным в монашеском образе жизни.

Затем в каливу прибыли два племянника старца Нектария. Еще один новичок, рясофорный монах Исихий, сначала трудился в монастыре Святого Марка. А затем прибыл и я. Одного из племянников назвали при постриге Иоанном в честь святого Иоанна Предтечи, а меня, когда постригали в рясофор, – Хрисанфом, в память названного отца Христанфа, мученически погибшего послушника старца Антония в каливе Архангелов.

Вскоре, на Введение, постригли и других двух братьев, принятых отцом Нектарием. Исихий из Святого Марка на Хиосе получил имя Антоний, в память о старце Антонии. А второй племянник отца Нектария был назван Аверкием, в память о блаженном отце Аверкие. Он почил в 1978 году, в пятницу Светлой пасхальной седмицы, и отцы хоронили его с пасхальными песнопениями. Кончина его была блаженной: он вернулся со скитского молебна, прилег и почил.

Старец Нектарий был столь милосерден, что если бы мог, и стены каливы Честнаго Предтечи раздал бы, как милостыню, пустынным и многочисленным братьям, рабствующим у турок. О его внутреннем делании знал только блаженной памяти старец Азария. Однажды, копая огород, он мне сказал:

– Знаешь ли ты о делании старца Нектария? После повечерия он уходит, отправляется к пустынным и отдает им все заработанное.

Прошло время, и он стал дикеем, то есть настоятелем скита. Всех его скитских сподвижников нужно было рукоположить во священники. Но они уклонились от рукоположения, уступив свою очередь другим. Сначала их бранили за это и причиняли скорби, но после покаялись и попросили прощения за произведенные искушения.

Когда срок «дикейства»³² отца Нектария истек, он решил отправиться на родину, в Вурлу под Смирной, как раз напротив Хиоса.

Я был тогда исключен из числа братии каливы Честнаго Предтечи, и мне было велено перейти в послушание старцу Арсению, преемником которого на Саламине стал старец Нектарий.

---

³² По скитскому уставу срок составляет один год. В обязанности дикеев входит надзор за порядком и благолепием в архондарике, соборе, трапезной и на любых общих богослужениях.

Старец Нектарий из скита Праведной Анны

Старец Арсений выкупил каливу Святой Троицы, которая стоит выше собора. Я совершал послушание ему, а после, когда он был дикеем, получил благословение идти в мир и там потрудиться ради Церкви.

Когда я готовился к возвращению на Афон, то узнавший об этом мой друг детства, отец Паисий, сказал: «Постой, Хрисанф, мне говорит помысл, чтобы и я с тобой отправился на Святую Гору». Я ему ответил только: «Давай». Уехали мы вместе.

Когда мы сходили с корабля на пристань Дафны, то увидели старца Нектария, стоявшего вместе со старцем Кириллом, духовным наставником отца Паисия. Я по обычаю совершил земной поклон и облобызал руку отца Нектария. Тот был тронут до слез.

Он обратился ко мне:

– Прости меня, что я тебя тогда расстроил. Ты – благодетель каливы Честного Предтеча. Когда англичане и французы направляли монахов на принудительные работы, таскать бревна, – мы тебя отправили в мир. Оставаясь монахом, ты стал предпринимателем, сумел продать столько изделий каливы, не оставив себе даже полушки. А я так поступал, потому что был слишком привязан к моим племянникам. Я боялся, что ты, как выходец из старых земель Греции, начнешь их притеснять. Я знал о твоём происхождении, видя, как хорошо ты говоришь и читаешь по-гречески.

Он со слезами спускался по трапу, предчувствуя, вероятно, свою мученическую смерть от кинжалов Кемалья³³.

Отец Кирилл, старец отца Паисия, тоже возвращался в мир и посоветовал своему соотечественнику, старцу Нектарию, навестить семью в Вурле.

Во время резни в Смирне турки собрали всех священников и монахов на одной барже и держали их там под охраной. Некоторые старцы из разных монастырей и обителей, помнившие о книжных пророчествах, устроили побег и смогли добраться до Хиоса и Митилены.

---

³³ Кемаль Ататюрк, Мустафа – генерал, турецкий полководец, основатель и идеолог современного турецкого светского государства. Сохранил единство Турции, для усиления армии предпринял ряд агрессивных акций, в том числе резню греков в 1922 году.

Все остальные пленники, монахи и священники, ждали расстрела. Только старец Нектарий утешал их, обращаясь с такой речью:

– Братья, мы еще в отроческие годы оставили мир и все, что в мире, ради Христа. Поэтому, если Всеблагой Христос предназначит нам мученичество, мы не должны бояться. Лучше давайте-ка исповедуем все наши грехи, чтобы страх смерти отошел от нас прочь.

Все послушались его слов, исповедовались, обрели дезновение и приняли мученическую кончину. Только один диакон, по Промыслу Божию, выжил, и он мне рассказывал об этом на всенощной в Святой Фотине в Илиссе.

Видите, сколь могущественна милостыня? Старец Нектарий был милостив всегда, не жалея своих сил, и когда он умирал, милостыня, первейшая дочь из Божиих добродетелей, помогла ему презреть смерть и встретить мученическую кончину во Христе.

Мученичество старца Нектария отозвалось в моей душе вспышкой благодатнейшей веры.

Незримый голос молвил мне, чтобы я всегда видел перед собой пример старца Нектария и никогда не боялся смерти.

Поэтому, когда в Церкви был введен новый календарь, я совершенно не думал о смерти и мужественно отвечал архиепископу Хризостому (Пападопулосу) в присутствии начальника всей полиции, когда мне пригрозили высылкой из скита Праведной Анны:

– Я отправлюсь тогда к себе домой на покаяние, но с тобой мы еще встретимся на Страшном Суде, где будет рассмотрено все зло, которое ты причинил Греческой Церкви.

Скит Святой Троицы

Что сообщил старец Онуфрий отцу Хрисанфу прежде, чем принять его

Мне был двадцать один год, когда меня зачислили в каливу Святой Троицы. Мне сказали, что моим старцем будет мой двоюродный брат, отец Арсений из Саламина. А я все думал о жизни в общежительном монастыре и стремился поступить в монашескую общину. До введения григорианского календаря монашеская община была, как царская магистраль, по которой послушнику легко можно дойти до бесстрастия, а через бесстрастие – достичь ведения Триипостасного Бога.

Мой двоюродный брат и старец отпустил меня в общину.

Шли месяцы, наступил август. Я видел, как все вокруг меняется: деревья, кустарники, ручьи, и, короче говоря, вся природа Святой Горы – Сада Пресвятой Богородицы – менялась. Словно закатный свет озарял каждую былинку, и золотые отсветы начинающейся осени ужасали. Не знаю, почему я так все это переживал.

Блаженной памяти старец Онуфрий, послушник отца Мины, решил уйти из каливы Преображения. По своему обычаю, он ушел не сразу, а только закончив все дела. Вообще, вся его жизнь была примером того, как не доставлять хлопот другим людям.

Он обосновался в каливе Святой Троицы. У меня тогда не было ничего. Даже хлеба я не мог достать, потому что не состоял в братии. Когда старец спросил: «Дорогой друг, как у тебя дела? Чем живешь?» – я не нашелся, что ответить. Хотя он меня не принял к себе, я благоговел перед ним, понимая, что он всегда думает о спасении моей души.

Затем я сказал: «В этом святом месте нет у меня советника. Все говорят, что я должен сменить старца и порвать с каливой. А мне нужно стать послушником, иначе у меня даже пропитания не будет».

Как обычно, старец молчал, чтобы никого не осуждать. Но позже ответил: «Ну, брат, разве ты не знаешь, что сейчас август? Подумай о том, что тебе и дальше пребывать в ограде Пресвятой Богородицы. Тебе нужно оставаться в нашем скиту, названном в честь Ее матери, праведной Анны».

Я ему рассказал о моих обстоятельствах и обо всех переживаемых чувствах. Старец ответил мне: «В прошлое воскресение уставщик зачитывал проповедь Илии Минятия на слова Соломона: «Проси, мати моя». Проповедническое искусство слов Минятия позволяет любому монаху оторваться умом от всего земного и приблизиться непосредственно к Пресвятой Богородице. Пресвятая Богородица – Мать Господа нашего Иисуса Христа по плоти, а по благодати – Мать всех нас, православных христиан. Более всего Она любит тех Своих чад, которые вступили в монашеский чин.

Отправляйся к отшельникам – посмотри на монахов, которые обитают в пещерах и дуплах на Святой Горе. Ты увидишь, что и самый бедный из них читает ту же самую проповедь Илии Минятия со слезами радости и ликования. Все избранники сего священноименитого места читают, кроме проповедей Минятия, и книгу чудес Пресвятой Богородицы, которую написал блаженный Агапий Критский, когда жил в пещере Архангелов, принадлежащей Малому скиту Святой Анны. Многие из наших отцов выучили наизусть эти рассказы о чудесах и вспоминали их, испытывая великую радость и сладость.

Когда монах при чтении доходит до рассказа о чудесном прибытии на Афон иконы Пресвятой Богородицы Вратарницы и о том, как эта икона объявила о себе как о «Икономиссе» монастыря, то есть распорядительнице всех его дел, монах просто застывает от

восторга. Радость льется из его глаз, и он понимает, что, пока существует икона Матери Бога и Госпожи всего творения, рекомая «Икономисса», монастырь никогда не лишится каждодневной насущной пищи.

Следует поразмыслить и о чуде, произошедшем с отцом Парфением, который жил в Малой Святой Анне, в каливе Святого апостола Фомы. Все об этом у нас знают. Ну вот, послушай.

В пещере, где некогда совершали подвиг святой Дионисий Ритор и его послушник Митрофан, жил один простоватый монах. Он никогда не читал никаких книг, кроме книги «Грешников Спасение» Агапия Критского. Когда же почувствовал, что его кончина близится, то сразу пошел к отцу Парфению, отдал ему книгу и сказал, что близок отход его души.

Отец Парфений взял книгу с великим благоговением и спросил, о чем бы он хотел сказать перед смертью. Хотя этот монах был уже очень слаб, ему достало сил выговорить такие важные пророческие слова:

«Отец Парфений, на Святой Горе будет три бедствия. Прежде всего, рука проникнет в Карею и заберет все деньги у всех монастырей». Так и случилось в 1909 году, когда при ограблении банка в Митилене пропали все монастырские деньги. «Затем придут полозья и заставят всех старцев работать на себя. Монахи оставят богослужение, чтобы выполнять приказы». Так и было во время войны 1914 года, когда французский десант и солдаты из других стран объявили об аресте всех монахов и заставили их рубить многовековые деревья и тащить их в море на полозьях. «В-третьих, монахи начнут получать денежную помощь от мирян». Так сейчас и происходит: только на средства мирян монастыри и существуют.

Рассказываю тебе, чтобы ты об этом не забывал, потому что сейчас все это и на самом деле происходит.

Ты должен побывать в монастырях. В каждом из них существуют свои собственные хвалебные последования в честь Пресвятой Богородицы. Прежде всего, обрати внимание на монастыри Иверон и Ватопед: как там поются каноны перед святыми иконами Пресвятой Богородицы, пребывающими в обители. Самая чтимая икона в монастыре Ватопед – образ Пресвятой Богородицы Алтарницы (Виматариссы). После разрушительного пожара эта икона была найдена невредимой алтарником Геннадием, который сначала был пленником на Крите, а после получил свободу и вернулся на Афон.

Вслушайся в песнопения, которые исполняют благоговейные монахи. О, я вспоминаю то славное время! Монахи воспевали гимны Богу, и душа их переполнялась радостью. Оставив всякое земное помышление, их ум окрылялся божественной любовью. Эту неземную любовь монахи особенно питали к Пресвятой Владычице нашей Богородице».

Был воскресный день, и чтобы научить меня прочитывать всегда с искренним желанием акафист Пресвятой Богородице, старец повел меня после окончания службы в монастырь Преподобного Дионисия. Тогдашние отцы этого монастыря хранили полное молчание. Старец отвел меня в придел Пресвятой Богородицы в честь иконы Ея «Акафистной» и сказал:

– Видишь? Эта икона находится не в иконостасе, а на отдельном месте в одном из приделов собора, чтобы все могли к ней подойти. Ее украшают красными ризами, ради паломников и молитвенников, цветом этих одеяний возвещая, что Пресвятая Богородица – до рождения, в рождестве и по рождестве Дева и Матерь Господа нашего

Иисуса Христа. Взирай на эту святую икону всегда со страхом и смирением. В древности от этой иконы проистекало обильно святое миро, поэтому сегодня она выглядит набухшей, как тесто, и от нее исходит несказанное благоухание. Очень внимательно взирай на лица отцов: с какой радостью, с каким ликованием и особым расположением они поют каноны по Минее, прибавляя к ним и акафист Пресвятой Богородице. Август – это месяц, когда ум монаха не отвлекается по сторонам, но, благодаря канонам и акафистам, с легко-

стью отрешается от земных дел. Поэтому всегда будь внимателен. Пусть твой ум постоянно обращается к Пресвятой Богородице. Читай неизданные слова святого Иоанна Дамаскина, сохранившиеся в рукописи монастыря Ватопед, а также вопросо-ответную службу Благовещения – беседу архангела Гавриила с Пресвятой Богородицей. Тогда ты увидишь, сколь великих благ удостоился человеческий род благодаря Пресвятой Владычице нашей Богородице. У меня нет времени рассказать обо всех необычайных чудесах, которые происходили в наши дни. Поэтому скажу тебе только одно. Всегда благоговей перед Пресвятой Богородицей, чтобы не терять время жизни. Нынешний месяц учит тебя возвышать ум над всем земным и устремляться к возлюбившей нас Пресвятой Богородице».

Многое и другое говорил мне старец, что мне не по силам здесь привести.

Когда я читал «Теотокарион»³⁴, просительный канон или акафист, я едва смел взглянуть на святой образ. Я думал только о том, что недостойн видеть святую икону в иконостасе – Одигитрию.

Однажды мне пришел такой помысл: если подойти слева и посмотреть на икону, то будет видно, как Пресвятая Богородица на тебя смотрит. Если подойти справа, то будет то же самое. И если стоять прямо напротив, то же. Я решил проверить помысл, и он оказался верен. Я испугался, не нахожусь ли в прелести. Когда пришел старец, то спросил у него об этом.

– Ну, друг, с этим помыслом тебе надо побывать в монастыре Хиландар. Там нет игумена, потому что Игуменья монастыря – Сама Пресвятая Дева. На игуменском престоле в этом монастыре стоит икона Троеручицы. Церковнослужитель и все прислужники, прежде, чем отправиться работать, совершают земной поклон перед этой иконой. Если их помыслы чисты, они видят радость на лице – то есть Пресвятая Владычица как бы мысленно благословляет их через икону. А если у них есть неподобающие помыслы, – они не дерзают даже приблизиться и совершить поклон. Итак, твой помысл – вовсе не прелесть. Напротив, он знаменует, что Пресвятая Богородица утешает тебя в твоём одиночестве. Просто твоя душа поняла, что Пресвятая Богородица тебя спасает. Вот об этом и помышляй в текущем месяце. Тогда ты покончишь со своей хворью и не будешь тосковать осенью.

Молись больше – и будет тебе великая радость, которой нас удостоила Пресвятая Богородица. Она нас исторгла из мира и привела в Свою ограду.

И не только здесь Пресвятая Богородица – всем нам Мать, но и везде, где есть монастырь или церковь в честь Ее имени, – там Она Питательница, Утешительница и Даровательница сердечной умной молитвы. Об этом и помышляй, тогда только обретешь спасение. Она – спасительная Лествица в нашей временной жизни.

Поучение отца Онуфрия, духовного наставника старца, в Неделю о Фоме

Живу я здесь и совершенно ни о чем не помышляю, кроме как о радости этих святых дней Пасхи.

В Неделю о Фоме мы ели вечером ма-рульский салат с горькими корнями и мятой. Блаженной памяти старец Онуфрий завел со мной беседу и стал задавать мне удивительные вопросы. Среди прочего, мы начали говорить и о смысле евангельского чтения в Неделю о Фоме.

– Ты понимаешь, что тут написано? *Вечеру сушу*, Господь преподал святым апостолам Духа Святого, а с Ним власть *вязать и решать* грехи человеческие. Я, по священноблагословию отца Серафима Аврамейского, стал твоим духовным наставником. Пообещай мне, что будешь слушаться меня и в самой малости. Тогда я сразу же начну тебе рассказывать о

---

³⁴ Собрание песнопений в честь Пресвятой Богородицы.

высоких догматах, потому что с самого дня твоего прихода в скит, хотя ты и юн возрастом, я увидел в тебе старческий ум.

Прежде всего, объясню вкратце, что значит: *что удержите, удержитя*. Затем расскажу о том, почему действие было *на восьмой день*, ибо за этим стоит бесконечно высокий смысл.

Фома зовется «близнецом», так и монах крещен дважды.

В первом крещении он расстался с пра-отеческим грехом, а во втором вознесся к высотам созерцаний.

Фома нетерпеливо желал увидеть Господа нашего Иисуса Христа. И увидев Его, исполнился радостью и ликованием. Ты понимаешь теперь, что следует называть созерцанием Бога?

Фома не убоился и не устрасился, когда Владыка Христос позвал его. Узрев перед собой совершенного Бога и совершенного Человека, он увидел, как взошло солнце после Воскресения. И Солнце Правды, Христос Бог наш, управил, чтобы лучи Воскресения осияли Фому и просветили его очи.

Он позвал Фому и сказал: «Подойди, любезный ученик Фома. Ты говорил братьям-апостолам: давайте умрем вместе с Ним. Приходи теперь и получи мзду за великую любовь ко Мне, Богу твоему. Смотри на Меня без усталости, ощупывай Мои раны, сколько желаешь, ведь в этот миг ты возвышаешься над всеми небесными чинами. Они не смеют взирать на Меня и закрывают лицо свое, а ты возлагаешь руки свои на раны Мои. Исполни свое желание!»

Ибо что еще могло насытить ненасытный ум Фомы! Когда он влагал свои святые ладони во всенепорочные раны Господа нашего Иисуса Христа, то был подобен жаждущему оленю. И наконец, охваченный любовью он закричал во весь голос: *Господь мой и Бог мой!*

В лице апостола Фомы ты видишь весь монашеский чин. Ты видишь всех святых отцов, которые были до нас. Они вкушали божественную любовь Господа нашего Иисуса Христа и не могли насытиться. Примером для себя они считали апостола Фому, проповедь которого не знала границ. Он дошел до Кореи, возвещая узнанного им Богочеловека – Господа нашего Иисуса Христа.

Наши отцы, благодаря своей простоте достигшие бесстрастия, имели перед глазами один пример – как апостол Фома ощупывает раны Господа нашего Иисуса Христа и не может насытиться этим источником небесной любви. Когда они размышляли об этом созерцаемом образе, их ум и разум достигал безмолвия и сопряжения деяний и созерцаний. Они очищали свое сердце во всякий миг и следили, чтобы не вошел в них по небрежению никакой помысл, даже самый малый».

Я стал задавать и другие вопросы по этому евангельскому зачалу. Старец ответил: «Все каноны можно найти в переводах на современный язык, даже канон Антипасхи, а канон Недели о Фоме найти нельзя. Слишком возвышенны в нем все смыслы, и ум человеческий не может в них разобраться».

Говорится: *в восьмой день*. Семь есть возрастов человека, и за все это время монах успеет подняться на горные вершины истинного богословия. А когда он весь преисполнится божественной любовью, то достигнет восьмого дня – дня восстановления божественного замысла. Тогда для него не будет времени или каких-либо еще явлений мира сего.

Когда монах достигает таких высот, он удостаивается всех благодатных даров, в том числе и непрестанной беседы с Богом. Мы знаем, что нашим отцам в зимнее время прислуживали святые ангелы.

Ты живешь один у себя в келье, и нет у тебя ничего, кроме советов, преподанных мной по воле Божией. А сам я получил эти советы от прежних отцов. Я учу тебя тому, что сам

знаю, и показываю тебе места в святоотеческих книгах, чтобы ты полюбил святую жизнь и еще более распространял вокруг себя добродетель и безмолвие.

Вспомни, что написано в Откровении Иоанна Богослова: *Блаженны мертвые, о Господе умершие*»³⁵.

Толковать эти слова нужно следующим образом.

Люди перестанут говорить: «Я согрешил, я виноват, прости меня», – а будут все спрашивать: «Ну почему?» Этот вопрос вводит вопрошающего в соблазн, и поэтому люди забудут о внутренней брани и начнут только пререкаться: кто еретик, кто такой, а кто сякой. Это и будет окончательная духовная смерть.

Но Всеблагой Бог воздвигнет тогда чин монахов, чтобы они напоминали всем людям до конца, как нужно исповедовать Господа нашего Иисуса Христа, Бога и Человека, и призывать святое имя Его. Люди, омертвев духовно, то есть забыв о духовных подвигах, обратятся ко Христу. Исповедав Христа Распятого в миг последнего своего вздыхания, они удостоятся Царствия Божия и, преисполненные радостью, отправятся в место покоя.

Я говорю об этом, потому что несу духовную ответственность за спасение твоей души, но и прежде этого – потому что ты «близнец», то есть крещен дважды. Первый раз – когда ты похоронил первородный грех, а второй раз – когда сподобился ангеловидного монашеского жительства. Истинный монах созерцает перед собой явившегося Владыку, Которого желают видеть все святые ангелы».

Я уже забыл, что хотел сказать тебе о календаре и о других вещах. Пусть об этом скажут те, кто опытнее меня.

* * *

Итак, настал Фомин понедельник. Хотя сад в каливе Святой Троицы невелик, – за ним тоже нужно ухаживать. Я взял грабли, взял корзину и отправился из каливы старца Дамаскина, чтобы собрать прошлогодние листья для перегноя. Перед уходом я спросил отца Симеона, жившего в каливе Дамаскина, как мне найти сад каливы Святой Троицы.

Он улыбнулся: «Ты же знаешь: я монах из скита Святого Димитрия, который ваш и поныне, потому что никто еще не взялся его заселять. А сад ты видишь, когда поднимаешься в каливу по дороге, которую построил духовник отец Матфей. Там еще обитает сейчас Элевтерий четочник. Вашей каливе принадлежат все окрестные скалы. Но кто будет подниматься туда и трудиться там?»

Так сказал мне блаженной памяти отец Симеон. Я сообразил, что делать: поднялся повыше, нашел много перегнивших листьев, сгреб их, наполнил корзину и взвалил на плечи. Грабли я решил оставить, чтобы добыть потом еще и перегноя.

Итак, я послушался помысла, оставил грабли и понес корзину с листьями. Был понедельник, девятый час – время, когда положено есть, если питаешься раз в день. Я нес корзину и, хотя прежде думал, что из Левтери до каливы путь ровный, но на спуске едва мог удерживаться, чтобы не покатиться вниз. Наконец, я достиг тропы отца Матфея, и можно было идти спокойно. Грабли же так и остались лежать: я был столь напуган спуском, что не захотел за ними возвращаться.

Когда вернулся в каливу, меня уже ждала вареная пища, и я смог поесть. Старец подошел ко мне и спросил: «Ты знаешь, что говорит преподобный Ефрем в своих проповедях? Будь внимательна, юность, все время». А я был таким уставшим и измученным, что не мог ничего ответить.

Долгие труды клонили меня ко сну, и я решил после полудня поспать часа два.

---

³⁵ Откр. 14, 13.

Когда же встал, старец начал меня наставлять: «Как же ты, друг, устал за один только день, пока поднимался на скалы и принес удобрение для бобов. А теперь ты должен за ними ухаживать каждый день, чтобы никакая тля и никакой червь их не поели. А сколько раз ты поешь бобов. Если считать с июля по октябрь, то десять раз. Ты должен быть внимателен, чтобы корни не пожрала тля, чтобы ты не перелил воды и растения не начали гнить, и во многом другом.

Пока ты юн, за тобой внимательно смотрит твой духовный наставник. Об этом подробно пишет святой Ефрем.

Он должен научить тебя трезвению, которое – дочь смиренномудрия. А его дочь – при-снотекущая слеза, постоянное осуждение себя и многое другое, о чем рассказывают в своих книгах святые отцы.

Внимай себе, чтобы не утратить молитвы, чтения, делания и созерцания. Их совокупность – лестница и страж. Они возводят тебе на небо.

Посмотри на свою ладонь. У тебя пять пальцев, а не шесть.

Большой палец называй «Господи», указательный «Иисусе», средний «Христе», безымянный «Сыне», а мизинец «Божий».

Когда смотришь на свою ладонь, вспоминай смысл этих пальцев, и, повторяя сладчайшее имя Владыки Христа, ты тогда исполнишь любую работу с радостью и легкостью.

Молись и призывай сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, Богочеловека. Господь наш, Сын и Слово Божие, воплотился ради только одного – чтобы сделать тебя сыном Своего Отца и Своим братом во Святом Духе.

Так что будь внимателен к своей юности. Дела, совершенные тобой сейчас, заступятся за тебя в твой последний час.

Итак, внимай себе. Гласом, превыше всякого гласа, и преисполнившись радостью, призывай сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа. Имя Иисуса названо оком всего творения. Входя в сердце, это имя делает монаха пригодным к любому делу. Так что собирая там наверху листья для грядок, не тяготись этим, но восходи выше. Ведь безмолвие учит, что есть твой «внутренний человек». Его постарайся полностью очистить повторением сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа. Ум и разумение твое тогда так окрепнут, что память о Господе никогда не исчезнет в твоём сердце. Воспринимая сладость имени Господня, ты поймешь смысл слов Господа нашего Иисуса Христа: *Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди них*³⁶.

Тогда, преисполненный радости, ты не сможешь не только выразить в словах, но, тем более – удовлетворить желание, возрастающее в твоей душе. Ты будешь только думать о том, как Господь наш Иисус Христос выкупил твою душу из рук диавола, ценой Своей крови.

Вот те духовные наслаждения, о которых пишет преподобный Никодим.

Будь внимательна, юность, чтобы тебя не ввел в заблуждение враг души. Пусть он не говорит, что ты должен отправиться в мир и наставлять простых граждан или сам основать монастырь. Это несомненное искушение, и, если ты хотя бы на миг ему поверишь или сочтешь его правдоподобным хоть на волос, этот волос обернется крепким вервием. Господь предупреждает в Евангелии, что искушениям нельзя поддаваться. Потянет диавол за эту веревку и исторгнет тебя из спокойного озера безмолвия. Увы тогда тебе! А мне отвечать, как наставнику, за твою душу. Поэтому мой долг – научить тебя хотя бы первым шагам монашеского жительствова. А потом, благодаря безмолвию, послушанию и отсечению собственной воли ты достигнешь высоких стезей».

На прощание старец мне сказал: «Желаю тебе доброго пути во всем».

---

³⁶ Откр. 14, 13.

Отцы каливы Святой Троицы

Однажды вечером я был очень печален, едва ли не до отчаяния. Но Пресвятой Бог, не оставляющий нас в наших скорбях, управил спасение моей души.

Мой духовный наставник, старец Онуфрий, взял с собой «Добротолубие» и отправился в каливу Пресвятой Троицы. Вижу – очи его наполняются слезами. Я же подумал: «Увы, а я не смогу заснуть спокойно – так меня гнетут скорби».

Вдруг старец кротко произнес: «Постой, друг, посмотри, что делается на небе. Видишь, что луна сегодня красная, словно человеческая кровь? Множество зол поджидают человечество, но мы упросим Пресвятую Богородицу принять наши души в покаянии и исповедании».

Я ответил старцу: «Мне не снести искушений и тоски».

Старец спросил: «Послушай, отец Хрисанф, можно тебе кое-что сказать?»

Но от слез я уже не мог говорить. Старец Онуфрий продолжил: «Помни, что монах – как мураш, который не сеет и не жнет, а только стаскивает готовые запасы себе в муравейник. Что бы с монахом ни произошло, он отправляется к отцам, которые дают ему готовый духовный плод, то есть примеры деяний прежних преподобных отцов. Они совершали подвиги превыше человеческих сил в той маленькой келье, в которой ты живешь».

Расспроси отца Ефрема, брата отца Нафанаила, и он тебе скажет, что подвижниками этой каливы были великие отцы. Среди них – святой новомученик Макарий и святой Лука, претерпевший казнь на Митилене. Когда калива опустела, отец Ефрем отправился туда и забрал святую главу Макария и множество книг. Но целые шкафы, заполненные книгами, остались. Эти книги нам во свидетельство и во утверждение: они возвещают о подвигах отцов, ставших делателями умной молитвы. Такая молитва возвышает монаха до знания небесных тайн.

Калива Святой Троицы в скиту Праведной Анны

Слышал я также, что во времена движения колливадов в этой каливе Святой

Троицы совершал подвиг безмолвия отец Нифонт с Хиоса. Он столь возлюбил Всеблагое Бога, что ни на миг не позволял своему уму сходить к земным вещам. Многие боялись, что он впал в прелесть и советовали ему хотя бы на некоторое время оставить молитву и созерцание и подумать о чем-то земном. Отец Нифонт готов был слушаться любого, но не мог думать ни о чем земном! Когда вокруг движения колливадов разгорелся спор, он был вынужден покинуть Святой Афон, плача и стеная. Старец прибыл на остров Икарию, где основал святой Благовещенский монастырь. Он же был духовником святого Макария, епи-

скопа Коринфского. После он перебрался на остров Скиафос, где основал другой святой монастырь Благовещения и там почил о Господе в 1809 году.

Также в пещере каливы, где у вас сейчас устроена гостевая, однажды святой Герасим Кефалонийский молился сорок дней без сна и без еды».

От этих слов старца Онуфрия моя душа обрела великое утешение. Всю мою скорбь словно рукой сняло.

На следующей день ко мне зашел старец Гавриил из двухэтажной каливы Благовещения и сказал мне напрямую, что в каливе Святой Троицы всегда бывает великое благодатное безмолвие. Святой Герасим нашел это столь желанное его душе место и провел там сорок дней и ночей.

Я слышал от скитских отцов и многое другое о каливе Святой Троицы и от всей души благодарил Пресвятую Богородицу, образ Которой однажды ночью сам видел во сне. Но я рассудил, что не нужно обращать на это внимания: ведь я недостойн созерцать небесные видения.

Другой раз старец Онуфрий рассказал мне о некоем послушнике из каливы Святой Троицы: «Был один послушник в каливе, где ты сейчас живешь, и старец у него был очень рассудительным. Послушник постоянно жаловался и заявлял старцу: «Я уйду, уйду, я не могу уже больше быть здесь». Однажды утром все в этом святом месте узнали, что послушник вернулся в мир. Все скитские отцы решили: «Несчастный брат, он послушался своего помысла и не поверил, что помощью ему здесь станут ходатайства всех безвестных отцов, освятивших своими молитвами эту малую каливу. Но может быть, их горячие молитвы не дадут ему пропасть.»

Прошло несколько лет (сколько, не помню), и вдруг пронеслось известие, что прибыл этот послушник, тяжело болеющий. Он медленно и с трудом поднимался по скитской дороге и просил прощения у всех братьев и отцов, которых встречал: «Отцы и братья, простите меня, перебежчика». Старец принял его к себе с великой радостью, прославив Бога.

Но болезнь доставляла послушнику тяжкие страдания, и, даже лежа в постели, он повторял: «Крючья уготованы для грешников, и прежде всего – для непослушных послушников, отвергших обеты ангельского образа».

Навещали брата все послушники из скита. Он им говорил только одно: «Отцы и братья, будьте внимательны, не принижайте послушание. Вы видите, как мне сейчас больно».

После покаяния этот послушник причастился Святых Христовых Таин и отошел из этого временного мира в спасительную вечность.

Рассказываю тебе это, – закончил свое повествование старец Онуфрий, – чтобы ты знал, что лежишь на той самой кровати в малом архондарике, на которой страдал от тяжелой болезни и после умер заблудший послушник. Принеся искреннее покаяние, он завершил свою жизнь под покровом своего старца».

Он рассказал также историю, случившуюся с другим послушником каливы Святой Троицы.

«Здесь, в каливе, где ты сейчас живешь, был послушник, которого сильно обарывал бес уныния, повергая его в совершенное отчаяние.

Однажды, на закате солнца, когда в монастыре Дионисиат совершалась торжественная служба в навечерие честнаго Предтечи, он помыслил: «Пойду посижу хотя бы на камне да поболтаю ногами».

Он поднялся, залез на камень и начал болтать ногами. Послушник едва мог молиться умом, потому что находился под властью уныния.

Тогда один бесовский полк оставил мир и отправился в монастырь Дионисиат, чтобы искушать братию во время праздничной службы. Один из этих лукавых бесов сказал дру-

гим: «Вон там черная точка: кто-то сидит на скале. Пойду поиздеваюсь над ним». Другие предупредили: «Не ходи, а то этот малый что головня – подойдешь и сгоришь».

Бес же принял облик монаха, приблизился к послушнику и спросил: «Эй, что ты здесь делаешь?» – «А что мне еще делать? – смиренно ответил послушник. – Меня обарывает дух уныния, и я ничего не могу принести Господу моему, кроме как сесть и начать болтать ногами».

Только бес услышал эти смиренные слова, как тотчас отступил и вернулся к себе в строй. Другие бесы сказали: «Мы разве не предупреждали тебя, что к этой головне нельзя приближаться?».

Мы знаем об этом происшествии из местного предания. Все старцы пересказывают эту историю тем послушникам, которые не в силах исполнять свои духовные обязанности.»

Праздник Вознесения Господня в скиту Святой Анны

(из письма)

Возлюбленное чадо Пресвятой Богородицы, великая любовь Которой привела тебя в Ее ограду, радуйся о Господе!

Сегодня, в день великого праздника Христова Вознесения, когда в соборе Праведной Анны закончилась всенощная, видно было, как лица всех отцов, старцев и юных сияли паче солнца. Ведь на последней литургии все отцы причастились Непорочных Таин. Предание научило всех отцов, как нужно стоять на всенощной и как слушать с благоговением чтения последования и проповеди святых богословов, которые говорят о сегодняшнем празднике.

Я был неумным юношей, и еще литургия не успевала кончиться, как уже не мог удержаться на месте. Мне невмоготу было не приблизиться к моему старцу и не расспросить обо всех словах последования. Прежде всего, хотел я уяснить смысл тропарей на литии и понять, почему они так высоко возводят ум – от земли прямо до самого неба.

Тогда я вел простую жизнь, питался рыбой, сыром, не помню даже, часто или нет. Не помню, чтобы старец мне что-то говорил о том, что когда есть. Он только напоминал слова Священного Писания: *«Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»*³⁷. Когда я начал задавать старцу вопросы по богослужению, он немного помолчал, а после ответил:

– Ступай лучше и отдохни после долгой всенощной. Ведь всенощная длится тринадцать часов, а тебе приходилось еще прислуживать.

Вот и все слова старца.

Вечером он, как обычно, сидел у крыльца на лавке. Мне же сказал следующее: «Сегодня – праздничный день Преображения Господня. Всеблагой Бог ни в чем не нуждается: все в мире принадлежит Ему. Из всех творений Своих более всего Он возлюбил человека. Но тот впал в заблуждение. И надлежало человеку взойти на высоту, для которой он был сотворен.

---

³⁷ Мф. 4, 4.

Кириакон – собор в скиту Праведной Анны

После грехопадения прошло пять тысяч лет. Как говорит блаженный Августин в первой скитской рукописи: «Необходимым образом там, где было падение, там должно было быть подъятие, воскресение и восхождение». Всему этому надлежало быть. Господь исправил человека сначала в воплощении, а после в смиренномудрии до Крестной смерти, погребения и Воскресения. После Воскресения Господь явился ученикам Своим, исполнив их сердце неизглаголанной радостью. Он взял их с Собой и повел на Елеонскую гору. Почему именно на Елеонскую? Чтобы показать беспредельную милость Свою и милосердие Свое по множеству любви Своей. И прежде всего – чтобы исполнить несказанной радостью сердце Всепречистой Его Матери, Которая ликовала, видя, как плоть, которую Он воспринял от Нее безгрешно, восходит на небо после своего обожения.

Так и монах должен размышлять о смиренномудрии и божественной любви Богородицы к нам. Сколько раз отдалялся от нас Сын Ее и Бог наш, столько же раз Она бежала к Нему, ревностно, как птица, закрывающая крылом всех своих птенцов.

Мы с тобой разговорились, – продолжил старец Онуфрий, – хотя кто я такой, чтобы тебе что-то говорить о милости Господней? Но наставлять – мой долг, поэтому я тебе расскажу то, что должно. Послушай.

Деяние – это сам праздник, а созерцание – образы и свойства праздника. Перенесись умом на гору Елеонскую. И ты увидишь, как Бог, многомилостивый и любвеобильный, вознес человеческую плоть, чтобы показать совершенное Богочеловечество святым апостолам и величайшую милость – Всепречистой Матери Своей. Воззри и на святых ангелов, говорящих святым апостолам: *Мужжи Галилейские! Что вы стоите, взирая на небо?*³⁸.

Слово «взирать» относится ко всем возлюбившим Господа: ведь их взор всегда обращен к небу, – и в делании, и в созерцании. *Сей Иисус, взятый от нас на небо, сице приидет, имже образом вы видели Его возносящимся на небеса, – воздать славу и честь возлюбившим Его.*

Когда Господь восшел на небеса, низшие чины ангельские говорили высшим: *Возмите врата князи ваша и возмится врата вечныя, и внидет Царь славы*³⁹. А высшие чины, узрев, как Господь славы восходит, облаченный воспринятой человеческой плотью, вопрошали: *Кто есть сей Царь славы? Пророк же Исаия изрек: Кто рожденный от Едома? Почему червонны одеяния твои?*⁴⁰

³⁸ Деян. 1, 11.

³⁹ Псал. 23, 7-10.

⁴⁰ Ис. 63, 1-2.

Какую радость и какое ликование дает нам это созерцание! Незримый Бог восходит на небо, облаченный человеческой плотью, которую Он воспринял в рождестве от Всенепорочной Матери Своей.

После Пасхи и Вознесения Господа святые апостолы алкали и жаждали, в предвкушении небесных даров. Они сподобились высшей славы и наслаждения. Будем подражать всем нашим отцам. Вспомним, как они обитали среди этих скал, терпя и голод, и жажду ради того, чтобы не утратить созерцания сегодняшнего праздника.

Поэтому, друг, отвратись от всего, поднимайся к себе в каливу и сокройся от людей, закутавшись в смирение. Размышляй о том, что ты недостойн общения с людьми. Молись, благодари, поклоняйся Святой Троице Богу. Сдерживая дыхание в молитве, думай о том, что твои грехи распинают Сына Божия и поэтому ты недостойн даже дыханием присутствовать в мире. Таковое духовное делание вселит в твой ум смирение, о котором сказала Сама Пресвятая Богородица: *Яко призре на смирение Рабы Своея.*

Пресвятая Владычица наша Богородица, научившая святого Геронтия способу сердечной молитвы, – Она уже будет Помощницей, Заступницей, Покровительницей, Наставницей, Целительницей и Матерью Твоей. Помышляя о Ней, преисполняйся сердечной любовью.

Хотя в наше время христиане голодают, жаждут, терпят гонения и насмешки, подумай в этот праздник Вознесения, друг, о том, что Триипостасный Бог забрал тебя из мира и привел в благополучную гавань каливы Святой Троицы, освятившую множество монахов. Этим отцам подражай».

Вот что сказал мне мой старец, отец Онуфрий. Решил передать его слова для твоей пользы. Помолись за меня.

Отцы каливы Преображения Господня

Старец Онуфрий, послушник отца Мины

Часто рыдаю, когда вспоминаю о прошлых годах, о тех старцах скита Святой Анны на Афоне, которых уже нет с нами. Отцы, память о которых всегда пребывает с нами, достигли высочайших добродетелей и стали для нас светлым примером.

Моим старцем и духовным наставником был отец Онуфрий, послушник отца Мины. Он стал примером не только для отцов нашей святой обители, но и для всех окрестных подвижников. Он никогда никого не унижил и сносил множество скорбей с кротостью и незлобием.

Калива Преображения Господня в скиту Святой Анны

Однажды он рассказал мне, почему он стал монахом.

Его отец был богатым человеком, жил в предместье Константинополя и имел большое стадо овец. Этим овец пас маленький Зотик (это было мирское имя старца Онуфрия). Зотик никогда не оставлял молитвы и чтения спасительных книг и поэтому всегда умом пребывал в Боге.

Однажды, когда Зотик пас стадо, он заметил, как его сестра громко рассмеялась, увидев милого юношу. Он чрезвычайно этим огорчился и сказал себе:

– Смирный Зотик, поспеши на Святую Гору, стань монахом, обрети спасение.

Мальчик немедленно оставил все имущество, надев только шапку, и отправился из Константинополя на Афон. Он не взял с собой даже мелких денег. Он верил в милость Всеблагого Бога, просвещающего людей. И правда, везде, где он проходил, ему давали поесть. На ночь он побаивался останавливаться в домах, чтобы не случилось какого искушения, и поэтому спал где-нибудь в соломе, а утром вновь пускался в путь.

Прошло немало времени, прежде чем он, после различных испытаний, добрался до Афона и поступил в святой монастырь Иверон. Подражая святым подвижникам, Зотик ел только дикий виноград, заросли которого можно увидеть неподалеку от монастыря. Он был высокого роста и почти ни с кем никогда не разговаривал, поэтому все думали, что он, наверное, из православных угров⁴¹.

---

⁴¹ Угры, или угровлахи – древнее название венгров. Здесь имеется в виду православное население пограничья Венгрии

По милости Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, к Зотику как-то подошел один благоговейный христианин и спросил его, откуда он и почему решил поселиться в этом месте. Зотик вкратце все рассказал. Тогда этот благочестивый христианин посоветовал ему прийти в скит Праведной Анны к духовному наставнику отцу Мине, который родом был из Черногории.

Не помня себя, Зотик помчался искать отца Мину. Подойдя к скиту, он сразу разобрался где что и издали увидел каливу отца Мины. Подошел и постучался в двери.

Отец Мина вышел, преисполненный духовной радостью, и сказал юному Зотику:

– Заходи, сынок, тебя послала Сама Пресвятая Богородица из стольного града (Зотик никому не говорил, что он из Константинополя, но отец Мина был провидцем и сразу все понял). Оставайся у меня, вместе будем спасаться. Ты мне будешь утешением, ведь в нашей каливе есть чем заняться: попечением о святых мощах и священных сосудах.

Зотик вошел в церковь и увидел – о чудо! – из иконы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы источается влага, а свеча великого входа, стоящая перед образом, сама собой возглась. Зотик сразу же понял, что его теперешний духовник, отец Мина, непрестанно молится умом, обращаясь к Пресвятой Богородице, и что Она, посредством чудотворной иконы Вратарницы, просветила его, простого христианина, и направила к этому святому старцу, постигшему все добродетели.

Как послушник Зотик безупречно выполнял все свои обязанности. Отец Мина, видя его предельное послушание, едва не парил от радости, и вскоре постриг Зотика в монахи, дав имя в память о своем покойном старце Онуфрии Кипрском.

Старец Онуфрий Кипрский

После революции 1821 года в каливе Преображения Господня трудился просветитель греческого народа Онуфрий, происходивший с Кипра. Его старцем был отец Даниил. Жил он на то, что продавал свои изделия в Карее.

Однажды в пятницу отец Даниил сказал старцу Онуфрию, чтобы он взял свое рукоделие и продал в Карее, но обязательно бы вернулся в субботу, потому что вечером будет служить всенощная. Отец Онуфрий взял сумку со своими изделиями и отправился в Карею, как и заповедал старец. В субботу утром он уже собрался в обратный путь, но увидел, что всю Святую Гору занесло снегом. Отцы уговаривали его не уходить, а переждать, пока кончится непогода и будет открыта дорога в скит. Но отец Онуфрий не мог оставить послушание старцу, попрощался с отцами и отправился в гавань святого монастыря Ксиропотам.

Молясь на берегу, старец увидел, что из Дафны движется лодка. Как только лодка причалила к пристани, он спросил хозяев, куда они плывут дальше. Те сказали, что им нужно сейчас в Пинну (а это совсем недалеко от берега, принадлежащего скиту Святой Анны). Отец Онуфрий попросился, чтобы его взяли с собой. Люди в лодке ответили: «Конечно, отче, мы тебя берем».

Устроившись в лодке, отец Онуфрий надвинул куколь на глаза, дабы не утратить сердечной молитвы. Вскоре они причалили у монастыря Преподобного Григория, на середине пути. Отец Онуфрий снял куколь и увидел, что солнце уже клонится к закату. Далее продолжали молча плыть до самого скита. Отец Онуфрий взял свою сумку и поспешил подняться туда, где сейчас склад. Он положил сумку на лавку у часовни Святого Елевтерия. Онуфрий очень переживал, что не расплатился с корабельщиками и даже не поблагодарил тех, кто довез его до скита. Он сразу же спустился на берег, огляделся, но лодки уже нигде не было.

Божественная любовь, согревавшая его, не позволила суете овладеть им. Он взял свою сумку и с молитвой вернулся в каливу.

Как только он вошел в каливу Преображения, то увидел, что его старец читает перед чудотворной иконой Божией Матери акафист, прося, чтобы Она защитила его послушника и невредимым привела назад. Отец Онуфрий, по обычаю, совершил поклон перед старцем. Отец Даниил в страхе посмотрел на послушника: тот весь светился благодатью и от него исходило благоухание. Старец Даниил стал расспрашивать о том, что было, и, когда разузнал о произошедших событиях, сказал:

– Теперь все знают, что Пресвятая Богородица тебя привела сюда. Чтобы ты сохранил послушание, Божия Матерь послала святых ангелов, чтобы ты вовремя прибыл.

Старец Онуфрий смиренно молчал и не мог сдерживать слез: ведь он верил всем словам старца и ни о чем ином не помышлял, кроме послушания.

Возрадовавшись о святом поступке ученика, отец Даниил вознес благодарственные молитвы Владыке Христу и Всенепорочной Матери Его, удостаивающим столь великой благодати послушников, которые безмерно преданы своим наставникам ради любви Христовой.

Отец Даниил отошел в вечные обители, оставив всем как образец послушания своего послушника Онуфрия. Блаженный Онуфрий достиг высот бесстрастия, посвятив всю свою жизнь писанию книг и истолкованию высоких мыслей святых отцов. К сожалению, все его труды утрачены, в наши дни известны только написанные им канон святому Пантелеиму и акафист Святой Троице.

Отец Мина Черногорский

(из письма старца)

Отцы-пустынники говорили: «Безмолвие, происходящее в послушании, приносит великие плоды».

Первый из этих плодов – порицание себя. Когда человек порицает себя, он открывает для себя путь к любой добродетели. Безмолвие, сопряженное с послушанием, дарует всякому послушнику радость и ликование. Когда он вспоминает о прежнем своем общении, хоть и с монашествующими, и понимает, что даже простой разговор, если он неосмотрителен, причиняет вред, то входит в свою келью, обличаемый совестью.

Блаженной памяти старец Онуфрий говорил мне: «Сколько всего доброго дает тебе наша малая калива Святой Троицы, стоящая за стенами скита. Бегать никуда не надо, изготавливай рукоделие, сколько пожелаешь!

Только, прежде всего, порицай себя – и тогда обретешь безмолвие.

Читай книги во всякое свободное время. И главное, – когда тебя обарывает уныние, своди сладчайшее имя Господа Иисуса Христа через ум в сердце. Тогда ты обретешь безмолвие».

Блаженный старец отец Мина служил литургию каждый день, – и перед святым престолом слезы всегда рекой лились из его очей.

Он говорил только за трапезой, когда его просили, а в остальное время не отверзал уст даже для спасительных поучений.

У отца Мины было двое послушников: мой старец, отец Онуфрий, и отец Викентий, родом с Крита.

У него была плошка, куда он накладывал еду, и все трое ели из этой плошки.

Мой старец часто говорил, что он со своим двоюродным братом, когда были юными, так голодали, что набрасывались на простую похлебку. Ведь климат у нас, как видишь, такой, что, хоть мясо ешь каждый день, все равно чувство такое, как будто только воды выпил.

Поэтому подумай о тех благословенных подвижниках. Они были сыты малым количеством пищи, и, как только съедали то, что было поставлено, отец Мина спрашивал их: «Вы поели?»

Сам он ел то, что оставалось в плошке после послушников, – три или четыре ложки. Он ел спокойно и безмолвно, чтобы никто не подумал, будто он проголодался.

Перед вечерей отец Мина, как правило, обучал своих послушников способу сердечной молитвы и объяснял, сколь великие плоды такая молитва приносит совершенным послушникам.

Однажды, произнося свое поучение, он спросил отца Викентия с Крита, о чем он сейчас думает и где пребывает его ум, когда произносятся поучения. Тот ответил, что помысл ему представлял такое: «Ах, как было бы хорошо, если бы на Крите появились такие наставники. Тогда весь народ и тамошние монастыри расстались бы с той грубостью, которая сейчас отличает весь остров».

Отец Мина возразил: «Господь с тобой! Я взялся, как мне велел покойный старец отец Онуфрий Кипрский, вас поучать, а ты думаешь о Крите. Отец Онуфрий никогда не думал о делах в миру, потому что всегда порицал себя, и когда разговаривал со мной, то слушал меня с великой радостью обо мне и никогда не перебивал. А ты страждешь превозношением и потому вознамерился стать учителем мирских людей.

У мирских людей свои учителя есть, они и направляют их по пути спасения души. А у нас, поселившихся среди этих скал, есть защитница – мать Пресвятой Богородицы, святая Анна. Мы ее слуги и более ничто. Как мы можем не сокрушаться, глядя на себя? Праведная Анна, если мы того пожелаем, возвысит нас путем созерцания сущих событий к безупречному созерцанию Бога.

Когда мы достигнем этого безупречного созерцания, тогда приобщимся жизни святых Геронтия и Софрония и всех святых, уединенно живших в полном послушании. Смотри на старца Дамаскина, сколь совершенной добродетели он достиг, благодаря порицанию себя. Он удостоился открыть мощи преподобных, погребенных за оградой нашей каливы, и распорядиться о перенесении этих святынь»».

Пишу тебе обо всем вкратце. Чаще причащайся Святых Христовых Таин, по тому уставу, который я тебе назначил.

А именно: когда отправляешься в скитский собор, приходи к самому началу, к «Благословенно Царство...», не опаздывай, а то не будет пользы от делания перед литургией. А это делание – смиренные размышления и порицание себя – весьма полезно.

Прошу прощения, что сейчас тебе много пишу, но это делаю потому только, что пекусь о твоём спасении.

Подумай о том, что со мной приключается теперь из-за того моего непослушания. Если бы я жил, как раньше, то стяжал бы простоту и незлобивость. Я бы не занимал себя тем, что происходит в мире.

Прошу тебя, помолись за меня, ничтожного. Быть может, наша небесная защитница, святая Анна, сотворит милость на мне и спасет душу мою.

* * *

Как только отец Мина выучился древнему эллинскому наречию, он ничем более не занимал досуг, кроме чтения богословских и аскетических трудов святых отцов. Когда он читал жития афонских подвижников, его ум совершенно был восхищаем, уносясь прочь от всякого земного помышления и вперяясь в седьмое небо. Старец Онуфрий видел, как много он читает, и начал задавать ему вопросы. Но отец Мина всегда отвечал: «Я не могу ответить на твой вопрос».

Однажды, когда они ели, отец Мина вдруг молча выронил ложку, потому что в этот миг его ум был восхищен к небесной высоте. Как только он пришел в себя, старец Онуфрий спросил его благоговейно и со слезным умилением: «Старче, ты знаешь, что Пресвятая Богородица Вратарница привела тебя ко мне. Прошу тебя об одном: научи меня и скажи мне слово Божие, чтобы оно служило мне утешением в час скорби и душевной муки».

Отец Мина, почитая благоговение и слезы наставника, не мог не уважить его просьбу. Ведь все его отношения с наставником состояли в предельном отсечении воли и помышления. Он отверз уста и смиренно стал его поучать: «Старче Онуфрие, жизнь монахов – жизнь ангелов. Хотя монах и облачен вещественным телом, он, внимая поучениям наших древних отцов и подражая их примерам, удостоивается быть ангелом на земле. Он вспоминает в час молитвы или трапезы, на какой высоте был человек и как он пал из-за преслушания.

Монах должен быть на высоте созерцания. Такое высокое созерцание называется премирным и возникает от любви к Богу. Когда ум достигает степени божественной любви, он уже не может удовольствоваться здешним миром. Он желает только общения с премирными умами, и благодарит, и славословит Триипостасного Бога, вселившегося в его сердце. Это небесное созерцание у одних монахов может длиться целыми днями, а у других – меньше, чем мгновение ока». – «Старче, прошу тебя, разьясни мне, что такое восхищение ума и как оно происходит?» – «Монах, – продолжил рассуждение отец Мина, – поступив в монастырь, должен считать себя за ничто. Он должен мыслить, что старец, которому он отдан в послушание, представляет волю Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа, и поэтому нужно внимательно слушать все его советы.

Ты видишь, какой милости сподобился апостол Петр, благодаря своему послушанию Владыке Христу, когда Он повелел ему вновь забросить сети в озеро. Он сказал: «Учитель, мы не поймали ничего за ночь, но, слушаясь Твоих повелений, я забрасываю сеть». Так изрек апостол. Его послушание, которое есть дочь смиренномудрия, сразу привлекло обильный улов. Так и послушник, если желает узнать восхищение ума и постичь обитание среди надмирных иерархий, должен слушаться своего духовного отца и наставника, которому Бог вверяет его душу.

Благодаря послушанию, ученик старца сперва очищает свое сердце, омывая его слезами. А после слезы покаяния становятся слезами радости и ликования и душа устремляется уже к высочайшему безмолвию. Духовный наставник удостоверяется, что его ученик уже перестал рассуждать, «почему так, а не иначе», и расстался с этим образом мыслей. Он уже жаждет, как елень.

Он просит Всеблагого Бога просветить ум его как важнейшую способность души и даровать уму все необходимое.

Когда послушник стоит в церкви, то в час страшного таинства, когда звучит песнопение «Святой Боже...», он чувствует, что душа его пока еще пребывает в теле, а ум не связан уже ни с каким земным делом, ничем не приводится в движение, покоясь, как чистойшая вода. Пребывая в состоянии духовного исступления, он видит все творение, как оно изначально существует. Обновленный ум внимает слухом души церковным песнопениям. Но слышит он в то же время и мириады мириад ангельских голосов, воспевающих купно с Церковью воинствующей Трисвятую песнь. Душа его воспаряет (будто подпрыгивает) и ликует, а ум наслаждается созерцаниями. Он обзревает все и не желает возвращаться на землю. Только где-то рядом доносятся до него слова певчих: «Иже Херувимы тайно образующе...»

Вот первый дар совершенному послушнику. На него смотрит его старец, на него смотрят братья и отцы-сподвижники и удивляются тому, что он удостоился столь великого восхищения ума. Когда происходит такое восхищение, то удостоившийся его инок обретает великое успокоение и даже большие тревоги кажутся ему столь же незначительными, словно лимонный лист, упавший с ветки рядом с нашим Преображенским храмом.

Обрати внимание, как поступал святой Григорий Палама Фессалоникийский. Когда заканчивалась воскресная литургия, которая в монастыре Великой Лавры совершалась сразу после всенощной, он немедленно уходил. Не взяв с собой ни хлеба, ни воды, он шел молиться в отшельнической обители Святого Саввы, которая сейчас известна как место подвижничества святителя. Там он совершал подвиг безмолвия всю неделю, умом предаваясь созерцанию. Его внутренний человек ничем не мог утешиться, только красотой Божией.

Когда святой возвращался в монастырь, его лицо сияло, как солнце. Отцы наши смотрели на него и с радостью говорили один другому: «Видите плоды послушания? Видите плоды отсечения воли и помысла? Он был архонтом в Константинополе, однако пошел учиться не к ученому знатоку внешней премудрости, а к старцу, облаченному божественной премудростью «внутреннего человека». Эта премудрость – сердечная молитва. Без позволения своего духовного руководителя он даже капли воды не выпивал, чтобы оросить язык на жару. И сколь же великую благодать приобрел! Он удостоился вкушать хлеб ангельский, чего жаждет всякий человек. Что есть сей ангельский хлеб? Сладчайшее имя Владыки Христа, сердечная молитва с повторением слов «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас».

Поэтому святитель Григорий своим примером, таинственным деланием и сердечной молитвой духовно питал всех отцов, которые его окружали. И многие стали ему подражать».

* * *

Сегодня мы празднуем память святого Нектария. Желаю вам, моля об этом Всеблагого Бога, чтобы вы укрепились в своем деле и завершили строительство храма. Нет лучшего труда для благоговейного христианина, чем строить храмы и церкви, особенно в честь новопрославленных святых, таких как святитель Нектарий.

Святитель Нектарий Эгинский

Святой Нектарий просиял на острове Эгина, на котором родилась и моя покойная бабушка, меня воспитавшая и научившая основам монашеской жизни и подвига. А я, одержимый плотскими помышлениями, позабыл все ее поучения. Поэтому, когда упоминаю имя бабушки, меня охватывает ужас и трепет.

Когда святой Нектарий прибыл на Афон, он вел себя, как пчела, собирающая нектар. Он подходил ко всем отцам, стяжавшим благодать святости, и расспрашивал их о духовной жизни.

Подошел он и к духовнику Святой Горы отцу Мине. Они беседовали о небесных предметах, превышающих всякую видимую и тварную природу.

Через два или три дня мой духовный отец, старец Онуфрий, соскучившись, постучался к ним в дверь. Ему открыли, и он увидел, что лица их сияют благодатью. Отец Мина сказал ему:

– Пяти минут не прошло, а ты уже стучишься!

Затем отец Мина отправился в церковь и увидел, что Минеи заложены уже на два или три дня позднее. Так он понял, что беседа длилась вовсе не пять минут.

После он попросил старца Онуфрия, своего духовника, не рассказывать никому об этом событии.

Когда моему старцу, отцу Онуфрию, сообщили о кончине святого Нектария и о чудесах, сопровождавших его кончину в храме Святой Троицы в Пирее, мы составили два тропаря на «Радуйся, подвижников». Но, к сожалению, вместе с гибелью библиотеки в нашей обители Святой Троицы, погибли и те наши записки.

Пишу тебе об этом затем, чтобы дать представление о любви и милости старца ко всем приходившим в монастырь.

Знаю, что вы желаете спастись, поэтому подражайте благодатному старцу.

* * *

Пресвятая Богородица послала к вам человека, чтобы я с ним передал весточку о моей прежней жизни на Святой Горе Афон.

Вы знаете хорошо о моей жизни в ту пору, когда я жил в каливе своего покаяния. Всякий раз, когда на меня нападала тоска, Пресвятая Богородица, Утешительница монахов, посылала мне навстречу моего духовного наставника, старца Онуфрия, и мы обсуждали богословские вопросы. Так, стоя на земле Святой Горы, мы восходили до самого неба.

Хотя старцу не всегда было просто со мной, жалким и злым, я старался слушаться старца моего восприемника. Старцу всегда приходится сносить человеческую немощь, а иначе люди начнут уходить с Горы Афон.

Однажды воскресным вечером мы стали беседовать о том, что святые наши отцы поднимались из скита до самой вершины Афона по деревянной лестнице, которая начинается на отроге, называемом теперь Вавиле.

Старец объяснил мне, что, когда я иду в сторону горы, то должен размышлять о том, как этим же путем ходили святые отцы-чудотворцы. Во время пути они горели желанием поклониться Богу в церкви страшного Его Преображения, вспоминая пример святого Евфимия Иверита.

Когда отцы восходили на заснеженную вершину, они не могли взять с собой певчих. Но они слышали ангелов, воспевающих вместе со святым Евфимием Трисвятую песнь.

Старец, тронутый своим рассказом, продолжил свое поучение: «Отцы наши, стяжав такое созерцание, восходили на самую вершину постясь, не позволяя себе выпить ни капли воды, хотя за время восхождения человека начинает мучить нестерпимая жажда. Они не пили воды даже из источника святого Геронтия, но поклонившись на святой вершине Пре-

ображения, как вершину называют и в наши дни, преисполненные благодатью, спускались в обитель Пресвятой Богородицы Панагуды. Но и на обратном пути они не пили воды, беря пример со святого Максима, который ходил по Кавсокаливии без еды и воды. Отцы видели своими глазами, что он спускался, как орел, широко расправивший крылья, с вершины Афона в Кавсокаливию, к своему шалашу. Они видели, что он причащается Небесного Хлеба, от которого исходит несказанное благоухание. А святой Максим, притворявшийся безумным, сделал лепешки и раздал им с тем, чтобы они никому не говорили об увиденном.

И мы, Хрисанф, чадо Пресвятой Богородицы, когда поднимались к вершине вместе с моим покойным старцем, отцом Миной, нарубить дров, умом предавались созерцанию, так что не задумывались уже ни о еде, ни о питье.

Блаженной памяти отец Мина знал лощину, в которой можно было нарубить хороших дров. Мы даже не замечали нашей работы, – столь душеполезными были его дивные поучения. Он никогда не боялся осыпей, которые бывают, когда бревна в этом месте скатывали вниз. Он мне говорил:

– Друг, видишь это бревно? Мы его срубили и отправили вниз, чтобы потом поработать с ним в скиту. Нужно, чтобы наш труд не пропал. Поэтому смотри, чтобы оно ушло прямо к скиту Пантелеимона, тогда наш труд напрасным не будет.

Сам монах должен знать, какими инструментами он будет работать над собой. Главные из них – это уход из мира и, что самое важное, сердечная молитва. Если монах познает сладость сердечной молитвы, то, взирая на скалы Афона и скитские строения, он будет вспоминать о прежних отцах. Ум его погрузится в созерцание, а сердце, плененное духовными дарами этого святого места, забудет обо всем.

Как мы следим за котелком, чтобы он не заржавел, так и каждый монах должен следить, чтобы не утратить благоговения, но всегда пребывать в созерцании, имея пред очами милость Божию».

Я – заржавленный котелок, и ржавчина эта не от сырости, но от преслушания. Ведь старец Онуфрий советовал мне совершать подвиг одному и никого себе в спутники не принимать.

Он говорил мне это как духовный наставник. Но мой старец, отец Азария, опасаясь, что я могу впасть в прелесть, дал мне послушников. Из-за них я ушел в мир и не знаю уже, какой будет моя кончина. Поэтому умолите Матерь Божию даровать мне конец мирен.

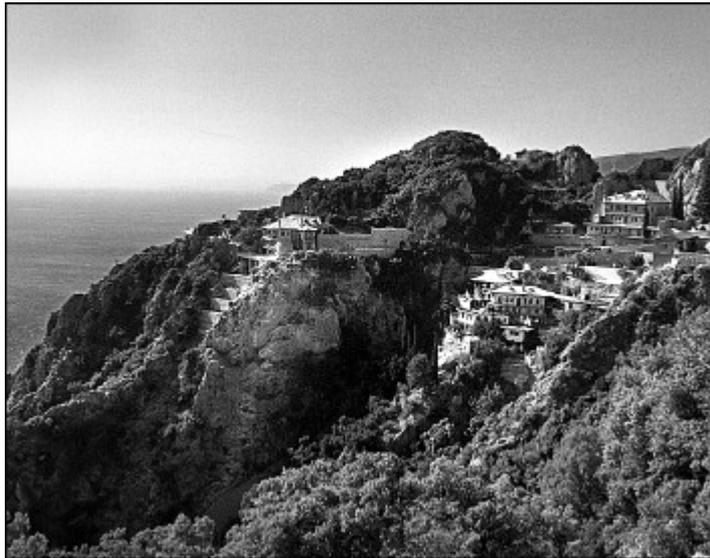
* * *

В 1913 году в состав скита Праведной Анны входило пятьдесят четыре обители, называемые каливами. А выше этих строений, где находится калива Святого Евстафия, когда-то нависала огромная скала, которая при падении разрушила бы все эти обители. Скитские отцы просили блаженного отца Мину благословить столкнуть эту скалу в сторону русла Ксиропотама, где монастырь Святого Павла, и тогда скала точно оказалась бы в море. Но он боялся, как бы отцы Святой Горы, питавшие к нему великое благоговение, не начали всем возвещать, что дерзновение, возложенное на Бога, помогло произвести такую работу. Наконец, покойный старец Онуфрий убедил его начать работу, и он послушался, ибо этот духовник Святой Горы был послушен даже самым малым среди монахов. Он приказал монахам поститься и читать молитву праведной Анне, а затем велел, чтобы каждый взял канат, все бы обвязали скалу и направили ее в море. Все послушались и притащили канаты.

Подумайте, дорогие читатели, как можно было простыми канатами сдвинуть с места огромную скалу, величиной с целый холм?!

Как только прикрепили канат к скале, отец Мина выпрямился и, мысленно помолившись, крикнул:

– Отцы и братья! Будем просить святую Анну, чтобы она нам помогла.

Вид на скит Святой Анны и Катунакую

И стал натягивать петлю. И, – о заступление и любовь праведной Анны к своим чадам! – скала сразу же пошатнулась. Сначала ее вершина склонилась в сторону обители Святого Евстафия, но после перевес оказался с другой стороны и вершина уже смотрела на поток Ксиропотама. По потоку она и покатилась.

Это чудо показало всем великое дерзновение и великую любовь отца Мины к праведной Анне.

Стараясь избежать человеческих похвал, он нам заявил:

– Смотрите, отцы и братья, сколь великую любовь проявила святая Анна к нам. Своими освященными дланями она столкнула эту скалу в море.

Отцы смотрели на это чудо со слезами умиления и духовной радости и славословили святую Анну. А блаженной памяти отец Мина, вместе со своим послушником старцем Онуфрием, ушли с этого места, славословя Бога и святых его, за избавление скита от столь страшной опасности.

* * *

С тех пор как всемилостивая стопа богородительницы Анны прибыла на Святую Гору, Всеблагой Бог соделывает множество чудес через мощи святой Своей. Не знаю, существует ли рукописная книга, в которой обозначены все чудеса от мощей праведной Анны. Поэтому расскажу хотя бы об одном.

Я как-то слышал, что за собором закреплено стадо, пасущееся за пределами Святой Горы. Благодаря этому стаду, в монастыре всегда был овечий сыр, который раздавался скитским отцам. Это стадо было подарено скиту одним турком. За что же он его подарил? Послушайте.

Турок этот был бездетен. Он узнал от халкидских христиан, что некоторые духовные отцы уходят на несколько дней с Афона и освящают дома и имущество поработанных греков. Один грек сказал турку:

– Послушай, дорогой ага, ступай на Святую Гору, в скит Праведной Анны, и попроси святую даровать тебе ребенка.

Турок послушался совета и прибыл в скит, где тогда жили духоносные отцы (среди них, кажется, был и отец Мина Черногорец). Молящемуся о рождении ребенка, согласно

скитскому правилу, полагается выдать святой воды и восемьдесят частиц антидора: сорок для него и сорок для жены. Монахи посоветались и решили, что, поскольку проситель иноверец, ему нельзя давать ни антидор, ни святую воду. Но, чтобы его не расстраивать, ему вместо антидора дали восемьдесят частиц хлеба с общей трапезы, а вместо святой воды – воду из источника на площади перед собором, которую каливы берут на свои нужды.

Турок взял подношения и отправился к себе домой. Как только он потребил хлеб и воду, праведная Анна даровала ему сына. После этого он отписал скиту большое овечье стадо, и – сыр, который едят монахи, всегда служит напоминанием об этом чуде. Также он подарил скиту серебряную лампаду, что висит сейчас перед чудотворной иконой праведной Анны.

Рассказы старца Онуфрия о старце отце Мине

Старец Онуфрий как-то рассказывал нам об отце Мине.

– У отца Мины, моего старца, была привычка пить вечером кофе. Я понял, что кофе стало его страстью, и однажды сказал: «Отче, ты понимаешь, что кофе обратилось в твою страсть?» Он посмотрел мне в глаза, а затем отправился к себе в келью, заперся и просидел в ней два или три дня. Я посоветовался с моим двоюродным братом: «Понимаешь, отец Викентий: старец пил кофе с пристрастием. Чтобы убедиться в этом, принеси кофейник и сам увидишь, что как только он услышит звон, то выйдет из заперти». Так и было. Он мне после сказал: «Благодарю тебя, сыне отче Онуфрие, что ты понял, какой страстью стал для меня кофе и что я должен с ним покончить, чтобы меня страсть не терзала». С тех пор старец даже не смотрел на шкаф, где стоял кофе, потому что считал, что его взор должен ограждаться от самого малого мирского пристрастия, за которое придется давать ответ и претерпевать осуждение в воздушных мытарствах.

Дикей монастыря отправил нашего старца по деревням Халкидики, чтобы исповедовать христиан. По возвращении дикей должен был расплатиться со старцем зерном, но этот мил человек не дал старцу даже куля зерна. Мы, молодые монахи, были этим неприятно поражены. А он показал нам пример стойкости и терпения – что мы должны ему подражать и терпеть нехватку даже необходимой пищи. С тех пор мы перестали гневаться на недостаток пищи.

От нехватки питания я начал харкать кровью, и старец, видя мое состояние, пошел к морю и принес мне рыбы. Затем мы сами стали себе дикейми: праведная Анна просветила ум одного христианина, державшего у себя овец, и он отправил нам головку сыра. Блаженный старец взял и показал его на собрании скитских старцев, чтобы, если они благословят, дать мне сыру. Все отцы на этом святом собрании с великой радостью сказали: «О чем ты говоришь, духовный наставниче! Нужно спасти твоего послушника Онуфрия. Мы даем тебе полное благословение всем собранием, чтобы он ел не только сыр, но и иную снедь, как то яйца и прочее, потому что его жизнь и здоровье сейчас важнее». Я пошел на поправку; единственное – после болезни голос у меня ослаб, и, если раньше я мог кричать, теперь, как ты слышишь, я говорю тихо-тихо.

Когда князь Черногории Никола услышал о добродетели аввы Мины, то прибыл на Святую Гору Афон, чтобы поговорить с ним. Разговор этот был высокопоучительным: ведь старец не забыл языка своей родины, хотя уже много лет назад ушел на Афон. Князь попытался сфотографировать старца, но не получилось. Упросив братию, князь забрал старца Мину с собой в Черногорию.

Словно новый равноапостольный Косьма Этолийский, отец Мина утверждал черногорцев в православной вере. Он призывал их быть твердыми во исповедании и изучать греческий язык, потому что тогда они смогут читать святых отцов и через них духовно возвышаться – до самого седьмого неба. Все черногорцы, слушая поучения отца Косьмы,

прославляли Всеблагого Бога за то, что Он послал своим верным такого учителя из их народа, чтобы укрепить страждущих людей в православной вере. Завершив миссию, отец Мина вернулся на Святую Гору, к себе в скит Праведной Анны.

Однажды все предстоятели славянских келий и скитов созвали собрание. Среди участников был и блаженной памяти отец Мина. Все выступавшие нападали на отцов ромейского происхождения. Отец Мина все это время молчал, потому что его обычаем было не подавать голос, пока его не спросят. Наконец, когда его спросили, что он думает, он ответил: «Сейчас, отцы и братья, вы все впадаете в неправду, клевету и неблагодарность. Пресвятая Богородица послала в великую Россию преподобного Антония из монастыря Эсфигмен, чтобы он возвестил православную веру и основал монашество. От ромейских, то есть греческих, монахов и архиереев мы научились православной вере и таинствам Церкви. До того как мы были крещены в вере, мы были не народами, а разрозненными варварскими племенами, где одно племя убивало другое. Когда наши отцы плыли по Черному морю и разразилась буря, они стали молиться неведомому Богу – единому в Троице Богу нашему. Господь Бог послал Архангела Михаила, который и спас наших отцов от бури. Затем, добравшись до города, они соорудили изображение Архангела Михаила. Когда позднее пришли византийские посланники возвещать православную веру и увидели образ, то прославили Всеблагого Бога, пекущегося о спасении душ наших».

Многое другое сказал на собрании отец Мина, затворив уста всех предстоятелей келий и калив славянских скитов Афона.

Когда собрание было распущено, отец Мина вернулся сюда в скит и, остановившись у дверей каливы, сказал мне: «Послушай, друг Онуфрий, с сегодняшнего дня и впредь не будем брать из русских монастырей ни хлеба, ни веревки (русские монастыри давали милостыню монахам, как только у них кончались запасы), но будем ревностно трудиться, зарабатывая себе пропитание».

Этот святой человек, отец Мина, был способен к любому ремеслу. Так, он с большим искусством вырезал полиелейный стол. На нем установил крест, закрепил три подсвечника для трех свечей, а также соорудил три сосуда, в которых полагали вино, елей и зерно, и место для пяти хлебов, освящаемых на всенощной для преломления. Когда монахи увидели такую тонкую работу, то стали просить сделать стол и для них, потому что все пользовались простой доской. Старец ощущал неподдельную радость во время работы, потому что никогда не ел за чужой счет. Все афонцы, даже из самых малых обителей, получали изделия отца Мины и были признательны за новые блюда и другие поделки.

Наш отец Мина совершал и многочисленную милостыню. Вследствие этого мы дошли до такой нищеты, что готовили похлебку в одной миске из того, что было, и садились есть. Он притворялся, что ест из миски вместе с нами, и когда видел, что мы сыты, то доедал оставшееся, спрашивая: «Вы точно сыты, братья?» Мы отвечали: «Да», – стараясь не задумываться над тем, что съел он всего ложку. После этого он отправлялся в церковь готовиться к Божественной литургии, которую служил ежедневно. Он прочитывал Великий Часослов от канона утешительного (просительного) до акафиста Честному Кресту. Также он читал «Плач» инока Фикары и в середине ночи поднимал нас на службу. Мы никогда не видели его уставшим, – он всегда был как олень, ищущий свежей воды.

Блаженный отец Мина никогда не считал деньги, а если у него скапливалось 20–30 лепт, он отправлялся в гавань монастыря Ксиропотам, где была бакалейная лавка, и покупал самое необходимое.

Местные миряне знали, что духовный человек не смотрит на деньги и не требует посчитать сумму. Он давал пятак, потому что на Афоне все стоило очень дешево, и ему в мешочек клали товары. Когда он приносил покупки в скит, послушники, видя, что он потратил все скитские деньги, а принес мало, говорили с искренней болью:

– Эх, старец, опять у тебя выманили все деньги.

А он их утешал, объясняя, что никогда не оставит их ни Пресвятая Богородица, ни праведная Анна.

– Ведь мы иноки, – говорил он, – и наши заступники – Матерь Божия и богородительница Анна. Куда бы мы ни пошли, нас будет опережать их чудесное заступление и мы ничего не лишимся.

Монахи, оставшись совсем без денег, печалились, но по-прежнему верили в заступление Царицы Небесной. Они усиливали свой труд и покупали то, в чем нуждались. И бедность помогла им соединиться с Богом.

Здесь, в скиту, очень многие безмерно чтили своего старца, приходили к нему и исповедовались. Среди них был и схимонах Анфим. Когда он был в миру, то трудился в турецких областях и местные ходжи трижды его обрезали! Отец Мина сначала недоумевал, какую епитимию ему за это наложить. Но потом сказал ему: «Совершай подвиг терпения здесь, и праведная Анна поможет тебе спастись». Отец Анфим благоговейно послушался слов старца, однако диавол столь позавидовал его спасению, что воздвиг в нем страшное плотское бремя, напоминая о наслаждениях мира. Отец Анфим с рыданием упрашивал всякий раз отца Мину помолиться святой Анне, чтобы та освободила его от плотского бремя.

Наконец, отец Анфим придумал себе епитимию: таскать бочки по сто окадов из гавани в скит. По дороге он ни разу не присаживался, разве что давал себе передышку минуты две, не больше, плача и рыдая, и упрашивая Бога освободить его от жгучих стрел лукавого, а после продолжал свой путь.

Старец видел, чем тяготится его ученик, и старался помочь своими отеческими советами в его духовной брани. Всеблагий Бог, видя труды отца Анфима, его искреннее покаяние перед Церковью и чистое исповедание православной веры, сподобил его достичь меры истинного покаяния. Весьма скоро схимонах Анфим почил блаженной кончиной, будучи полностью готов к смерти, и отправился в Царствие Небесное. Когда позднее отец Мина вспоминал своего ученика, то говорил: «Слава Тебе, Боже, за то, что брат завершил путь своей жизни в покаянии и православном исповедании».

В один год память святых сорока мучеников Севастийских совпала с Неделей Крестопоклонной. Как обычно, в скитском соборе совершалась праздничная всенощная. Старец Мина пришел на всенощную и услышал, что чтец не читает канона святым сорока мученикам на повечерии, потому что, как ему объяснили, пришел паломник и заплатил за то, чтобы служба была другому святому. Старец сразу же подошел к дикей и сказал ему: «Прошу тебя, старче дикей, соделай милость, пусть служба совершается и святым сорока мученикам, я тебе тоже заплачу». Дикей смутился, потому что он знал о нестяжательности и бедности старца. Растроганный его слезами и просьбами, дикей повелел совершать всенощную в честь святых сорока мучеников. И небесные молитвенники воздали отцу Мине за его благоговение к ним: он отошел в вечные обители в день их памяти.

Если кто-нибудь из братии собирается умирать, его ведут на скитское кладбище, где в присутствии духовника он просит прощения у всех братьев, так как, может быть, он обидел кого-то. Когда отец Мина уходил из этой временной жизни, ни один из братьев не смел сказать, что мой старец его чем-то огорчил. Все признали, что, хотя старец часто уставал, он никогда не отказывался помочь никому из нуждающихся материально или духовно.

Как-то два брата поссорились. Один из них взял у другого несколько монет и не отдавал, говоря, что ничего не должен. Когда отец Мина узнал об этом, то сказал мне: «Ой, друг Онуфрий, они поссорились. Надо бы найти деньги и отдать истцу, тогда ссора прекратится». Старец взял все деньги, которые нашлись в каливе, и пошел к брату, сказав ему: «Отец Зосима, возьми деньги, мне их передал отец имярек, который тебе задолжал. Только

ни с кем об этом не говори, чтобы не подвести афонского духовника». На этом ссоре двух братьев закончилась.

После кончины отца Мины все собрались восхвалить его добродетели. Отец Зосима сказал, что старец тайно дал ему деньги от имени брата, с которым он был в ссоре. Тот брат, услышав об этом, закричал: «Нет, я никогда не просил его передавать деньги!» Когда отцы это услышали, то все – и старые, и молодые – дружно сказали: «Поистине, отец Мина отошел из этой временной жизни в вечную, ознаменованный святостью!» – и прославили Бога.

Отец Серафим

Другим послушником старца Онуфрия Кипрского был отец Серафим из Димитриады. Чтобы достичь высоты добродетели своего старца, он выполнял все, что говорили ему отцы, проявляя предельное послушание.

Однажды отец Мина сказал ему: «Брат, будь милостив, сходи в гавань и возьми у рыбаков рыбы, а то нам нечего есть». Отец Серафим, не замедлив, отправился к морю. У рыбаков не было рыбы, и вместо нее они наложили ему морской гальки. Отец Серафим взял сумку и стал подниматься, думая, что несет очень много рыбы, раз сумка такая тяжелая. Придя в скит, он положил сумку, и как только отец Мина увидел гальку, то сказал: «Видишь, непослушный послушник! Твое непослушание превратило рыбу в камни, и ты их сюда притащил». Послушник поверил этому и расплакался, прося прощения за свое непослушание.

Отец Серафим был неграмотным, но при этом каллиграфически переписывал молитвы. И сейчас в скиту хранится стихословие, им переписанное. Жизнь свою он закончил преподобнически.

Старец Дамаскин

Старец Дамаскин был послушником старца Онуфрия. Он совершал подвиг в пещере, расположенной на пути из каливы Преображения в каливу Сретения. Благодаря совершенному безмолвию он очистил ум от всего земного и стал учителем сердечной молитвы.

Томясь божественным рачением, он попросил позволения отца Мины, старца каливы, отправиться в самую уединенную область Афона, чтобы возлюбить в полном безмолвии вершину желаний – Троического Бога. Отец Мина пал к его ногам и сказал: «Я позволю тебе отправиться в место безмолвия, но только в границах скитских владений. Над каливой Святой Троицы, где начинаются скалы, есть полуразвалившаяся калива. Туда и отправляйся за подвигом безмолвия и будешь мне утешением в этой жизни: ведь мы чада одного духовного отца».

С великой радостью и ликованием старец Дамаскин отправился на указанное ему место. Он увидел, что в скиту царит безмолвие. По благословию старца Мины он начал расчищать мусор во дворе каливы. На закате солнца он обрел мощи трех подвижников, от которых исходило несказанное благоухание. Старец начал плакать слезами радости и ликования. На землю спустилась ночь. Он сидел на утесе, который и сейчас виден, и думал о том, как известить обо всем скитскую общину и Великую Лавру. Около часа ночи, по афонскому счету часов, его ум вдруг прояснился, и помолившись, он увидел перед собой (о чудо!) трех небесных мужей, которые, возрев на него строго, молвили ему: «Старче Дамаскине! если бы нам нужна была человеческая слава и похвалы, мы бы не пришли и не поселились бы на этих безводных скалах, чтобы обрести успокоение в Царствии Небесном. Возьми обретенные мощи и закопай их в неведомом месте, чтобы они оставались там до общего воскресения, когда в день суда нам воздаст щедродаровитый Бог, удостоивший нас, по любви Своей, пребыть в этом месте до последнего вдоха!»

Старец Дамаскин тотчас взял святые мощи и отправился в вемое только ему неприступное место, куда бы никогда не догадались дойти скитские отцы.

Когда он завершил восстановление каливы, пришли глянуть на нее множество отцов, прежде всего – самые молодые. Он наставлял их в способе сердечной молитвы. Среди этих иноков был и отец Матфей из каливы Всех Святых, послушник старца Нектария. Позднее, взяв благословение своего духовного руководителя, старца Дамаскина, он отправился в мир, возвещая покаяние и наставляя в подготовке к исповеди, и одновременно обучая сердечной молитве, о которой наш богоспасаемый греческий народ, кажется, тогда совсем забыл. В городе Патры, как он сам рассказывал, к нему подошла мать с ребенком на руках, глаза которого выпали. Он спросил, что случилось, и мать сказала, что прокляла своего ребенка. Отец Матфей сразу же объяснил миру, сколь страшно проклятие, а после вложил глаза обратно в глазницы, совершенно вернув ребенку зрение.

Когда отец Матфей возвратился на Афон, то стал объяснять всем молодым инокам, что если монах не отсечет свою волю и свое помышление, он не удостоится небесных даров. Множество молодых людей сходились к нему и, как изжаждавшиеся елени, слушали его поучения о правилах монашеской жизни. Когда он опять пошел проповедовать в мир, то сосредоточил всю свою проповедь в Афинах, выступая в храме Вознесения на Панкратие. После он основал общежительный монастырь под Афинами, собрав немало учеников.

Старец Дамаскин много говорил о смысле безмолвия, но, к сожалению, мы не имеем никаких записей его проповедей: не нашлось того человека, который стал бы за ним записывать. А кончина его была такова.

Шла Великая Четырехдесятница, стоял март, и, как было заведено еще с глубокой древности, никто не выходил за стены своей каливы. Старец Дамаскин, извещенный от Бога о том, что настал последний день его земной жизни, послал одного из своих посетителей с вестью, попросив прийти к нему старца Онуфрия, послушника отца Мины. Как только тот вошел, то увидел, что старец плачет, и спросил: «Что с тобой, старче Дамаскине, что ты разрыдался?» – «Старче Онуфрие, прошу тебя, возьми эту книгу преподобного Ефрема и храни ее у себя, потому что умираю без покаяния». Старец Онуфрий с недоумением спросил: «Старче Дамаскине, ты столько лет прожил в безмолвии, столько людей привел к истинной жизни своими поучениями, наставляя в искусстве святости, и говоришь, что умираешь без покаяния?» Тот ничего не ответил, только слезы из глаз его лились рекой. Наконец, он сказал: «Да, старче Онуфрие, я умираю без покаяния, потому что должен был умереть как послушник старца Мины и скрываться в каливе, но вместо этого стал известным, а ведь похвалы не дают монаху идти по пути спасения».

Старец Онуфрий вернулся к моему старцу, отцу Мине, и передал ему все, что слышал. Они сразу же отправились в пустынную каливу. Когда они открыли дверь, старец уже лежал, познав преподобническую кончину. Похоронив блаженного старца, отцы отправились в обратный путь. Как только они вошли к себе, отец Мина сказал: «У меня озноб и горячка». И 9 марта, в день памяти святых сорока мучеников, отец Мина тоже умер смертью преподобных, покинув земную суету ради вечных обителей.

Из жизни и поучений разных отцов

Отец Вениамин

Немного ниже каливы Святой Троицы располагается калива Святого Димитрия. Туда поступил из монастыря Григориат отец Вениамин. Там он совершал подвиг безмолвия, исполняя свои духовные обязанности.

Отец Вениамин был человеком отменного здоровья. Чтобы не заснуть во время всенощной, он замачивал в холодной воде полотенце и, не выжимая его, обматывался им и так стоял от начала всенощной до самого утра. Все отцы удивлялись его стойкости и боялись, что он простудится, но он был будто из стали и ничего не чувствовал. И на последованиях, и на литургии он стоял, как подсвечник великого входа. Он никогда не мыл ни лица, ни ног. Когда всех созывали на работу, он шел первым и брал на себя самые тяжелые грузы.

Хотя отец Вениамин происходил из богатого монастыря Святого Григория, у него порой не было даже хлеба. Переполняемый радостью, он трудился сверх сил человеческих, сколачивая аналои, сажая оливковые деревья, – да и какой только работы он ни делал! Для всей молодежи старец был лучшим примером.

Один монах из Аттики, по имени Иаков, убедил его перевестись в монастырь Преподобного Мелетия в Виллиа, чтобы возобновить в нем монашескую жизнь. Так и было сделано. Затем отец Вениамин познакомился со святителем Нектарием Эгинским, и они так сдружились, как нам рассказывали местные жители, что были, словно одна душа в двух телах.

Отец Вениамин говорил всем юным монахам такие богомудрые слова:

– Отцы и братья! Безбожный Оттон вместе со своими баварцами распустил сословие монахов. Четыреста пятьдесят монастырей были уничтожены одним указом. Поэтому будем внимательны все от мала до велика и не станем презирать никаких обычаев, воспринятых от святых отцов нашей Православной Церкви.

Послание старца Хрисанфа монаху, передающее поучение старца Онуфрия на день памяти праведной Анны

Здесь немало искушений. Если бы Пресвятая Богородица мне не помогала, я бы совсем пропал.

Все ушли из дома, а я остался один. Пришли двое посыльных, одного я попросил передать тебе письмо. Сегодня день памяти святой Христины, а завтра – память праведной Анны. Невозможно передать, какие радость и ликование ощущаются в моей душе, когда начинается праздничная всенощная. Весь собор наполняется светом.

Помнится, один год я исполнял послушание чтеца, и мой старец Онуфрий объяснил мне, что есть делание и что есть созерцание. Он говорил, что я должен внимать умом каждому прочитанному тропарю, а не отвлекаться то на одно, то на другое.

«Послушай меня, – говорил он мне, – если не приведу сравнения, я не смогу вознести высоко твой ум. Сначала появляется утренняя звезда, а после грядет восход. Сначала звезда, а заря – после. Как и сначала солнечные лучи, а потом солнечный диск. Утренняя звезда – Иоаким, заря – праведная Анна. Солнечные лучи – все дары благодати Всеблаготного Бога, но совершенное сравнение – Пресвятая Матерь Господа, зачавшаяся в бесплодной утробе матери Своей, праведной Анны. Смирение Пресвятой Богородицы обратило к Ней Троицкого Бога. Второе Лицо Пресвятой Троицы – нетварный Сын, сущий от нетварного Отца,

воспринял плоть от девственных кровей Богородицы, рожденной у неплодной. Теперь ты видишь, что – делание, а что – созерцание. Деяние – это буква Писания, а созерцание – это открывающееся нам за буквой таинство вочеловечения Господа нашего Иисуса Христа.

Церковь воинствующая на всяком отпуске вспоминает родителей Пресвятой Богородицы: «Святых и праведных богоотец Иоакима и Анны», – чтобы ты постигал, что без рождества Девы от этих супругов человек не вернулся бы в то состояние, от которого он отпал.

О чем говорит нам «деяние»? «Жизнь носившую поносила ты, Богоматерь Чистую, богоносная Анна». Подобно тому, толкуй: ум есть Иоаким, который оставил свой собственный дом и все свое имущество, отправился в пустынное место и предался созерцанию. И не один, и не два дня он провел в созерцании, но сорок дней и ночей. Он не давал отдыха своему телу, ум его не думал ни о чем мирском, но только о том, как Всеблагой Бог известит его о зачатии и рождестве Чада. Место Хозева, где он совершал подвиг, – до сего дня бесплодная пустыня, в которой совершенно нечем утешиться. Но он выдерживал любые трудности, пока не был извещен Архангелом Гавриилом, что супруга его Анна зачнет и родит Чадо. Вернувшись домой, он застал святую богородительницу Анну ликующей и пляшущей. Они оба поняли, что от них родится Отрасль, о Которой Давид сказал: *Услыши, Дщерь Иерусалима...*

Твой ум, запечатлевающий образ Иоакима, пусть ничем не услаждается в час молитвы, кроме созерцания. Созерцание, происходящее в смиренномудрии, обо всем забывает, даже о присутствии плоти. Ум получает извещения от духовных наслаждений. Он нисходит в сердце и обретает сердце жилищем своим. Это – образ праведной Анны, находящейся в раю радости и ликования. Тогда ум, радуясь и ликуя, зрит в сердце блистания умного Солнца. Блистания сии в общем смысле – все дары благодати, коих удостаивается душа, прибывающая в делании и созерцании на праздник, который сейчас празднует Матерь-Церковь и сугубо – наша святая обитель.

Сдерживай свое дыхание, дивясь великому таинству Промысла нас ради и нашего ради спасения. Всенощная, длящаяся четырнадцать часов, пронесется для тебя на одном дыхании. Слезы радости и ликования польются у тебя из очей. А очи души будут ясно видеть таинство Христова смотра о нас и вочеловечения Его.

О, какая благодать посещает душу, совершающую подвиг в делании и созерцании, когда она слышит, как Святая Церковь поет: «От праведных произошед, Иоакима и Анны, безсеменно рождающая Начальника жизни». И в другом месте: «О блаженная двоице, вы над всеми родителями превознесены».

Может ли ум подвижника, увлеченный деланием и созерцанием, думать о каких-то земных вещах? Никогда! Небесные созерцания ведут его к высотам духовных наслаждений. Это, как поучал святой Дионисий Ареопагит, возможно для человека, «возлюбленного ими».

На стасидии, на которой ты сидишь, ты можешь почувствовать несказанное благоухание. Оно исходит от святых мощей праведной богородительницы Анны. Если хочешь почувствовать большее, удержи дыхание. Тогда ум снизойдет в сердце и достигнет меры нечувствия ко всему мирскому и благочувствия ко всем духовным наслаждениям.

В дни равноденствия мы видим, что вещественный мир изменяется в вещественных свойствах. Мы понимаем, что над чувственными вещами находятся умопостигаемые энергии, которые направляют вещественный мир, как об этом сказал святой Дионисий Александрийский. По аналогии мы понимаем, что ум, благодаря чувственным вещам, постигаемым путем делания, восходит, будучи сам невеществен, к умопостигаемым мирам и пребывает посреди них. Ум, когда достигает путем делания степени созерцания умопостигаемых существ, ни о чем другом не думает, кроме как о том, чтобы не утратить духовные наслаждения, происходящие от созерцания. Каковы эти духовные наслаждения и кто может их воспринять? Те люди, которые хранят послушание и никогда от него не отрекаются.

Знаешь ли ты, доблестный брат, сколько благодатных плодов приносит душе подвижника послушание? Я даже не смогу их все назвать! Поэтому скажу тебе только одно, ибо я не могу тебя поучать, будучи сам учеником. Храни послушание до смерти, как учит нас святой Максим Кавсокаливит.

Преподобный Максим обучил всю Святую Гору и деланию, и созерцанию. Преисполненный духовными наслаждениями, он притворялся безумным, чтобы их не утратить. Босой, нагой, он сносил любые тяготы, ночуя среди скал, в оврагах и росистых зарослях.

Когда святой Григорий Синаит был на Афоне, он нашел Максима, и они разговорились о делании и созерцании. Преподобный Григорий упросил духоносного Максима Кавсокаливита перестать притворяться безумным и поселиться на одном месте, став учителем монахов. Ведь монахи очень нуждаются в том, кто наставил бы их на путь делания.

Преподобный Максим послушался, как некогда Иоаким Архангела Гавриила, и спустился в Кавсокаливию. Там он обрел свою праведную Анну – благодатное безмолвие, вознесшее его к величайшим созерцаниям. Благодаря этому он стал всем известен, и до скончания века он будет примером для тех, кто желает взойти к высотам духовных наслаждений путем делания и созерцания, – а и тому, и другому обучает послушание. Для тех же, кто не знает подвига и чуждается послушания, духовные наслаждения останутся непостижимыми и недоступными. И ты, когда совершаешь подвиг, храни послушание до смерти, в чем и наставляет нас святой Максим Кавсокаливит. Тогда ты будешь достоин духовных наслаждений. И если ты решишь всегда хранить послушание, то удостоишься всех его благодатных даров. Но что говорить только об этих дарах? Ты удостоишься видеть гораздо большие дары!

Слушай: скит сталкивался с разными искушениями. Если отцы наши не могли заплатить харадж⁴², турецкие наместники запирали собор. Отцы плакали и рыдали, молясь праведной Анне, чтобы она управила необходимое для нашего спасения и открыла собор, – иначе как же нам служить всенощные и Божественные литургии?

Однажды, перед заходом солнца, старец велел мне: «Бери сумку и отправляйся к собору». Когда я подошел к колокольне, то увидел старую женщину с метелкой. Она убралась в соборе и пошла подметать двор.

Исполнив поручение, я вернулся к моему старцу, отцу Мине. Он, будучи прозорливцем, сразу попросил: «Давай-ка, друг, садись и рассказывай». Я сообщил, что в соборе заметил старую женщину, которая там убиралась. Отец Мина, исполнившись радости и духовного ликования, подпрыгнул и закричал: «Это убиралась святая Анна – собор откроют!» Через два дня печати сняли. Я спросил его, почему я сам не разгадал смысл видения. Он ответил: «Потому что не было в тебе настоящего послушания. Ты увидел, что происходит, но решил вернуться обратно. Это малое снисхождение и не дало твоему уму понять все величие видения». Впредь я старался не оставлять послушания и сохранять соображение ясным. Ведь ни о чем другом не подобает нам помышлять, кроме как о красоте Божией, которую постигли праведные Иоаким и Анна, удостоившиеся стать богородителями Господа нашего Иисуса Христа.»

Мой старец Онуфрий говорил и многое другое, хотя не все из услышанного я смог применить: так сильно меня угнетали печали и скорби, от чего страдаю ежечасно.

Внимай тому, о чем я тебе написал, и ни с кем об этом не спорь, так как в нынешнем поколении царит безверие.

Почему оно появилось? Потому что люди отринули любовь к ближнему и доверились материи, не задумываясь о том, что существуют умопостигаемые творения, наделенные умом, «по образу» и «по подобию» в Боге почивающим.

---

⁴² Налог турецким властям, собиравшийся в Великой Лавре.

Внимай внутреннему деланию, не любопытствуй по небрежению или легкомыслию, но строго повинуйся словам Бога нашего: «Входите тесными вратами для спасения. Мало входящих в них». Одним из спасенных будешь и ты, если пойдешь путем делания и созерцания. Возликуй, как молодой ягненок на лугу, готовясь вкусить духовных наслаждений.

Заботься только о душе, потому что она задумана бессмертной. Подумай: по какой причине мы оставили мир, лишив себя общения с друзьями и знакомыми? Только для того, чтобы путем делания и созерцания удостоиться небесных духовных благ.

Рассказ старца Онуфрия об отцах Нифонте и Филимоне

Тяжко было душе моей, – ибо грехи терзали меня, как дикие звери. Вдруг у каливы показался мой покойный старец, отец Онуфрий: он шел собирать для огорода перегной из опавших листьев в афонских дубравах. Поняв, что со мной, он велел все мученически терпеть. А его рассказы и примеры вовсе избавили меня от тоски. Как только он начал свой рассказ, слезы полились у меня из глаз и я вконец забыл, что до этого тосковал. Он сказал мне:

– *Тесны врата и скорбен путь, возводящий в жизнь, и немногие находят его*⁴³. Монах, обитающий уединенно, испытывает на себе всю зависть диавола, но безмолвие наставляет во всех добродетелях. Мать этих добродетелей – безмолвие в Боге, которое возвышает ум отшельника к духовным радостям через призывание сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа.

Нужно всегда помнить, что сказал Жених нашей души Иисус Христос в 10-й главе Матфея: *Будьте разумны, как змии, и чисты, как голуби*⁴⁴. Враг нашей души диавол присвоил себе голос змея и ввел в заблуждение праматерь Еву, – об этом говорит святой Неофит Затворник, рассуждающий о том, что все одушевленные твари обладают собственным смыслом, благодаря которому они славословили Бога, славословят Его и сейчас и будут славословить до скончания веков.

Но и деревья шелестом своей листвы прославляют Всеблагого Бога.

Праматерь Ева знала, какое разумное животное – змей и насколько оно превосходит в этом остальных животных. Враг наших душ присвоил себе голос змея и посредством лукавых вопросов исторг нас из рая наслаждения. Змей был осужден ползать чревом по земле, а люди, когда его видят, сразу же целят ему в голову, чтобы не быть ужаленными. Змей готов все свое тело предать на смерть, лишь бы сохранить от удара голову.

Применительно же к нам, змей – это образ монаха-безмолвника. Когда змея собирается сменить кожу, она находит тесную щель и, протискиваясь через нее, сдирает кожу. Так и уединенный безмолвник, благодаря теснотам отшельничества, избавляется от своих страстей и недостатков, а когда терпит насилие и гонение от врагов, достигает бесстрастия, и воспарения ума к небу среди духовных наслаждений, и единения со Владыкой Христом.

Сказав *будьте чисты, как голуби*, Господь отверз наши очи, чтобы мы увидели, как голуби свивают гнезда в высоких и покойных местах. Они высиживают птенцов в полном безмолвии. Когда птенцы подрастают, люди, находящие голубиные гнезда, крадут птенцов. Но родители, будучи чисты и незлобивы, не пытаются воспротивиться этому: их сердце такое безмятежное, что в нем нет никакой злобы. Они находят пищу, в безмолвии ее вкушают, в безмолвии ее несут птенцам, которые бесхитростно ждут пищи, и питают птенцов, а те с радостью склевывают пищу. Птенцы – безмолвники, в их жизни нет места хитростям и заботам. Они не отвлекаются ни на что, а только видят летящих родителей и радуются.

---

⁴³ Ср. Мф. 7, 14.

⁴⁴ Мф. 10, 16.

Так и ты, живущий отшельником, должен миновать охватываемую тебя скорбь и очистить свое сердце от учинивших разбой страстей. Храни все добродетели – и они сохранят твою голову от хищных птиц – страстей. Монах умом соединяет себя со сладчайшим именем Господа нашего Иисуса Христа.

Будь чист и незлобив, как отец Нифонт, который совершал подвиг безмолвия у себя в каливе, а когда начались споры о колливадах, ушел отсюда и отправился в мир, где основал монастырь на острове Икария. Говорят, он был совершенно незлобив и, благодаря этому незлобию, постиг сладость от умственного воспоминания сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа. Эта сладость нисходит в самое сердце человека. Старцы говорили ему: «Отец Нифонт, спустись к нам ненадолго». Но он не мог расстаться с божественным восхищением и поднимался все выше, к самым высоким созерцаниям. Это было очевидно для наших святых и блаженных старцев, которые все достигли непорочности, то есть совершенства, насколько оно доступно человеку.

Множество этих святых подвижников было прославлено Богом после их блаженной кончины. Таким был отец Филимон, живший в каливе Успения, где сейчас обитает старец Агафангел с братией.

Как-то один христианин читал житие святого Акакия Кавсокаливита и дошел до места, как преподобный, пройдя через кладбище, ощутил несказанное благоухание мощей святых подвижников. Христианину этот рассказ запал в душу. Он пришел на наше скитское кладбище и начал размышлять: «Быть может, и сейчас есть святые мощи, как и в дни блаженного Акакия». Только он об этом подумал, как ощутил несказанное благоухание, разносившееся по всему кладбищу. Он очнулся, начал поиски и обрел благоуханную главу. На черепахе было написано: «Филимон, иеромонах из каливы Успения Пресвятой Богородицы, находящейся недалеко от Дома совета святого Элевтерия».

Одна из костниц на Афоне

Он решил тогда всех созвать, но как только об этом подумал, его всего начало трясти, как от лихорадки. Тогда он понял, что уподобившийся Богу отец не желает, чтобы о благоухании его мощей всем рассказывали. Достаточно того, что это благоухание было даровано Всеблагим Богом, чтобы пример святого стал для нас хорошим наставлением и чтобы, вспоминая его, мы думали о несчетном числе отцов, которые совершали здесь подвиг и достигли высокой меры, сподобившись даже даров предвидения и прозорливости.

Если хочешь достичь столь высокой меры, о которой мы говорили, стань тоже чистым, как голубь. Я, твой духовник, все постарался объяснить.

Завершив свое поучение, отец Онуфрий, не скрывая слез, ушел в каливу, стараясь, чтобы никто больше не узнал о его тайном подвиге.

Монах Арефа

В 1915 году на Афон прибыли трое юношей из Америки: Афанасий, Георгий и Оттон. Афанасий и Георгий поселились в келье Святого Харлампия в Карее, где тогда находился книжный магазин отца Косьмы, ученика отца Саввы.

Афанасий был доблестным подвижником. Когда он еще жил в Америке, там однажды начался спор о всемирном потопе. Некоторые говорили ему, что в Священном Писании ошибка, потому что, если потоп был, он мог быть только в окрестностях Иерусалима, а не по всей земле. Но однажды Афанасий, работая на каменоломне, скрытой среди лесов, нашел морские окаменелости. Он показал их американцам, и те согласились, что потоп был по всему миру, о чем и говорится в Писании.

Афанасий исповедовался у блаженной памяти отца Косьмы в Малом скиту Праведной Анны, у моего «духовного дяди», послушника отца Григория, который ходил причащать «нагих отцов». Этот богоизбранный юноша утром приходил в скит, исповедовал свои помыслы, а вечером возвращался в келью, где прислуживал парализованному старцу отцу Савве.

По благословию духовного отца он был пострижен в монахи с именем Арефа. С самого дня пострижения он стал брать на себя подвиги, превышающие человеческие силы, – я сам это видел. У него даже не было своей рясы: он носил старую поношенную рясу своего духовника.

Отец Арефа был очень полезен всей монашеской округе благодаря добродетели, благоговению и знанию языков. Когда на Афон прибывали иностранцы, Арефа водил их по монастырям.

Однажды меня отправили помочь на виноградниках, а я едва мог собраться, – такая угнетала тоска. Отец же Арефа меня сразу ободрил. Он знал о моей немощи и вручил мне лепешку и сыр, сказав с улыбкой: «Ну, дорогой Хрисанф, поешь – и за дело, там немного отвлечешься».

Отец Арефа знал, что мне нужно немного отдохнуть и после этого я могу браться за тяжелый труд. Всю вторую половину дня я подрезал лозу. А вечером мы взяли связки сухих веток и отправились в сторону Карей.

Однажды, когда мы вместе шли по дороге, он мне рассказал о себе. Его семья происходила из Литохоро. У его дяди была барка, и летом он брал племянника с собой. Как-то они причалили в Фессалониках подле Белой башни. Дядя оставлял племянника в барке, а сам нанимался на разную работу. Однажды Афанасий пропал. Дядя понял, что его могли похитить местные евреи, что бывало часто.

Он был в хороших отношениях с турецким наместником и сразу обратился к нему. Тот сразу объявил раввинам, что, если они не отдадут Афанасия Яннакиса, он перережет всех евреев. Евреи испугались и вернули мальчика.

Однажды Афанасий сказал дяде: «Каждое утро сюда приходят еврейские женщины и бьют своих чад головой о кирпичи, а те не переставая плачут. Скажи, почему так происходит?»

Дядя ответил: «Ты помнишь, что евреи сказали Пилату: *Кровь Его на нас и на детях наших*»⁴⁵. Поэтому они приходят сюда к морю и бьют чад головой о кирпичи до крови. Так они поступают по преданию своих отцов».

Отец Арефа очень любил заниматься науками и читал днем и ночью. Он мне часто говорил: «Хрисанф, читай, пока молод, потому что наступит время, когда все это тебе при-

---

⁴⁵ Мф. 27, 25.

годится. Ум – великая книга каждого человека, а я вижу, как обширна твоя память. Читай больше, и будет тебе великая польза».

С особым благоговением Афанасий относился к сочинениям Мелетия Пигаса⁴⁶, осудившего календарную реформу папы Григория. Он попросил всех монастырских библиотекарей, начиная со старца Диомида из монастыря Кутлумуш и далее, просмотреть собрания библиотек и все, что найдут против григорианской реформы, дать ему на прочтение. И действительно, отец Арефа собрал важнейшие сведения и написал исчерпывающий труд по вопросу о календаре. Его труд убедил всех афонцев не принимать новый календарь. Я видел собственными глазами рукописное сочинение против григорианского календаря, – в стихах, большого объема.

Вместе с Афанасием-Арефой из Америки прибыл, как мы упоминали, и юноша по имени Георгий. Он очень ревностно подражал Афанасию в его добродетелях, но ревность переросла в зависть. Он не исповедал ее духовному отцу, и однажды, когда отправился причащаться, в него вселился бес. Бес был столь злобный, что даже несколько отцов вместе не могли удержать болящего. Он дошел до того, что ползал по балкам веранды, будто змея. Наконец, его взяли в монастырь Ксенофонт, и преподобный Георгий, который в те годы настоятельствовал в монастыре, совершенно исцелил его. С тех пор молодой послушник показывал великое послушание и был пострижен в монахи с именем Галактион. Кончина его была мирной.

Третьего юношу звали Оттон, но в крещении он был назван как-то по-другому, а это имя принял, чтобы его не нашли, так как он сбежал из богатой семьи.

Он поступил в общину монастыря Дионисиат и принял постриг с именем Лазарь. Он верно шел по следам старца Исаака, который, благодаря своему послушанию, словно парящий орел, за пять минут преодолевал расстояние от Кареи до Дионисиата, хотя между ними целых пять часов ходу.

Он никогда никого не огорчал и даже самым неприметным монахам выказывал крайнее послушание.

Я познакомился с ним, когда работал в этом монастыре на производстве ладана. Кончина его была мирной и заранее извещенной.

Отец Харитон и отец Григорий (Алифантис)

Отец Косьма, ученик старца Саввы, сказал мне, что в скиту Кутлумуш есть монах-старец с Эгины, по имени Харитон. Он совершенный нестяжатель, живет как птица. Даже хлеба не съест, прежде достаточно не потрудившись; воду же носит в кувшине только от источника святого Пантелеимона, что подле собора. Все отцы очень ценят его и советуются с ним, всякий раз получая мудрые наставления.

Однажды во время сбора винограда срезали грозди как раз на винограднике кельи, где жил Косьма. Грозди, помнится, были такими тяжелыми, что лозы нагибались чуть ли не до земли, и приходилось подкладывать ветки, чтобы они ее не касались.

Когда я шел с корзиной, отец Косьма позвал меня и велел спуститься навестить старца Харитона, который живет в скиту монастыря Кутлумуш. Старец Харитон был с Эгины.

Я спустился к отцу Харитону и поздоровался с ним по древнему обычаю Афона – наклонив голову и ни о чем не спрашивая.

---

⁴⁶ *Мелетий Пигас* (1535–1601) – патриарх Александрийский, богослов. В своих посланиях указал на несовместимость реформированного календаря с требованиями Пасхалии и Типикона и призвал европейских греков к сохранению старого календаря как основы независимой церковной жизни.

Он узнал меня, понял, чей я племянник, и рассказал, как он прибыл на Афон и что сюда приезжал его племянник и мой дядя, поступивший в монастырь Филофея. Там он под влиянием каких-то книг оставил обитель покаяния и ушел в мир.

Старец начал поучать меня:

– Ты бы знал, каким послушником был Григорий в монастыре Филофея! Хотя монастырь особножитный, но он настолько был верен своему старцу, что, если приходил с работ, изнемогая от жажды, и хотел выпить воды, а старец говорил ему не пить, он сразу же отставлял кувшин в сторону. Не знаю, кто ему дал книги, в которых одна только обезумевшая премудрость мира сего. И вот, он оставил монастырь и теперь живет в миру. Где именно он теперь, разузнать я не смог.

Давно, отче мой, я жил в каливе Святой Троицы, где ты сейчас живешь, но оставил ее. А ты вспоминай жития святых, живших на родине твоего прадеда и прабабки. Эти святые только одного придерживались – молитвы и поста.

Иеромонах Григорий (Алифантис; f1969)

Смотри, не забывай советы, указания и толкования Писания отца Онуфрия, послушника отца Мины. Когда я жил в скиту, всегда восхищался его послушанием и простотой в быту. Подражай ему, насколько возможно, тогда твои прадеды будут незримо тебя видеть и радоваться.

Я был так тронут, что не спросил, к какому поколению относится старец Харитон: сын он или племянник Петра и Анны?

Затем отцы говорили, что мы с ним очень похожи и что, если бы я был стар, я был бы с ним на одно лицо. Когда я заходил в скит, я сравнивал (и до сих пор сравниваю) черты лиц моих предков с чертами лица Харитона. Мы очень похожи лицом на воспитавшую нас прабабушку.

Во время работы в Карее мне много раз говорили о нестяжательности моего дяди, отца Харитона. Когда он умер, после него остался только один кувшин и ничего больше, как мне рассказывал отец Евгений с Наксоса из каливы Рождества Богородицы.

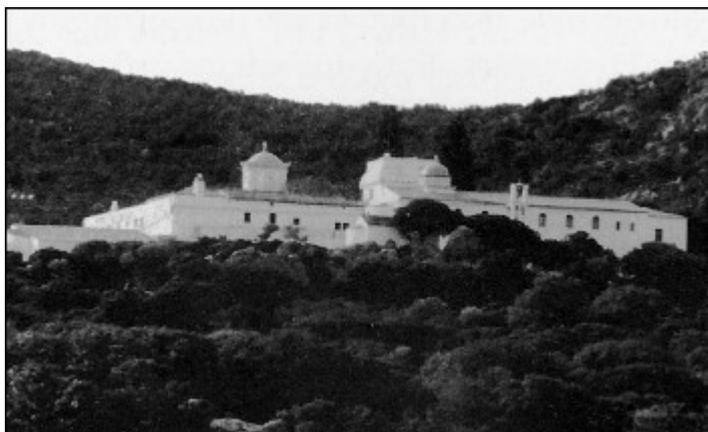
Как-то заболел мой послушник, отец Гордий. Я повез его в мир, прямо к святому Нектарию. Там я узнал, что мой дядя, отец Григорий Алифантис, стал священником в женском монастыре Пресвятой Богородицы Хрисолеонтиссы. Я взял с собой отца Гордия, и мы прибыли в этот монастырь. Там я увидел, что мой дядя, Царствие ему Небесное, уже получил сан игумена. Мы с ним побеседовали. Когда он мне рассказал обо всех искушениях и муках, которые ему пришлось претерпеть после ухода со Святой Горы Афон, я был так расстроен, что даже не помню, как потом отправился молиться в церковь.

Затем, уже после моего отъезда, архиепископ прислал в монастырь еще нескольких монахинь. Сейчас в монастыре живут три мои тети, все они – монахини и носят фамилию Алифантис.

Во дни передела земель блаженной памяти отец Григорий стал игуменом в монастыре Сагмата, под Фивами, основанном святым Климентом Афинским. В этом монастыре хранятся честные мощи множества святых. Среди святынь этого монастыря – большая часть Честного Креста, которую император Алексей Комнин передал обители в вечное пользование.

Благочестивейший император был ктитормом трех монастырей: Преподобного Климента Афинского на горе Сагмата, Преподобного Мелетия на горе Миуполь, по пути из Фив в Афины, и Честного Предтечи на Святой Горе Афон, основанного святым Дионисием и преподобным Дометием.

Отец Григорий (Алифантис) претерпел многое от тех, кто занимались переделом земель, потому что они хотели конфисковать раки со святыми мощами, переданные в монастырь византийскими императорами.

Монастырь Пресвятой Богородицы Хрисолеонтиссы на острове Эгина

Много монастырей в Греции. Но монастыри Сагмата и Метеоры – особые. Живущие в них подвижники превосходят своими подвигами саму человеческую природу. Весь их образ жизни выше естественных сил.

Мы пришли на Святой Афон еще в молодости. Но нашим утешением было обилие воды, сады, оливковые рощи и множество накопленных за века благ. А в этих монастырях, если Всеблагой Бог не пошлет дождя, – воды не будет. Даже опытный монах, оказываясь в монастыре Сагмата, понимает, что не так просто жить в этих пещерах, выдерживая и летний зной, и зимний холод. Ум его изумляется смелости подвижников. У них не было ни теплой одежды, ни крыши над головой, ни печей, – лишь горячее стремление к Богу, которое, действуя в их сердце силой божественной любви, возводило их ум к небесным обителям; так что они нисколько не щадили своего тела.

Что говорить о современных монахах в сравнении с ними! Современные монахи требуют себе телефонов, требуют электрических холодильников. А тем монахам даже хлеба не

было нужно, потому что забота о добывании хлеба отдалила бы их от непрестанной памяти о Боге.

Что же делать мне, жалкому, везде ищущему отдохновения? Единственное, что у меня есть прямо перед глазами – примеры моих наставников, память об их жизни. Один из них, старец Онуфрий, настолько был охвачен божественной любовью, что в храме всегда стоял и никогда не садился. От постоянного прямостояния стопы его начали гноиться и он едва мог выносить боль. А мой старец, отец Азария, страдал от лишая, но, как мученик, терпел страшную боль и ни разу даже не посетовал.

А я ищу, где можно отдохнуть, где можно вкусно поесть. Обязанности свои выполняю с превеликим трудом. Надеюсь только на молитвы моих наставников и на заступление, по их молитвам, нашей общей Владычицы Пресвятой Богородицы.

После окончания передела отец Григорий (Алифантис) оставил монастырь Сагмата и тамошних монахов. Один из его послушников позднее прибыл в скит Святой Анны, где был пострижен с именем Климент. Сам отец Григорий почил 2 апреля 1969 году в моем родном доме на Эгине, который он завещал митрополиту Эгинскому. Теперь в этом доме находится епархиальное управление.

Отец Косьма, ученик старца Саввы, и отец Арефа

Блаженной памяти отец Косьма, ученик старца Саввы, как и его послушник отец Арефа, с великим благоговением всегда вспоминали святых новомучеников. Они познали столь великое умиление, что, начав плакать, не могли успокоиться. Их старец, отец Савва, который был некогда послушником Хаджи-Георгия, напоминал им о единстве братства, которое они разрушают, обвиняя братьев в увлечении российской политикой, а Хаджи-Георгия обвиняя в прелести. Но сам отец Савва, когда читал любую книгу о новомучениках, не мог сдержать слез.

Однажды вечером, после повечерия, совершалось чтение об одном новомученике. Он так сильно желал принять мученичество, что притворялся безумным. Горожане, смотря на него, жалели его и подавали ему милостыню.

Этот юродивый на все деньги покупал свечей, ходил и ставил их по храмам. Он достиг такой высоты духовных помыслов и небесных созерцаний, что его лицо преображалось под действием внутреннего огня духа, в нем разгоревшегося от божественной любви ко Владыке Христу. Но зрителям казалось, что он лунатик и несчастный человек.

О его духовном делании знал только один архиерей, совершавший подвиг безмолвия и готовивший к мученичеству множество людей, а также еще несколько человек, которые сами научились приготавливать себе высочайшие созерцания Триипостасного Бога. Такое созерцание всегда проистекает только из сердечной молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас».

Однажды солнечным утром этот мнимый помешанный явился в турецкое управление, когда там собрались все оттоманские чиновники.

Он заявил им, что он – христианин и что Христос – Бог и стал Человеком только затем, чтобы возвести человека из падшего состояния к истинному спасению, а учение Магомета – ложно и постыдно.

Когда турецкие начальники, и прежде всего ходжи, услышали его исповедание и то, как он оскорбляет их веру, они накинулись на него, словно лютые тигры. Они велели предать его на самые страшные мучения. Так этот доблестный муж мученически завершил свою жизнь.

Всеблагой Бог показал людям, сколь великую любовь и привязанность питал к Нему этот святой. А именно – тело его осиял свет. Не помню, сколько дней тело мученика оста-

валось на виселице, но тление не затронуло его, и раны, как говорят, продолжали источать теплую кровь.

Архиерей и другие отцы, его знавшие, говорили потом, что этот святой никогда не оставлял послушания. Хотя он был мирянином, притом весьма юным, но, благодаря послушанию и простоте, постиг теплоту сердечной молитвы. Эта теплота – дочь божественной любви. Она велела ему отказаться от пищи, сна, обуви. Он просто облетал, словно стремительный орел, все храмы города и ставил свечи – только так он надеялся насытить свое неумолимое желание познать Бога.

Благодать не знает полного насыщения. Поэтому этот святой, хотя уже вкушал ангельский хлеб высочайших созерцаний, желал еще большего. Он стремился исполнить важнейшую заповедь Евангелия о любви к ближнему. Поэтому он гласно возвестил о Божестве Господа нашего Иисуса Христа, дабы отрицатели Христа задумались и обратились к истинной вере. Истинная вера – это лестница, по которой все право и благочестиво верующие в Бога восходят в Царствие Небесное. Но нечестивцы, не рассудив об истине, потому что их ум был помрачен гнусными страстями, предали его на мучение, даровавшее ему венец славы.

Поучение о смирении со слов святых отцов Православия

(из письма)

Я сейчас болен, лежу в кровати и пишу вам эти слова. Почему я собрался вам написать? – Прочел ваше письмо, где вы пишете, что изнемогаете и не можете обрести божественной любви и молитвы.

Но я не вижу в вас даже самой малости божественной любви. Отчего это происходит? У вас – одно человекоугодие и страх перед людьми. А вот почтения к тем, кто серьезнее вас, у вас нет. Если начинают сообщать сплетни, вы слушаете и не обличаете клеветников. Вы даже оправдываете врагов ваших душ. И при этом мысленно осуждаете тех, кто со ссылкой на деяния Святых Соборов объясняет вам, что все церковные дела должны решаться очень ответственно и с усиленной молитвой.

Не так ли, братья? А вы спрашиваете в письме, почему вам не дается молитва и все прочее.

Господь наш Иисус Христос стал Человеком бессеменно, неизменно и непреложно, восприяв нашу природу еже по плоти от Всенепорочной Матери Своей, Ея же рождество днесь празднует Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь от края земли и до края.

Чтобы научить нас, смиренных монахов, Господь наш показывал великое послушание. Он не проповедовал, пока не достиг законного возраста, и лишь тогда вышел на проповедь, хотя она была волей Отца Его во спасение всех уверовавших.

Господь наш часто уходил от людей и молился в пустынных местах. Он хранил послушание – и в послушании, будучи без греха, претерпел смерть Крестную. Тем самым Он научил нас повиноваться отцам, не творить собственной воли и не действовать по собственному помыслу.

Мы должны распять на кресте смирения свое «я». Крест – это отгнание всех страстей, очищение тела от страстей, как от чего-то чуждого ему. Освободившись от страстей, наша душа узрит добродетели, которыми украсил ее Всеблагий Бог, и обретет радость и ликование в Духе. Если мы распинаем себя и умерщвляем, принимая ангельскую схиму, то непременно удаляемся из мира и поэтому даже не знаем о происходящих в мире страстях.

Чему вас учили, когда вы еще были детьми? Если бы вы сохранили дух поучений, то вы бы еще прежде, чем братья встанут, натаскали воды, хотя источник воды и расположен далеко, и натаскали бы дрова, хотя в лес идти тоже путь немалый. Все святые подражали

Богу, Который, когда стал Человеком, изучил плотническое искусство и работал, чтобы прокормить числившегося Его отцом Иосифа и Свою по плоти Непорочную Матерь.

Чудом наших дней является житие святителя Нектария. Прежде чем монахини у него в монастыре просыпались, он сам вставал и чистил нужники, как мне рассказывала моя покойная тетья, матушка Синклитикия.

Поэтому, если вы хотите удовлетворить вашу духовную жажду, подражайте святым, шедшим по стопам Богочеловека. Тогда вы поймете, что такое монашеское житие и каковы его плоды. Ради монашества цари оставляли свои царства, ученые – свои науки, и шли в подчинение простым мужам, которые в своей простоте следовали столь же простым пророкам и апостолам и удостоились, насколько это доступно человеку, зреть Самого Бога.

Напишу вам вкратце о сегодняшнем дне. Я сегодня был на всенощной в скиту монастыря Кутлумуш вместе с отцом Арефой и другими отцами каливы, отмечавшей праздник. Простые отцы поставили меня чтецом, и я прочел слово святителя Иоанна Златоуста на Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. При чтении я изумлялся простоте слога святого Иоанна и глубине его богословия, хотя я человек и неученый.

Помощи вам Божией. Прошу молитв.

Отец Арефа и книга «По стопам Христа»

В Смирне турки устроили резню греков, которые спаслись только бегством. Патриарх Мелетий Метаксакис обратил трагедию греков в свою пользу и решил ввести в Церкви двадцать восемь параграфов, совершенно враждебных Православию. Все знатные люди Константинополя, взирая на то, что происходит с греческим населением и с Церковью в Турции, плакали и терзались. Некоторые бежали, некоторые находились в недоумении.

Одним из бежавших ученых клириков, занимавших должность в Патриархии, был великий хартофилак Мануил Гедеон. Он отправился из Константинополя прямо на Афон, прибыл в Карею и был принят старцем Арефой, учеником отца Косьмы, и его послушником отцом Саввой. Они увидели, какой он образованный и сколько языков знает.

Мануил Гедеон рассказывал отцу Арефе о многих лицах и событиях, читал в монастыре книги, связанные с движением отцов-колливадов. Они беседовали каждый день, и однажды выяснилось, что в скиту Святого Димитрия, принадлежащем монастырю Ватопед, жил во времена колливадов духовный наставник Дионисий Сиатистей. Он был духовником множества отцов: святого Никодима Святогорца, Иоанна Линдосского и многих других.

Однажды отец Дионисий сказал своим ученикам, что написал книгу «По стопам Христа». Они прочли эту книгу, одобрили и решили, что книга должна быть напечатана для просвещения всего греческого народа.

Каррея – столица Афона

«Но после греческой революции, – говорил Мануил Гедeon, – и беспорядков на Святой Горе Афон, последовавших за колливадскими спорами, книга не была напечатана. Ее рукопись должна храниться в главной библиотеке скита Ватопедского монастыря. Вы ведь владеете книготорговлей в Каррее. Что мешает вам напечатать эту книгу? Она особенно нужна в теперешнее смутное время, когда наш народ был с корнями исторгнут из своих городов и сел. Пусть все читают эту книгу и утверждают в святоотеческом благочестии».

Отец Арефа сообщил о существовании книги в скит, и дикей вместе со старцами велели ему самому идти искать рукопись.

Вскоре я отправился по делам из скита Святой Анны в Каррею. Там я встретил отца Арефу, который попросил меня вместе идти на поиски рукописи духоносного отца Дионисия. Была зима, дул сильный ветер, но как-то мы добрались до собора скита. Дикеем в скиту тогда был престарелый монах Варфоломей. Он нам сказал, что не может выдать никакой теплой одежды, а еду предложит только самую скромную. Ведь отец Варфоломей был нестяжателем и случалось, что у него не обреталось даже хлеба⁴⁷.

Наутро мы отправились в собор на литургию. В соборе тоже не миновали нас искушения. Диакон Анастасий, чадо отца Пахомия, не хотел поминать патриарха Василия за то, что тот принял григорианский календарь. Видя, что происходит, я молился до тех пор, пока литургия не кончилась.

После того, как литургию отслужили, к отцу Арефе подошел благоговейный начальник одного из скитов и сказал: «Отец Арефа, по преданию, прежде на этом месте жили родственники святого Димитрия Мироточивого и монастырь назывался Халкей, потому что таково было прозвище святого Димитрия. А после уже был построен святой монастырь Ватопед. Поэтому и сейчас на печати скита написано «Святой Димитрий Халкейский»».

Мы отправились в библиотеку, где нашли множество рукописных книг, среди которых оказались и без обложек. В конце книг писцы заклиали тех, кто дерзнет унести эти рукописи из монастыря Халкей.

Среди множества книг отец Арефа нашел и подписанную именем святого Дионисия Ритора из скита Праведной Анны. Святой написал собственной рукой в конце посвящения: «Кто унесет эту книгу, пусть все святые будут ему судьями».

Отец Арефа сказал мне: «Да, отец Хрисанф, какие у тебя предшественники...»

⁴⁷ Примечание греческих издателей: старец Хрисанф, рассказывая о нестяжателности отца Варфоломея, разрыдался.

Вслед за этим мы нашли и книгу «По стопам Христа». Рукопись была совершенно цела, почерк разборчив. Мы взяли книгу блаженного Дионисия с великой радостью и понесли ее в Карею.

Не успев пройти и ста метров, мы увидели престарелого монаха. Хотя стояла зима, старец сидел в келье около открытой двери и читал вслух аскетическую книгу, объясняя своему послушнику, в чем состоит высота монашества.

Я вспомнил советы моего старца и разрыдался. Ведь меня лишили отшельничества, дали мне послушников. И с тех пор как мне дали послушников, я терплю немалый вред и не знаю, каким будет мой конец.

Наконец, мы пришли в Карею. Как только библиотекарь святого монастыря Кутлумуш отец Дионисий узнал, что рукопись книги «По стопам Христа» нашлась, он стал ходатайствовать об издании. Книга была издана, и ее чтение продолжает приносить пользу во всем мире, – особенно тем девушкам, которые, прочитав хвалу святой Марине, начинают задумываться о монашестве.

Гневный лик Владыки Христа на иконе Пресвятой Богородицы в монастыре Иверон

Прежде чем была введена в действие учредительная грамота об Афоне, происходило много споров, согласны ли пункты в этой грамоте со святым преданием наших отцов. Я был тогда еще молод. Слушая эти споры, я ощущал великую тоску от того, что столько сил уходит на эти прения. Мне хотелось сказать: «Как же вы не тяготитесь, что спорите обо всем этом».

Наступил октябрь, и отец Арефа, ученик отца Саввы, передал мне записку, чтобы я отправлялся в Карею поработать на виноградниках.

Блаженной памяти старец Онуфрий огорчился, когда услышал, что я отправляюсь в Карею на работы. Но я не мог не исполнить свой долг: ведь отец Арефа стал мне великим помощником в духовной жизни.

С утра я собрал сумку и спустился на берег, чтобы отправиться с первой же лодкой. На пристани я встретил духовного наставника, отца Янниса, и возликовал в душе. Ведь он и отец Иероним из Симонопетра были первыми афонцами, с которыми я познакомился еще в храме Вознесения, и именно он мне объяснил, в чем состоит монашеская жизнь.

Мы попрощались, и я в молчании зашел в лодку.

Я был наслышан об отце Герасиме, который жил в Катунакии в другой келие, на отдалении от отца Каллиника. Все говорили, что отец Герасим очень серьезно изучает «Добротолюбие» и трудится, чтобы заработать на хлеб.

От отца Кирилла из Малого скита Святой Анны я слышал, что ту еду, которую ест отец Герасим, мы бы не стали есть даже в Великую Пятницу.

Отцу Герасиму прислуживал отец Иаков, у которого всегда был с собой ящичек с красками, потому что он был иконописцем.

Когда меня представили ему, я подошел и поклонился. Он же высказал мне такое пожелание:

– Старче Хрисанф, да укрепит тебя Пресвятая Богородица, Которой ты должен приносить благодарность за то, что Она послала тебе великого духовного наставника после тех невероятных мук, через которые ты прошел.

Лодка направлялась в Дафни, и монахи, плывшие на ней, беседовали о монашеской жизни. Они говорили, что в прежние дни те, кто приняли монашество, не имели уже собственной воли и собственного помысла. Поэтому были нестяжательными, забот не знали и из имущества у них имелись только четки и две книги: «Слова» аввы Исаака Сирина и

«Плач» инока Фикары. Но когда Афон перешел под власть Греции, молодые монахи стали считать, что отсекаль собственную волю и помышление – слишком трудно.

Покойный отец Яннис сказал:

– Ну, пусть хоть стараются. Вы еще увидите, что потом будут и другие монахи. Они не станут носить афонские скуфьи, а сами склеят их из картона, и многое будет другое.

Все это теперь стало явью. Старец Иаков дал мне такой совет.

В каливе Святой Троицы живут только выходцы с Хиоса. Когда в каливе произошло обрушение, ее отстроил отец Никифор, тоже родом с Хиоса. Поэтому старец Иаков велел подражать подвижникам из той каливы, где я сейчас и живу.

Прошло уже пятьдесят восемь лет, но до сих пор его лицо стоит у меня перед глазами. Кажется, я даже слышу его неспешную поступь. Когда-то он брал доски для икон и поднимался легко, словно орел, в Карею.

Вид его был столь почтенный, что, куда бы он ни отправлялся, все отцы показывали благоговение к нему.

Я пришел один раз к отцу Арефе, ученику отца Саввы, и спросил: «Благослови, отче, скажи, чем ты опечален?»

Он мне ответил: «Положи свою поклажу, и я тебе расскажу. Сейчас в Карее волнение. Все говорят, что Младенец Христос на иконе в приделе Пресвятой Богородицы Вратарницы изменился. Лик Его был прежде кротким, теперь же грозный. Пойдем сходим на воскресную службу, чтобы поклониться иконе Вратарницы, заодно и испросим прощения за все то, чем погрешили в своей христианской и монашеской жизни.

Иверский монастырь (Иверон)

В воскресенье, в восьмой час по афонскому счету времени, мы прибыли в святой монастырь Иверон. Прежде всего я пошел к источнику Пресвятой Богородицы Вратарницы. Когда эта святая икона была обретена на море, преподобный Гавриил Иверский поместил ее на этом месте, и здесь сразу забил источник святой воды. Со страхом и трепетом я наблюдал, как вода из отверстия чуть вытекает по капле, а из чаши уже плещет обильно!

Блаженный старец Арефа сказал мне: – Знаешь ли ты, отец Хрисанф, сколь великого дара удостоила нас Пресвятая Владычица? Глядя на этот источник, мы вспоминаем обречение иконы в море. Как только икона осенила землю, сразу же из земли забил источник. Он нас учит, что такое делание и что такое созерцание. Поэтому, пока ты молод, совершай подвиг и храни послушание. Тогда обретешь спасение.

Мы вошли в монастырь и прямо направились в придел Владычицы нашей Пресвятой Богородицы Вратарницы. Совершив земной поклон, вошли внутрь. Здесь сразу увидели написанные на стене изображения древних философов. Они держали свитки со своими изречениями, показывающие, что их тоже просветил Господь наш Иисус Христос, хотя они Его и не ведали. Они чувствовали, что Божия Матерь была избрана ради Вочеловечения Господа и что нет на Ней греха перед Святой Троицей.

Пресвятая Богородица решила преподать и нам, Ее чадам со Святой Горы, урок смирения. Посему Она сказала: *Яко призре на смирение рабы Своей*⁴⁸. Итак, наша обязанность – хранить совершенное послушание нашим старцам. Когда придет час нашей кончины, молюсь, чтобы Матерь Божия приняла вас в Свои объятия и сказала Господу и Сыну Своему: *Се аз, и дети, ихже мне дал еси Ты*.

Отец Арефа по обычаю положил три поклона и затем подошел приложиться к иконе Царицы Небесной, державшей в объятиях Младенца, гневно взиравшего на грешников. Когда он увидел, сколь грозно стал выглядеть лик Младенца, то испугался и смотрел, словно в испуге. Я тоже положил земной поклон, прочел благодарственную молитву Пресвятой Богородице, восседавшей на престоле, и не мог уже открыть глаза. Когда я осознал, что я худший из всех насельников Афона, ум мой изнемог и язык будто онемел. Затем мы пошли обратно в Карею, размышляя по дороге, что означает это знамение и какое зло человечеству от него ожидать.

Потом уже произошли все бедственные события, землетрясения и новые войны.

А тогда отцы ревностно обсуждали, почему гневен лик Господа нашего Иисуса Христа на иконе в монастыре Иверон. Все понимали, что это знамение обещает разорение. Мы были, как купцы, «приобретшие поле»...

Отец Арефа о страсти неблагодарности

Я регулярно ходил из скита в Карею. Тогда я жил в келье Святого Харлампия, приписанной к монастырю Ватопед. Старцем там был отец Косьма, книготорговец, духовное чадо отца Саввы, а его послушником в ту пору был отец Арефа из Литохоро.

Какую бы работу они ни предпринимали, я шел и помогал им. Они тоже помогали мне в моих нуждах, хотя и проявляя бережливость. Мы общались очень часто, и я однажды дерзко сказал:

– Я уже устал сюда ходить. Отец Арефа был весьма рассудительным и, сохраняя почтение к старцу, не решился мне ничего отвечать в его присутствии.

Он подумал, что я действительно устал ходить и решил несколько дней передохнуть. Ведь у кариотов один устав, а у монастырских – другой, к тому же я всегда был изможден по молодости и непривычке: трудно было перестраиваться с одного устава на другой.

Не знаю, что подумал отец Арефа. Но мне он сказал, что так ведут себя только неблагодарные люди. Ведь человек по своей воле оставляет скит и идет в Карею работать.

В другой раз расстроенный старец Арефа произнес для меня пространное поучение. Я должен беречься страсти неблагодарности. Ведь нам в скиту завещано всячески сторониться этой страсти. Она возбуждает немалое смятение в разуме монаха и иссушает молитву в сердце.

Однажды воскресным днем, когда я собирался уже закрыться у себя в келье, старец меня остановил и рассказал басню о медведице и змее. Не знаю, где он ее вычитал.

Вот эта басня.

---

⁴⁸ Лк. 1, 48.

Была суровая зима. У медведицы шерсть густая, в ней не замерзнешь. К медведице обратилась змея и попросила разрешить ей провести зиму, спрятавшись в ее шерсти, чтобы не умереть от холода. Медведица сказала змее: «Буду рада». Змея провела всю зиму, греясь в медвежьей шерсти. Когда же змея весной выползла на улицу, то сказала медведице: «Как хорошо я провела зиму».

Зимой на Афоне

Одно было невыносимо, – что шерсть у тебя вонючая». Медведица ответила: «Большое спасибо, подруга».

На следующий год змея вновь решила перезимовать в шерсти медведицы. Но та сказала: «Не могу принять тебя. В прошлом году я подобрала тебя, когда ты могла умереть от холода. Но ты сказала, что тебе тяжело было зимовать, потому что слишком сильна вонь от моей шерсти. И вот, я тебя приму и вновь буду вонять – а ты вдруг задохнешься. Поэтому иди своим путем».

– Итак, внимай себе, – продолжил отец Арефа, – потому что неблагодарность есть величайшее зло со стороны облагодетельствованного. А ты проявил по отношению к нам неблагодарность. Ты говоришь, что устаешь от того, что ходишь к нам.

Он начал мне объяснять, что произошло. Я стал дурным примером для многих, особенно для уроженцев Афин. Я начал учить других людей быть столь же неблагодарными, как и я.

Мне нечего было ответить. Мой старец научил меня, что, если меня обличают, я должен терпеливо молчать.

Но затем ученый старец, отец Арефа, преподал мне очень содержательный урок.

– Прости меня, – сказал он мне, – за все мои обличения. Ты из другого монастыря, ты нам оказал милость, оставив свое безмолвие и придя сюда, чтобы помочь. Но все равно повторю тебе: будь внимателен, держись подальше от страсти неблагодарности.

Первым человеком, проявившим неблагодарность, был праотец Адам, о чем можно прочесть в толкованиях святых отцов на Писание. Всеблагой Бог сотворил Адама последним, чтобы все творения взирали на него и получили свое имя по его разумной воле.

Господь Бог взял персть земную и сотворил Адама. Он одушевил его и соделал *душой живой*. После ввел его в рай и научил возвышенным созерцаниям, чтобы Адам всегда бы един с Богом. А затем Он взял от ребра его и сотворил праматерь Еву.

Наши праотцы, Адам и Ева, проявили великую неблагодарность в отношении к Богу, поверив нашему врагу диаволу. Они утратили все прежнее возвышенное созерцание и увидели, что наги. При этом они не попросили прощения за свое преслушание, однако их неблагодарность показала, что это диавол их обманул. И сразу же после изъяснения неблагодарности они оказались за оградой рая, на этой земле, которая нарицается юдолью слез.

Видишь, кого напоминают неблагодарные монахи? Тебе уже двадцать восемь лет. Как на тебя посмотрят старцы? Они собирались найти тебе товарищей. И вот, ты будешь им служить, кротко и выдержанно, – а они проявят страшную неблагодарность.

Поэтому смотри, не утрати своей мзды. Учти, что твой духовный наставник – пример всему Афону и ты должен следовать по его стопам.

Если ты будешь за ним следовать, то услышишь глас Божий, который говорит тебе, вызывая сердечную боль, все, что уже сказано в Евангелии. Десять прокаженных было, десять было исцелено, но девять евреев ушли, и только один иноплеменик вернулся благодарить.

Поэтому готовься к испытаниям. Тебе много придется претерпеть от неблагодарного мира, а тебе всего двадцать восемь лет.

Отец Савва и отец Аверкий

Как-то я стоял посреди сада каливы и вдруг услышал голос, в котором звучала сердечная радость: «Бог в помощь, старче».

Я обернулся и увидел отца А. Он спросил: «Ты был вчера на службе в соборе? Понравилась тебе служба?»

– Ах, старче! С какой благодарностью я слушал псалмы и славословия: «Како почту Тя, Боже мой? И кую песнь воспою исходу Твоему, Щедре»⁴⁹.

Знаешь, отец А., сколь великую радость чувствует весь монашеский чин, когда отводит все время молитве. Особенно усиленной становится молитва во святую Страстную седмицу. Все монахи поклоняются Распятому за ны Богу с верой и благоговением, творя и делание, и созерцание, примеры которых оказываются прямо перед глазами.

«Возведи очи свои ввысь, – подумал я тогда. – Ты увидишь, как туман стелется с самой вершины Афона до каливы Святого Артемия. Переживая наедине восторг от горного вида, ты постигнешь величие этого священного места».

В обитель тем временем пришел еще один брат, и мы закончили беседу, обращавшую ум от мирских страстей к горным размышлениям. Все вернулись к делам, и скоро наступил девятый час, когда полагалось поесть немного сухарей. Ведь климат здесь суров и человек не может не вкушать пищу целый день.

Скит Воскресения Христова (духовника отца Саввы)

---

⁴⁹ Из стихир вечера Великой Пятницы.

За краткой трапезой мы завели беседу о святых мощах, которым, как сказал алтарник, будет воздаваться поклонение на вечерней службе.

Ощувив благоухание, исходящее от мощей, ты поймешь и на деле, и в созерцании, что *Господь хранит останки любящих Его.*

Ты же, милостивый отец А., помышляй о том, чтобы всякий выдох, исходящий из уст твоих, был наполнен любовью к Богу.

Возведи очи и внимай! Напротив стоит скит покойного отца Саввы, к которому многие ходили за советом. Среди них и один таможенник, проходивший за благословением: он был турецким чиновником, но втайне исповедовал нашу веру. Когда он совершил поклон перед старцем, отец Савва пожелал ему удостоиться чести, обещанной Магометом. Но турок со слезами на глазах ответил, что он тайный христианин и духовный наставник дал ему один совет: строго придерживаться православного учения.

Посмотри, отец А., и ниже. Там стоит калива Честнаго Предтечи. В этой каливе совершал подвиг покойный дедушка отец Аверкий.

Хотя он был родом из Анхиала и родным его языком был болгарский, он, как жаждущий елень, обращался к сокровищнице греческих речений. Он многих спасал и наставлял в благочестии. Было у него и немало послушников. Среди же этого множества был и послушник из Смирны, больной туберкулезом. Этот человек попросил старца благословить его поступление в монастырь, а старец не хотел благословлять. Тогда юноша сказал: «Близок конец моей жизни, возьмут душу мою». После этих слов старец ответил утвердительно и преподал благословение.

Когда настал час ухода его души из тела, она, будучи еще в теле, но подлежа испытаниям суда, не могла выйти из-за трех монет, взятых из церковной тарелки по нищете и не возвращенных. Нестыжательный духовник, одолжившись у других отцов, внес деньги в кружку собора. И тотчас душа юного монаха отошла в вечные обители.

Вспоминай, отец А., все, что я тебе сказал. Святая Гора, и особо скит Праведной Анны, способны возносить духовное помышление, даже когда ты просто смотришь на эти пологие скалы.

Старец Дионисий

Однажды мой духовный руководитель, старец Онуфрий, желая пособить мне духовно и утвердить в монашеском образе жизни, рассказал такую историю:

– Ниже каливы старца Дамаскина находится другая калива, в которой нет даже церкви. В этой каливе жил отец Макарий с острова Гинос. Он достиг великой меры безмолвия, а после перешел в Катунакию, оставив в каливе своего послушника, врача, отца Артемия.

После в этой каливе поселился старец Дионисий с двумя послушниками, отцом Дионисием и отцом Киприаном.

Старец Дионисий ни с кем никогда не разговаривал, и его лица никто не видел: он скрывал его, чтобы сберечь непрестанную молитву. Он собирал душицу при Холодном источнике, отжимал масло из ее семян и продавал. На это он и жил, уча своих послушников никогда не есть за чужой счет. Так, он однажды собирал душицу и нашел клад при корнях дерева. Он передал клад в скит, и, по совету послушника Дионисия из Димитриады, клад было решено пустить на милостыню. Тогда монастырь Дионисиат был в большой нужде и повсюду искал деньги, будучи готов даже брать в долг под проценты.

Когда отец Дионисий узнал о нужде монастыря, то передал часть денег в обитель. Монастырь хотел вернуть деньги с процентами, но старец ответил: «Зачем возвращать проценты, зачем возвращать и капитал? Вы же все знаете. Мы, насельники Святой Анны, получили от наших отцов заповедь никогда не есть за чужой счет, но всегда трудиться, и, если

будет излишек, раздавать его нуждающимся». Треблаженный старец Дионисий всецело был предан безмолвию. Когда приблизился час его кончины, он сказал об этом послушнику Дионисию.

Тогда позвали духовника, которому старец исповедовался, и тот причастил старца Святых Таин. Испросив прощения у всех окрестных отцов, он покинул мир с радостью и ликованием, чтобы войти в общение с прежде отшедшими нашими отцами, которые здесь, на земле, пресекли собственную волю и собственный помысл и тем достигли меры бесстрастия, а сейчас молятся Богу за нас.

* * *

Я тебе уже писал и вновь пишу, что наши отцы были святы, и мы как их чада обязаны насколько возможно, совершать все поступки при свете их божественных наставлений.

Когда старец Дионисий видел, что я изнемог духом и телом, то говорил мне:

– Ты устал в духовном делании? Сходи на мельницу, посмотри, как бежит вода. Прославь Создателя, даровавшего тебе воду. Сложи руки на груди и посиди час или два на ступенях лестницы, ведущей к дороге, и молись умом. Так ты и свои обязанности успеешь выполнить, и избавишься от скуки, которой томит тебя враг. Всякая тоска изгоняется уединенной молитвой, которую врагу заметить не удастся, потому что молитва – тайное делание монаха, скрытое от врага наших душ. Ты устал на тяжелой работе. Положи дрова на пути через ров, где заканчивается старая греческая дорога и начинается тропа, ведущая к нам в каливу. Посиди немного, разомни спину, пусть пот высохнет. Проронив слезы умиления, вновь взвали вязанку на плечи и спустишься в каливу Святой Троицы.

Таково было наше делание. Бывало, когда мы шли унылыми, прохожие замечали нашу печаль. А иногда ободрявшие нас люди заходили в каливу, и не только в нашу, но и в другие. Притворившись, что пришли по делу, они начинали с нами беседовать, чтобы освободить всех, живущих уединенно, от скорби и печали.

Одна из афонских рек

А сегодня, куда ни пойдешь, никаких вопросов не обсуждают, кроме как о календаре и о таинствах. А ведь эти люди – простые миряне, а не священнослужители, и, по канонам, у них нет никаких прав обсуждать эти вопросы, хоть их и пытаются решать иные современные ученые. Для подвижников обсуждение этих вопросов вредно: оно помрачает ум. Потому в наши дни так много ожесточившихся монахов, что они за этими спорами забывают и о служении Богу, и о монашеских правилах.

Почему монах зовется монахом? Потому что он – один, словно жених в преддверии свадьбы. Свадьба монаха – любовь его души к Небесному Жениху души – Господу нашему Иисусу Христу, а сын любви – божественное рачение.

Рачение (по-древнегречески «эрос») и означает у нас божественную любовь. Древние греки думали, что эрос – сын Афродиты. Но Афродита означает мирскую любовь, преисполненную в миру всякой мерзости. Но в духовном смысле любовь – мать всякой добродетели, когда человек «божественным рачением окрыляем».

Как в древности эрос изображался крылатым, так и монах, желающий быть истинно «монахом», взлетает на крыльях любви выше девяти чинов ангельских.

Бог стал Человеком, чтобы превознести на невероятную высоту монашеский образ жизни. Он, хотя не нуждался в молитве, однако уходил в пустыню молиться, чтобы научить монаха жизни безмолвной и молитвенной, позволяющей взойти выше небесных чинов.

Понимаешь ли ты теперь, сколь возвышенно монашество? Осознаешь ли, сколь великие отцы у нас были? Размышляешь ли о том, сколь благодатными и богословскими были их поучения, которыми они нас воспитывали?

А теперь мы оставили возвышенные беседы и разглядываем земную суету. От этого в нас исчезают страх Божий и любовь к Богу. Мы уже готовы возражать даже святым наших дней, которые, по свидетельству наших отцов, знали, что такое божественная любовь. В разговоре со святыми старцами они совершенно забывали, что они еще в мире сем.

Так почему же мы оставили эти беседы и возвышенные созерцания?

Причины три: надменность, превозношение и эгоизм.

Эти три исполина поработают душу монаха и тащат ее на привязи, как медведя, предавая в руки врага.

Поэтому всегда молись, повторяя за царем Давидом: *Виждь смирение мое и труд мой, и остави все грехи мои, и еще: смирихся аз, и Ты спас меня и во смирении нашем помянул нас Господь*⁵⁰.

В доме рядом со Свято-Троицким скитом жил старец старца Дионисия, который также звался Дионисием. Каждый вечер он работал в саду, и веки его всегда были влажными от слез.

Я спросил, почему он плачет. Тот ответил:

– Слишком много грабителей, духов воздушных, которые вьются над моей головой, будто комариная туча, – только этих гнусных духов премного больше. Я и закрываю глаза, чтобы мой ум не был похищен, и думаю постоянно, что какое бы зло ни происходило в мире, я тоже в этом виновен.

Вот такими были отцы из скита Святой Анны. Вот как они внимали себе. Но и из-за моей, тоже злой, воли появился григорианский календарь, будто ядовитое жало василиска, умерщвляющее человека на месте. Появление нового календаря иссушило всю красоту духовных бесед. А сердце, в котором такая сухость, уже мертво.

Сколь же велика ответственность за душу твою, – у тебя ведь нет ничего, кроме души. Особенно в наши дни, когда человечество изгнало любовь и говорит только об одном – о догматических и канонических вопросах. Говорить об этом – совсем не наше дело. Оттого и помрачена наша душа, изнемогающая в плену у трех исполинов: надменности, эгоизма и превозношения.

---

⁵⁰ Псал. 24, 18; 114, 6; 135, 23.

Старец и его послушники на вершине Афона

Однажды, в день праздника Преображения, блаженной памяти отец Нектарий решил, что петь на вершине Афона будет его послушник, прекрасный певчий. Отец Гордий, тогда еще новоначальный Георгий, и сам хотел отправиться к вершине. Отец Нектарий был чтецом и певчим и всегда пел в хоре. Георгий как новоначальный послушник должен был найти способ, чтобы никто из монахов его не увидел, а иначе в нашем скиту начнутся пересуды, что новоначальный отправился на вершину, не смутившись старцев из других монастырей.

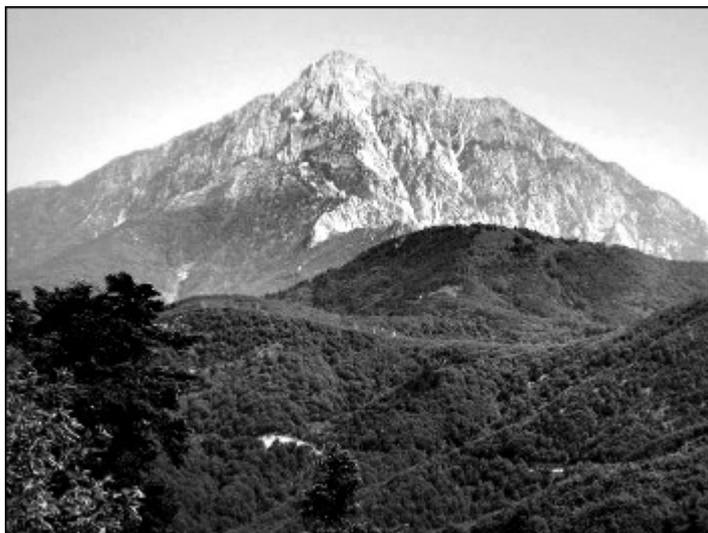
Я спросил блаженной памяти старца Онуфрия, который тогда жил у Артемеев: что делать? Он призадумался, но ничего не ответил, потому что я как послушник не должен был начинать разговор первым.

Мы собрались в Вавиле. Монахи, пришедшие из других монастырей, были радостны. Видя, в сколь суровом месте мы живем, они восклицали: «Как вы выдерживаете жизнь здесь, среди скал?»

Поднявшись к Панагуде, все подождали прибытия отцов из Великой Лавры. По древнему обычаю, они идут первыми, а потом уже за ними следуют все остальные.

Я переживал за новоначального, которого мы взяли. Дул сильный ветер, и мы усадили его под елью, а то он мог бы простыть.

Пришли отцы из Лавры, и мы все поднялись на святую вершину, чтобы совершить поклонение. Но мне и послушнику не нашлось места, где сесть. Всю ночь, едва не падая от усталости, я просидел на камнях, даже не мечтая о деревянном сиденье.

Святая Гора Афон

Отцы пребывали в духовном созерцании, и только я был печален, угнетаемый трудами и заботами.

Когда всенощная закончилась, благоговейнейший настоятель Лавры сказал мне: «Эге, старче Хрисанф! Видно было, как ты устал и что твой ум поработан заботой, которую сам ты себе и устроил. Нечего ходить на вершину вместе с послушником».

У всех участников всенощной лица сияли радостью. Но я, совершивший недолжное, безмолствовал. Ведь старец Онуфрий, уклонившись от ответа, тем не благословил меня идти. А я пошел, и это меня угнетало.

Однажды, застав старца Онуфрия, когда тот был один, я рассказал, что чувствовал в ту ночь.

Он мне ответил:

– Любой христианин, монах он или мирянин, достигший высоты добродетелей, если не удержится на этой высоте по невниманию, будет что котелок, который выбросили вон в тот овраг за скитом, и он заржавел. Так вот: что приобрели, то и потеряли, а потом ходим и бродим в овраге, чтобы все найти. Пот проливаем, руки до крови раздираем, а ноги наши в глине увязают.

Когда у монаха в сердце иссякает молитва, до этого расцветавшая от смирения, словно роза, он должен немного потрудиться. Прежде всего – помолчать немного, не разговаривать без нужды, всегда молиться умом, пред очами представляя всех тех отцов, которые от превозношения впали в заблуждения и прочие бесчестные страсти. Следует вспоминать их покаяние, благодаря которому они вернулись на спасительный путь и смогли сберечь в своем сердце молчаливое созерцание и искреннюю молитву.

Поэтому ты больше молчи, а иначе настанет день – и ты впадешь в неминуемые искушения, а рядом не окажется советчика. Молись чаще праведной Анне, да не попустит она тебе впасть в искушения, конца которым бывает не видно.

Так говорил мне старец Онуфрий. Его советы хранят меня и в эти дни, и я повторяю слова, которые он очень любил: *Милость твоя, Господи, пожжет мя во вся дни живота моего*⁵¹.

Вот, вкратце написал вам об этом. Завершу письмо словами старца: «Забойтесь о душе – достоянии бессмертному».

Духовный наставник отец Панарет

В Катунакии, где и жил блаженной памяти духовный наставник отец Игнатий, стоит калива в честь Живоносного Источника.

В этой каливе жили двое братьев – Поликарп и Каллист. Один из них был назначен духовником каливы. Они были постоянно преданы молитве, безмолвию и подвигу и достигли столь высокой степени духовной жизни, что сподобились дара прозорливости. Старец Поликарп провел жизнь в затворе.

К ним пришли научиться добродетели трое юношей. Их приняли в послушание и вскоре постригли в монашество. Их имена: Панарет с Крита, Поликарп и Савва.

В то время в Афинах был один мирянин-проповедник. Этот преподаватель (я не буду называть его имени, чтобы вновь не разгорелось пламя ереси) многие годы учил, что человек трисоставен, что Владыка Христос стал совершенным только в Божественном Крещении, а толкуя Песнь Песней, говорил, что Владыка Христос вновь придет царствовать на земле тысячу лет.

Двое дивных отцов, Поликарп и Каллист, вместе со старцем Даниилом из Катунакии, выступили с опровержением его воззрений. Проповедник был вынужден уехать из Афин и уже более никогда не возвещал своих мнений в столице.

Когда этот учитель скончался, его хотели похоронить в афинском кафедральном соборе, хотя воззрения этого человека были осуждены Церковью.

Один из этих двух братьев, получивший пророческий дар, молился и увидел въявь, что останки проповедника покоятся в кафедральном соборе, а диавол, направлявший его руку, сидит рядом с ним и что все тело усопшего остыло, а рука продолжает быть горячей.

Сторонники этого проповедника, ощущая тепло его руки, поторопились назвать его святым. Когда они узнали о видении старца, то люто возненавидели всех афонитов.

Один из учеников проповедника, ставший ко времени его кончины уже митрополитом, однажды, выступая с толкованием посланий апостола Павла, разразился бранью против Свя-

---

⁵¹ Псал. 22, 6.

той Горы и ее насельников. Он забыл о тех предвозвещениях, которые дала афонитам Сама Матерь Божия, – я об этом читал в доме Василики Капролиотис, когда там останавливался архимандрит Христофор (Наслимис), и не мог опомниться от удивления.

Братья Панарет и Поликарп не понесли суровой жизни в каливе и, после кончины братьев Поликарпа и Каллиста, ушли и поселились в Кавсокаливии, в каливе Преображения Христова.

А отец Савва, движимый любовью и благоговением к своему старцу, попросил отцов Панарета и Поликарпа написать его образ. Святая Гора была еще под властью турок, и отец Савва спрятал икону старца в каливе Живоносного Источника, где тогда и обитал, и молился перед ней.

Когда Святая Гора перешла под власть Греции, монастырь вызвал его на собрание. Там ему велели убрать икону.

С тех пор отец Савва перестал общаться с отцами. Беседовал он только со мной, узнав, что моим духовником был столь близкий ему отец Панарет из церкви Вознесения в Панкратионе Афинском.

Он мне много рассказывал, я его слушал, но многого не запомнил, потому что не намеревался общаться с миром и участвовать в мирских делах. Но мои грехи привели к тому, что мои послушники Нектарий и Гордий заболели туберкулезом, да мне и самому пришлось на лечение отправиться в мир.

Отец Панарет самостоятельно изучил русскую технику иконописи, а русские люди того времени считали его святым.

В Катунакии

Отец Панарет из Кавсокаливии перевелся в каливу Святой Троицы, где я тоже жил, и занялся ее благоустройством. Он делал все лавки только из каштанового дерева: у него было достаточно денег на это и он хотел все строить на века. Он писал иконы в полном безмолвии, а его сердце согревал помысл пойти в мир и учить народ греческий, подражая в этом духовному наставнику, отцу Матфею, к которому на исповедь ходила почти вся Греция. Нужно было показать, в чем был неправ тот мирской проповедник, и укрепить людей в молитве по образцу святых отцов.

Отец Панарет был рукоположен, по прошению каливы, в Кавсокаливии, чтобы потом получить право принимать исповедь и становиться духовником. После он покинул Святую Гору, прибыл в Афины и прожил там два года в метохии монастыря Симонопетра – при церкви Вознесения.

Главным его делом было разьяснять людям, почему они не должны доверять упомянутому проповеднику. После разьяснений старца многие профессора стали критично относиться к тому проповеднику и среди его сторонников остались только люди невежественные и не любящие поститься.

К несчастью, такие нерассудительные люди, доверяющие любым лжеучителям, встречаются и сейчас и их даже становится все больше.

Отец Панарет познакомился тогда же со святым Нектарием и на собственные средства издал в Афинах в 1911 году историческое исследование святителя Нектария о великой схиме.

Всенощную отец Панарет служил каждую субботу, а всех, ходивших к нему на исповедь, обязывал, если они хотят причащаться за каждой службой, как можно чаще исповедовать все свои грехи.

Помышляя о благочестии своих прихожан, он каждую субботу вместо чтений конца вечера и шестопсалмия вставал на скамью, чтобы все в храме могли его разглядеть (он был низкорослым), и начинал говорить о том, что такое умная и сердечная молитва, какая от нее польза и как происходит в этой молитве восхищение ума.

Многие девушки из состоятельных семей научились умной и сердечной молитве. Общаясь с Богом, они совершенно забывали о своих нуждах и пристрастиях.

Некоторые из них поступили в монастырь на Эгине к святителю Нектарию, а другие – в монастырь на Паросе, который обычно называют «Дубравой Христовой».

Лукавые афиняне, видя, что число монахов все более пополняется, повели настоящую войну против монашества. Они подошли к старцу и сказали, что, если он желает афинскому народу благо, пусть отправит своих духовных дочерей поработать в Благовещенской больнице сестрами милосердия. Тогда они покажут, что за ними правда, и греха у людей станет меньше.

Старец не распознал лукавства гостей и направил на работу в больницу следующих духовных чад: Ангелику Алифантис, мою тетю, Марию Геннимату (позднее они приняли постриг в монастыре Святого Нектария) и еще двух сестер – Анастасию Дуку, у которой был муж, и ее незамужнюю сестру.

Лукавые афиняне поняли, что и таким способом не остановить тягу к монашеству и жизни в монастыре и что число монахов будет только увеличиваться. В то время все в Афинах разделились на две партии: одни были за короля, другие – за Венизелоса. А про отца Панарета сплели столько клеветы, что он был вынужден уехать из Афин. В Молее, в Лаконии, он приобрел большой дом. За ним последовало множество монахинь, а возникший монастырь сам старец называл «Новым Афоном». Не помню всех монахинь по именам, упоминаются мне только две дочери садовника, одну из которых звали Евпраксией.

Через десять лет, в апреле 1928 года, архимандрит Панарет, родом с Крита, ученик Поликарпа, кавсокаливит, оставил основанный им в Молее монастырь «Новый Афон» и обосновался вместе с тридцатью монахинями в славном своим прошлым монастыре Живоносного Источника на острове Андрос. Этот заброшенный монастырь прежде был мужским, теперь же он возродился как женский.

А через шесть лет старец почил о Господе.

Святой Анфим Слепец

Вскиту Иверона жил монах по имени Анфим, слепой от рождения. Он услышал о чудесах Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Вратарницы, происходящих во всем мире, и стал молиться об исцелении. Он с таким благоговением помышлял об этой святой иконе, что попросил одного иконописца создать список с иконы Вратарницы. Иконописец приготовил доску, но как только взял уголь, чтобы прописать контур, руку его вдруг парализовало. Отец

Анфим зашел к иконописцу через несколько дней, думая, что икона уже готова. Но иконописец сказал ему, что, когда он начал еще только набрасывать контуры, рука омертвела и работать он больше не может.

Отец Анфим, выслушав несчастного иконописца, пал на землю и стал, проливая обильные слезы, упрашивать Пресвятую Владычицу нашу Богородицу вернуть руке движение, чтобы он мог написать святую икону Ее, Вратарницы и Заступницы Святой Горы Афон.

Божия Матерь не презрела его мольбу. Но все произошло иначе, чем все помышляли. Сначала прозрел отец Анфим и смог видеть то, что прежде только представлял. Затем на приготовленной иконописцем доске стал проступать нерукотворный образ Пресвятой Богородицы Вратарницы. А после уже был исцелен иконописец. Этому было уготовано произойти, чтобы отец Анфим сразу увидел всенепорочный лик Царицы Небесной и светлейший лик Господа нашего Иисуса Христа и возвестил бы о чуде всему миру.

Нерукотворный образ Божией Матери Вратарницы

Отец Анфим, увидев перед собой поистине святой образ, возрадовался безмерно.

Но вскоре перед глазами у него опять стало темно и, по воле Божией, он вернулся к прежней слепоте.

Ему, как и многим тогдашним старцам, тоже хотелось выйти за пределы Святой Горы Афон ради спасения многих. Он взял с собой нерукотворную икону Пресвятой Владычицы Богородицы Вратарницы, продолжающую источать чудеса, и отправился на Додеканесс, где основал несколько женских обителей.

Сама Божия Матерь собирала сестер в монастырях. Но основание всякого монастыря сопровождалось нестроениями. Когда строительство первого монастыря было завершено, несколько монахинь оклеветали своего старца перед жителями острова, заявив, что он подходит к ним с нечистыми намерениями. Как только народ об этом услышал, то немедленно выслал старца с острова. Он же только радовался выпавшим ему бедам; потом отправился на другой остров, и там повторилось почти то же самое.

Монастырь Божией Матери Вратарницы на острове Астипалея

Наконец, он обосновался на острове Астипалея. До прибытия отца Анфима на этом острове обитало множество змей. Когда святой Анфим прибыл на остров, неся на руках чудотворную икону Вратарницы, все змеи исчезли. Астипалейцы, благоговевая перед этим невероятным чудом, решили построить благолепную церковь и создать монастырь. Там они и поместили икону Владычицы нашей Богородицы Вратарницы. И по сей день Царица ангелов соделывает многочисленные чудеса через нерукотворную икону.

В монастыре собралось множество сестер. Старец учил их внимать себе, очищать все свои чувства и освящать все свое тело, но прежде всего не допускать нечистоты речи. Ведь если женщины не обуздывают свой язык, то они начинают верить диаволу, похищающему их рассудок, и еще начинают повсюду распространять всякую клевету. Вспомним, как пра-матерь Ева поверила клевете диавола. А как только он ни клеветал! Что якобы Всеблагой Бог боится, что люди станут равны Ему. Эту клевету Ева внушила и праотцу Адаму, убедив его, что диавол, мол, говорит чистую правду.

«Откройте, – говорил он сестрам, – синаксарь святой Евгении, и вы прочтете о монахини Меланфии, монастырь которой был духовно опекаем игуменом Евгением. Монахиня эта пустила слух, что Евгений мыслит о постыдном и дурном и пестует в себе нечистые вожеления. Епарх Филипп вызвал к себе игумена Евгения, силой сорвал с него одежды и увидел с удивлением, что это его дочь Евгения, которую он считал пропавшей без вести.

Филипп обличил Меланфию за то, что она клеветает на рабов Христовых, и сам принял крещение, до тех пор бывши язычником».

Старец Анфим не уставал произносить для монахинь душеполезные поучения. Перед тем, как отойти ко Господу, он созвал всех сестер и сказал, что умирает, – и тотчас душа его отделилась от тела и отправилась в небесные чертоги.

Всеблагой Бог наш наказал всех, клеветавших на святого Анфима, тяжелой одержимостью.

В наш такой просвещенный и развитый двадцатый век всему православному клиру Греции, особенно монашескому чину, приходится выслушивать страшные клеветы.

Диавол пытается тем самым отпугнуть многих людей от принятия монашества.

Пусть клеветники прочтут историю, которую можно найти в книге «Поучение духовнику». Однажды женщина, оклеветавшая другую женщину, с которой поссорилась, отправилась на исповедь. Совесть ее мучила, и она призналась во всем духовнику. Духовник сказал ей, что ничего ужасного она не совершила, поэтому и епитимия будет ничтожной: ей просто нужно зарезать петуха и разбросать перья на перекрестке, а после принести петуха духовнику. Духовник взял петуха и сказал: «Хорошо, а теперь иди и собери перья». Она ответила: «Да разве теперь разыскать, куда они разлетелись?» – «Но и я не смогу тогда прочесть разрешительную молитву». – «Что же мне делать?» – спросила женщина. «Плакать всю жизнь и терзаться, тогда Господь, быть может, простит тебе клевету на соседку».

Итак, нельзя сомневаться, что духовные отцы – как иеромонахи, трудящиеся в миру, так и женатые священники – должны быть осторожны. Особенно это относится к тем, кто уходит со Святой Горы Афон для того, чтобы стать духовниками монахинь и наставниками мирянок. Вы наберете монахинь, а они начнут на вас клеветать, клевета же будет вас ежечасно тревожить и ввергнет в великое искушение. Поэтому, если не готовы, держитесь подальше от женщин, которые горят желанием за вами последовать и заявляют, что непременно нужно их принять и постричь в монашество.

Рассказ о пользе послушания

Вчера вечером, о возлюбленный брат Антоний из Панагии, пришел один парень и сказал, что когда он плыл из Нового скита в сторону Великой Лавры, то видел морскую рыбу-меч, ту самую, которую местные рыбаки называют пес-рыбой.

Когда юноша (звали его Афанасий) закончил говорить, я вспомнил, что однажды произошло с одним непокорным иеродиаконом. Его сгубило себялюбие. Как только литургия в монастыре Дионисиат заканчивалась, он сразу убегал и своевольно ходил купаться в море.

Келья в Новом скиту

Тогдашний игумен был святым человеком. Он приводил свидетельства из патериков, что монахам, особенно находящимся в сане, не позволено ходить на море и купаться. Но этот монах мысленно спускал все советы своего старца в мусорное ведро. И вот, очередной раз отправился на купание.

Но не успел он войти в море, как появилась рыба-меч, в поучение всем непослушным. Плавал он плохо и едва держался на воде. Честной Предтеча, чтобы избавить его от мук, просветил его светом разума. Монах закричал:

– Старче, прости меня! Игумен крикнул в ответ:

– Ты прощен!

Не успел он услышать ответ, как рыба-меч вонзилась в его тело и, опьяненная свежим человеческим мясом, стала обгладывать кости. Все это произошло между пристанями скита Праведной Анны и святого монастыря Дионисиат.

С тех пор отцы боялись выходить в море на лодке. Игумен посоветовался со старейшинами монастыря, и они решили привезти из метохии овцу, насадить ее на крюк и бросить в море; также нужно было овцу обвязать веревкой, а другой ее конец прикрепить к платану – только тогда можно было поймать рыбу-меч.

Так и сделали.

Когда рыбу-меч вытащили из воды, то оставили ее гнить прямо под платаном, на дороге в монастырь Григориат, чтобы все монахи, которые направляются на службу, вспоминали, к чему приводит бесчиние и непослушание. Они видели скелет страшной рыбы, это западало им в душу, и они говорили промеж собой: «Не сожрала бы нас какая-нибудь рыба-меч».

Я еще видел скелет, но после (увы моим грехам!) скелет куда-то делся.

Отцы из Дионисиата

Однажды в Праведной Анне я услышал от отцов историю, произошедшую в общежительном монастыре Святого Дионисия.

Игумен отец Досифей решил объяснить монастырским священникам, что когда они служат литургию, то не должны думать ни о чем земном, но всегда пребывать в созерцании страшного Таинства Крестной Жертвы Господа нашего Иисуса Христа, ибо Жертву священник приносит собственными руками.

Однажды в Великую Четыредесятницу игумен вызвал уставщика и велел ему во время трапезы, когда совершаются чтения в присутствии всех монахов, зачитать слова преподобного и богоносного отца нашего Симеона Нового Богослова о священстве.

Как только слова преподобного Симеона зазвучали в стенах трапезной, все священники, совершители страшных Таин (это были отец Евгений, отец Герасим, отец Матфей, отец Марк и другие, имена которых я уже не помню) отодвинули площадки в сторону и застыли, внимая небесным духовным наслаждениям. Таким невероятным опытом было чтение божественных слов преподобного и богоносного отца Симеона.

После трапезы все разошлись по кельям для безмолвия, но минут через пятнадцать все, по единому велению души, отправились к игумену отцу Досифею и сказали ему со слезами и рыданиями: «Старче, просим тебя и умоляем, надень епитрахиль и разреши нас от священнослужения. Ведь когда мы священнодействуем, святые ангелы, бесплотные и безгрешные, трепещут, не смея воззреть на страшное Таинство.

Мы – люди перстные, и, хотя не ощущаем так сильно все величие Святой Трапезы, можем ли дерзнуть, после этих ужаснувших нас слов сегодняшнего чтения о священстве, войти в святой алтарь, совершить каждение и воспеть Сына и Слово Божие – Приносящего и Приносимого. Мы видим теперь умными очами души, что священное служение выше наших сил».

Старец Досифей ответил: «Слушайте, я, недостойный и убогий, не смею вам, священникам Бога Вышнего, ничего сказать об этом. Но послушайте, что изрек божественный Иоанн Златоуст о смысле священства: «Человече, прошу тебя, говорит Бог человеку, протяни руки ко Мне. Ты положил начало и соблюл руки свои чистыми, а я, как Бог твой, укреплю тебя.

И обрати ко Мне язык, который Я даровал тебе, чтобы ты воспевал им Меня, Триипостасного Бога твоего. Для того Я даровал тебе язык, зубы и небо, с помощью которых производится чувственное слово, чтобы ты возвестил величие Мое, Триипостасного Бога».

Дам и толкование слов божественного Иоанна Златоуста. Небо – символ Бога-Отца, зубы – Духа Святого, а язык – Господа нашего Иисуса Христа, явившегося и вочеловечившегося. Слово Господа нашего Иисуса Христа записано.

Монастырь Дионисиат

Для письма тоже потребны три вещи: чернила, хартия и перо. Они тоже могут созерцаться как символ Триипостасного Бога.

Как слово бесстрастно рождается от ума, а после записывается и получает свое обличье на хартии, а после зачитывается и, как гром, оглашает все концы света на пользу слушателей – так и Слово Божие, бесплотное на Небе, восприяло бесстрастно человеческую плоть во чреве Пресвятой Девы Богородицы, чтобы преподать урок всему человечеству. Урок этот таков – если люди хотят стать богами по благодати, они должны блюсти чистоту всю свою жизнь.

Выслушав то небольшое, что я успел сказать, ступайте безмолвствовать по кельям. Только не растягивайтесь на кровати, а сидите на лавке, удерживайте в сердце молитву и размышляйте о том, сколь великих благ может удостоиться человек в час священнослужения, внимая тайноводству от самого начала до самого конца. Тебе помогают все Небесные Силы. Ты не перестанешь дивиться любви Триипостасного Бога к каждому человеку и той благодати, которой Бог наделяет священнослужителя.

Вы можете прочитать слова отца Феогноста о священстве во 2-м томе «Добро толю бия». Он говорит, руководствуясь наставлениями Триипостасного Бога: «Если Бог оправдает тебя, никто впредь не осудит тебя».

Когда рукополагают священника, то архиерей после «Изрядно о Пресвятей...» говорит: «Возьми залог сей, который ты должен соблюсти неоскверненным до дня Суда», ибо тебе отдавать его на Страшном Суде Приносящему и Приносимому, Господу нашему Ииусусу Христу. Если сохраните этот залог, то услышите от Господа: *Ей, раб благой и верный! В малом был верен, над многим тебя поставлю*⁵².

Игумен растолковал священникам и многое другое, проливая обильные слезы. Но это были слезы не покаяния, а радости и ликования, которые знакомы любому священнику, если он благоговейно молится при совершении страшного тайноводства. Такой священник совершенно забывает обо всем и может приложить к себе слова божественного апостола Павла, сосуда избранного: *В теле был я или вне тела, не ведаю, Бог ведает*⁵³.

Все эти благословенные священники научились совершенно забывать о себе.

Когда они преставились от этой временной жизни, то все отошли в небесные обители. Теперь они ликуют там, созерцая красоту Триипостасного Божества, прежде предвкушаемую во время священнодействия.

Отец Дионисий, ученик старца Геласия

(из письма)

Чадо мое возлюбленное! Ты спрашиваешь, каким образом наши отцы смогли сохранить свою жизнь в чистоте, ни разу не восприняв ни скверного слова, ни нечистого помысла.

На твой вопрос не могу ответить как надо, потому что я принимаю исповедь в Афинах и с утра до вечера ничего другого не слышу, кроме как о событиях, которые не только оскверняют все пять чувств человеческих, но и сильно расстраивают здоровье духовника.

Когда я жил в скиту Святой Анны, отцы наши были внимательны до предела: из уст у них не исходило ни одного необдуманного слова. А теперь порядок таинства исповеди требует спрашивать обо всех видах постыдных прегрешений. Ведь если духовник вовремя не успеет очистить с помощью вопросов сердце духовного чада от всех гнусных и злых помыслов, в нем происходящих, его сердце не сможет возлюбить Бога, «превышающего всякую чистоту», как говорит святой Дионисий Ареопагит.

---

⁵² Мф. 25, 21–23.

⁵³ Ср. 2 Кор. 12, 2.

Покойный мой духовник, старец Онуфрий, ученик отца Мины, относился ко мне с предельным вниманием, взвешивая и оценивая всякий мой шаг. Входить в собор скита я должен был неспешно: не так, как входят бойкие юноши, но переставлять ноги тихо, по подобию опытных старцев. Они даже носили тапки из свиной кожи, чтобы, когда они проходят по святому собору, их не было бы слышно.

Обрати внимание на отца Дионисия, ученика старца Геласия из каливы Святого Серафима.

Этот избранник пришел сюда в скит еще маленьким мальчиком. Его старец, отец Геласий, постиг великий дар различения. Он наблюдал за тем, как ведут себя юноши, и преподавал всем юным душам законы чистой жизни.

Отец Дионисий никогда не оставлял служение литургии. Даже если он болел и не мог встать, он посылал за другим священником, и тот возмещал его черед. А если ему говорили, что такой-то заболел, то он, даже не спрашивая, тяжело тот заболел или нет, послушно шел в крипту собора и начинал литургию.

Отец Дионисий никогда ни на кого не сердился. Он никогда не оставлял сердечной молитвы. Его рукоделием была иконопись, и когда он работал, то в уме всегда повторял житие святого, образ которого пишет. Если это был мученик, то он переживал его мучения, а если был преподобный, то он разделял с ним его подвиги.

Одним словом, он был готов взять на себя любое, даже самое тяжелое, служение и к дарам Духа устремлялся, как жаждущий елень.

Отец Неофит и слепая монахиня

Так как тебе часто приходится бывать в мне следует напомнить, чтобы ты был очень осторожен в разговорах, особенно с монахинями. Ведь им нужны очень хорошие и опытные наставники, которые научат их блюсти все пять чувств в чистоте.

В Малом скиту Праведной Анны, где игумен Агапий написал свою книгу «Грешников Спасение», жил духовник. Сначала он жил в каливе Собора Святых Архангелов, освященной именем Агапия, а после был направлен священником в женский монастырь на острове Тинос.

Все монахини в этом монастыре вели святую жизнь. Но была там слепая монахиня, которая однажды призналась на исповеди, что страдает от борения к нему. Когда отец Неофит это услышал, то испугавшись, сразу уехал из монастыря. Он вернулся к себе в скит и каливу.

У него было очень тяжело на душе. Он не мог понять, как враг душ диавол мог воздвигнуть в незрячей женщине плотскую брань к своему духовнику.

Однажды он позвал в гости соседей-духовников: отца Стефана, отца Киприана и отца Косьму. Позвал он к себе и опытного духовника отца Игнатия, почтеннейшего из старцев. Он хотел обсудить с ними, почему эта слепая монахиня была искушаема нечистыми помыслами. Но сам он тогда болел и поэтому послал к старцам своего послушника, отца Игнатия, родом из Смирны, который с раннего детства стремился в монахи.

Все духовные руководители стали обсуждать, почему в ничего не видящей монахине возникли искушающие помыслы. Хотя эти священники были пожилыми, они не могли решить этот непростой вопрос.

Когда очередь дошла до отца Игнатия младшего, он разрешил вопрос. Все знали, что диавол хочет уловить в сети не только юных, но и старых. Поэтому он воздвигает плотскую брань там, где ее меньше всего ожидают. Но этот случай до отца Игнатия никто разобрать не мог.

Он изрек такие слова, после которых все удивились его рассудительности и сказали: «Да освятятся уста твои»: «Голос твой, духовный отче Неофит, смешивался с голосом слепой монахини, когда ты с ней беседовал. Вот это и возбудило в ней помыслы. Она противостояла им добродетелью и исповедовала их».

Поэтому, когда молодые монахи отправляются трудиться в мир, их следует предупредить, чтобы они не заводили бесед с монахинями. А то могут впасть в страсть и «соблудить в голосе».

Вернутся они на Афон и начнут переписку с этими монахинями, отгоняя тем самым от себя покаяние. Когда неопытные юные монахи общаются с монахинями, даже престарелыми, они легко становятся жертвами блудной страсти. Бес блуда радуется их падению, а Небесные чины скорбят о них. Эти монахи премного огорчают Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Защитницу и Покровительницу сего святого места. Ты видишь, как здесь благоухают все склоны, все рощи и сады. Это благоухание святого места – обращение к нам освятившихся отцов, которые незримо для нас радуются и ликуют, видя, как мы изгоняем благодатью

Царицы Небесной все неподобающие помыслы.

Когда ты идешь по дороге из Малого скита Святой Анны в Катунакию, послушай: соловьи поют так мелодично, что ум каждого монаха, плененный звуками, совершенно забывает о себе и восхищается к высочайшим созерцаниям, о которых нам поведали отцы-пустытники.

Поэтому, если молодому монаху и нужно вести переписку с мирскими людьми, пусть он не переписывается с женщинами. Пусть переписка будет только с мужчинами, которые хотят узнать, как можно вести чистую жизнь. Где чистая жизнь, там и молитва, и пост, и бдение, и постоянное причащение Святых Христовых Таин.

Те, кто стяжали, благодаря духовным подвигам и смиренномудрию, жизнь возвышенную и чистую, поняли, что они, как купцы, приобретшие путем торговли смиренномудрие и чистоту. Они готовы к смерти и, когда настанет час разлук, отправятся, как говорит тропарь Великого Вторника, туда, «идеже глас чистый празднующих и вопиющих непрестанно: Господи, слава Тебе»⁵⁴. Ибо в той жизни Бог, чище всякой чистоты, славословится и восхваляется всеми творениями, умопостигаемыми и чувственными.

Так что будь внимателен, дорогой друг, не здоровайся за руку ни с одной женщиной, даже со своей матерью. Ты же хочешь достичь меры наших отцов?

Смотри, когда ты бываешь в миру, никогда не смейся, не шути и вообще старайся в разговорах не показывать зубов.

Если соблюдешь все сказанное, то сама чистота твоего жития научит тебя всем высочайшим предметам, потребным для спасения. Да управит меня, по благодати Божией, молитва святых отцов, чтобы я мог преподавать советы, ведущие к истинной чистоте.

Отец Никифор

Вкаливе Святой Троицы жил монах Никифор. Начинал он учиться подвигу в монастыре Святого Марка на Хиосе. Когда он закончил восстанавливать каливу, которая могла рухнуть, он перешел из скита Праведной Анны в монастырь Симонопетра, где купил уединенную обитель Святого Иоанна Богослова. Там в послушание к нему поступили двое братьев из Галатицы. Один из них принял схиму с именем Никифор и был рукоположен во священника, а другой брат был пострижен с именем Арсений.

---

⁵⁴ 2-й тропарь на хвалитех утрени Великого Вторника.

Старец Никифор очень строго придерживался монашеских правил и всегда и во всем показывал предельное послушание и терпение.

Отец Никифор был рукоположен в священника неожиданно для себя: его никто об этом не спрашивал и не извещал. После рукоположения он вернулся в монастырь и плакал безутешно, помышляя о тяжком бремени священства. Он молился Матери Божией, чтобы Она послала ему хроническую болезнь, не позволяющую священнодействовать, но такую, чтобы он продолжал прислуживать братьям и не стал им в тягость. Пресвятая Владычица услышала его молитву и послала слепоту. Но он продолжал прислуживать на кухне и участвовал во всех прочих делах обители с неподдельным рвением.

В сердце у него бушевал пламень любви к Богу. Поэтому молился он непрестанно, а когда говорил, то казалось, что на устах у него играет легкое пламя небесной любви.

Все его пламенные советы глубоко проникали в сердце обарываемого искушением брата, и тот сразу чувствовал успокоение. Подойти к нему близко и посмотреть в лицо было невозможно: оно, сияя светом молитвы, было словно не из плоти, а из чистейшего воска.

Монах Иоаким

В 1922 году один брат из скита Праведной Анны привез своего отца, Иоанна, который в монашестве стал Иоакимом. Его сын, монах Антоний, объяснял ему: «Так как ты не знаешь грамоты, загибай первый палец и говори: «Господи», второй – «Иисусе», третий – «Христе», четвертый – «Сыне» и пятый – «Божий».

Он показал ладонь и сказал: «Взяв яблоко, мы согрешили всей ладонью, поэтому пусть все пальцы помогут нам в молитве – тогда мы обретем спасение».

Старец Иоаким показал безусловное послушание своему сыну и вскоре обрел дар непрестанной молитвы. Ему был послан и духовный дар непрерывных слез. А смирение его доходило до такой степени, что, видя даже самых молодых монахов, он лобызал их стопы.

Отцы скитские решили испытать, действительно ли его слезы происходят от смиренного мудрия и отсечения собственной воли. Они сказали ему: «Старче Иоаким, когда ты собираешься пройти по кладбищу, спрашивай благословения усопших. Говори: «Благословите, отцы»». Отец Иоаким, чадо послушания, так и поступил. Подойдя к кладбищенским воротам, он остановился и молвил: «Благословите, отцы». Тотчас кости усопших пришли в движение, колотясь друг о друга, и стал отчетливо слышан голос, шедший прямо из земли: «Господь да благословит тебя, отче Иоаким». Отцы, шедшие за ним, сказали: «Горе нам, – мы упражняемся здесь с самой юности, но такой благодати не достигли».

Совершенный послушник

Вскиту не было катафалка, и тогда один брат-плотник изготовил катафалк, чтобы легче было провозить усопшего в последний путь. Он вкатил катафалк в собор, и об этом сразу узнали братия и все от мала до велика сбегались смотреть на этот механизм. А дикей вдруг спросил: «Кого же первого повезут на этом катафалке отсюда на кладбище?»

Все юные и престарелые монахи с испугом посмотрели на дикей. Но один юноша, не помню из какой каливы, обратился к своему старцу: «Старче, благослови первым умереть среди братиев». Старец, достигший высокой меры, ответил: «Повелеваю». Все отцы восприняли этот разговор как шутку.

Послушник сразу же стал готовиться к смерти, оплакивая свои грехи и исповедуясь духовнику.

Через сорок дней зазвонил похоронный колокол. Братия переглядывались: никто не знал, кто умер. Когда сообщили, что умер юноша, все сказали: «Вот он, вор».

Соблюдая обет послушания и выпросив благословение у старца, он так скоро оставил временную жизнь и теперь ликует на небесах. Своим послушанием он похитил рай».

Все скитские отцы собрались с радостью и ликованием и проводили тело юноши до могилы, дивясь тому, что и в наши дни совершенное послушание не боится смерти, но удостаивает творящих волю духовника безболезненной кончины и скорого расставания с земным ради небесных благ. Все именовали юношу и его духовника блаженными, ибо этот пример послушания не померкнет для всех будущих поколений монахов.

Старец Нектарий из каливы Трех Святителей

В каливе Трех Святителей был послушник, юный возрастом, по имени Нектарий. Старец его родился в Румынии и отличался молчаливостью.

Скитские отцы, стяжавшие дар различения духов, решили промеж собой, что нужно проверить Нектария, как говорится, «какое вино у него в бочке»: сладкое, кислое или обычное.

Калива Трех Святителей скита Праведной Анны

Однажды старец Феодосий и несколько других монахов отправились в гавань. К ним присоединился и отец Нектарий. Как только они его увидели, то решили, что самое время его испытать. Старец Феодосий подошел к нему и сказал: «Старче Нектарие, ты моложе всех нас и можешь пешком дойти до Кареи и донести сумку со своими изделиями. А мы все уже состарились; нас много, – в лодке для тебя места нет». Старец Феодосий был из каливы Сретения. Отец Нектарий сразу же нашел, что ответить: начал защищать себя и возражать. Тогда отцы покачали головами и вслух сказали: «Да, в твоей бочке вино совсем прокисло». Отец Нектарий понял, что это значит, и пал на землю с покаянием перед всеми. Они сказали: «Мы думали, что ты понуждаешь себя и молчишь. А теперь ты понимаешь, что твой язык ядовит и что яд нужно растворять сладостью благих помыслов».

Отец Нектарий поблагодарил отцов, которые помогли ему осознать свою страсть. С тех пор он понуждал себя в монашеском подвиге, чтобы очистить свое сердце даже от самых незаметных страстей. Он читал книги «Грешников Спасение» и «Сокровищницу» преподобного Иоанна Дамаскина. Спал он мало, ложась на простую доску после всенощной и прося Пресвятую Богородицу призвать его от временной жизни к вечной в день памяти отцов Афона.

И правда, все произошло так, как он просил в молитве. Именно в этот желанный день, после всенощной, он отправился в небесные обители. Всю жизнь его украшал благодатный дар молчания, благодаря которому ему не докучали никакие соблазны.

Рассказ отца Хрисанфа о других скитских отцах

Я был священником в скитском соборе. Однажды мой духовный руководитель [отец Онуфрий. – *Ред.*] решил преподать урок и укрепить меня в духовном подвиге.

Он произнес такое поучение: «Внимай себе, друг, никогда не пренебрегай своим служением, но ревностно и охотно выполняй все обязанности священнослужителя. Устал ли ты, болеешь ли – служи с радостью; входи в собор, вспоминая славного Хрисанфа, ученика старца Антония.

Треблаженный Хрисанф отличался величайшим послушанием. Он выполнял все повеления старца, а священником в соборе он пробыл восемнадцать лет.

В те времена христиане были благоговейными: они совершали три или даже четыре всенощных бдения в неделю. И приснопамятный Хрисанф совершал богослужение босым и всегда со тщанием и благоговением. От трудов и частого стояния ноги у него начали гноиться, и он умер мученически, радуясь о Господе и ликуя.

Ты носишь имя этого преподобного старца. Подражай ему, неленостно исполняя свое служение. Внимательно слушай поучения святых отцов, которые читаются на службе, и тропари: от этого душе немалая польза.

Знаешь ли, что со мной случилось, когда я был еще чтецом в соборе? Послушай. В скиту Святой Анны принято читать восемь канонов, по одному на глас. При турецкой власти в канун каждого воскресенья служили всенощную и прочитывали на ней один из канонов. Правда, крестовоскресный канон был заменен каноном праведной Анне на тот же глас. Однажды, когда я канонаршил при чтении канона святой Анне, я забыл обо всем земном и увидел себя на Небе. К сожалению, сейчас упразднили канон праведной Анне и больше его не поют».

Только отец Онуфрий закончил свою речь, как тут же вошел отец Константин из каливы Успения Пресвятой Богородицы. Он повернулся ко мне и сказал: «Ты снова печалишься? Почему же? Ты совершаешь все чтения, которые должно, пребываешь в безмолвии – лучше не найти; твой учитель – многоопытный в монашеских путях старец Онуфрий – учит тебя самым совершенным условиям монашеской жизни. Так что нечего печалиться».

Тогда отец Онуфрий объяснил, что именно меня печалит. Отец Константин сразу же радостно улыбнулся и ответил: «Земляк мой, послушай меня старика. Когда мой черед служить и я иду в кладбищенскую церковь совершать литургию, я не могу даже передать тебе, какое ощущаю благоухание. Никогда я не видел на кладбище даже тени печали. А благоухание идет столь сильное, что благочестивые монахи не хотят оттуда уходить. Послушай об одном удивительном событии, которое произошло в наши дни.

Ты видел, что на кладбище стоит сторожка. В ней совершал подвиг безмолвия отец Матфей, творивший непрестанную молитву.

Однажды отец Матфей услышал шум. Он открыл дверь и увидел на кладбище множество прекрасных юношей. Одни приносили кости и полагали их на кладбище, а другие набирали себе кости и уходили.

Отец Матфей застыл от невиданного зрелища. Тогда один из светлых юношей сказал ему: «Чему ты дивишься, отец Матфей? Мы ангелы Божии, и Пресвятая Богородица поручила нам делать то, что ты видишь. Мы приносим сюда кости тех людей, которые, стяжав великие добродетели, часто уносились умом к Святой Горе Афон и хотели здесь завершить свой жизненный путь, но, храня послушание другим старцам, не могли осуществить своего

сильнейшего желания. Но так как их стремление было подлинным, мы приносим сюда их кости, чтобы именно здесь они воскресли во Втором пришествии.

А те кости, которые мы относим в мир, принадлежат монахам, которые телом были здесь, а духом пребывали в мире. Они не слушались советов отцов и поддерживали отношения с родителями и прочими мирскими людьми. Поэтому в день Суда они воскреснут, пребывая в миру».

После этого страшного видения отец Матфей стал учить нас, юных, не позволять разуму думать о родителях и вообще о каких-либо делах в суетном мире сем.

Он говорил и многое другое, что сейчас сообщить уже не успею: надо идти работать».

После того как отец Константин ушел, я вошел внутрь своей каливы и стал размышлять над его поучительным рассказом и сокрушаться о том, какой же я жалкий раб страстей.

Старец Гавриил

Блаженной памяти отец Гавриил происходил из каливы Благовещения Пресвятой Богородицы, совсем рядом с нашей каливой Святой Троицы. Он рассказывал мне о чуде, которое Божия Матерь явила на нем в день Благовещения.

В канун этого праздника покойный старец Геннадий, протопсалт в нашем скиту, певчий, любимый всем Ватопедом, благословил его идти в Пинну, чтобы собрать ягод для отцов, которые придут на праздничную всенощную.

Как обычно, отец Гавриил помолился перед иконой Пресвятой Богородицы и отправился на сбор ягод. Он поднимался все выше и, наконец, увлекшись, оказался на таком отвесном склоне, что трудно было понять, как же оттуда спуститься. В страхе он не знал, как же ему теперь быть.

Отец Гавриил вспомнил, как старец Дамаскин наставлял отца Матфея, что монах, когда молится, не должен ни о чем думать, кроме как о Всемилостивом Боге, Который сотворил человека по образу и подобию. Вспоминая красоту Божества, нужно всем сердцем быть преданным ей.

Вспомнив об этом возвышенном поучении, отец Гавриил решил: «Сейчас настало время духовного делания. Нужно испытать это поучение на моей жизни».

Он закрыл глаза и начал помышлять о будущей кончине. Все земное пронеслось перед ним и исчезло. Сердце его расширилось и стало всецело принадлежать Пресвятой Матери Господа нашего Иисуса Христа. Он ни о чем другом не думал, кроме как о красоте Троицы Божия, ради которой все прежние отцы оставили все в мире и соделались поистине сосудами Всесвятого Духа, в бедах и лишениях полностью умертвив свои страсти.

Калива Благовещения скита Святой Анны

В молитве отец Гавриил ощутил такую сладость, что мысленно стал благодарить своего старца за возложенное на него послушание. Благодаря послушанию, он оказался в этом неприступном месте и сможет молиться здесь до самой кончины жизни. Молитва сопровождает его до последнего часа и подготовит к встрече с прежними отцами.

Пребывая в сладости созерцания, он услышал голос в глубине сердца: «Малое послушание, тобой исполненное, показало тебе ту сладость в душе, которую переживали отцы».

И вдруг отец Гавриил заметил ветку. Сказав: «Пресвятая Богородица, помогай мне», – он бросил корзину вниз, и невидимая рука помогла ему уцепиться за ветку. Он еще раз сказал: «Пресвятая Богородица, помогай мне», – и метнулся вниз. Ветка его удерживала, и он плавно опустился до самой земли. Там он, взяв корзину, пошел к себе с радостью и ликованием.

О таких чудесах мне рассказывал отец Гавриил. Затем он прибавил: «Итак, старец Хрисанф, если ты не будешь так же всецело посвящать себя Богу в час молитвы, ты не сможешь вкусить мед духовных наслаждений. Приведу тебе пример.

Вот ты идешь из Кареи, неся что-то, иходишь к монастырю Ксиропотам. Ты думаешь только об одном: будет ли там стоять лодка, чтобы можно было продолжить на ней путь. В этот момент твой ум переносится от этой мысли к созерцанию Всеблаготого Бога. Благодаря молитве, ты сразу же забудешь обо всем и освободишься от всего земного. Сколько бы у тебя ни было груза, ты вдруг окажешься в гавани Ксиропотама, опустившись на крыльях молитвы, словно орел. Ты войдешь в лодку, она повезет тебя сюда, но сладость духовного созерцания позволит почувствовать, хотя бы на краткое время, в чем состоит сердечная молитва.

Сладость вкушения высочайших созерцаний и сердечной молитвы ведали все прежние отцы, совершавшие подвиг в пещерах над владениями старца Дамаскина. В эти пещеры и я, когда был молод, поднимался по скалистым уступам. Я видел стойки, на которые старцы возлагали книги при чтении. Пребывая подле этих пещер, юный монах научается от увиденного высоте монашеского жительствова. Все старцы в этих пещерах блюли послушание, отсекали свою волю и помышление, учились остерегаться вражеских заблуждений. Поэтому в час молитвы они воспаряли духом, услаждаясь величайшим именем Господя нашего Иисуса Христа. Некоторые из них ели только ягоды и, благодаря такому воздержанию, достигали высот бесстрастия, не показываясь при этом никому из скитских отцов. Всеблаготой Бог даровал этим отцам святость, – ведь они угодили Ему и исполнили волю Его. С тех пор это место и зовется святым.

Сюда приходит множество мирян, которые жалуются, что, когда они стоят на службах, ум их уносится то к одному, то к другому предмету. Пусть они послушают такое поучение. Когда моряки плывут много дней, выдерживая натиск волн, то о чем они думают? Только бы увидеть желанных родных. Но разве можно сравнивать мирскую встречу – со страшным таинством, совершаемом в храме, когда в жертву приносится Сын и Слово Божие? Как может христианин не внимать всецело совершению Таинства? Ты же слышал в соборе, как читали об этом в поучении Николая Кавасилы, современника святого Григория Паламы.

Христианин, и прежде всего монах, должен быть всегда един со Всеблагим Богом. Я пережил этот опыт в Пинне, что и поведал тебе. Мы все окажемся перед Богом, когда наша душа будет разлучаться с миром сим. Она увидит святых ангелов, держащих чаши, наполненные благоуханными цветами мысленного рая. Этого подношения вкусят только те, кто всю свою жизнь были соединены с Триипостасным Богом. А те, кто помышляли о мирском и суетном во время совершения Божественной литургии, будут тоже видеть благоуханные чаши, но лукавые завистливые бесы не дадут им вкушать их сладости. Они скажут святым ангелам: «Эти люди во время литургии смущались страшным Таинством. Они воротили свой ум в сторону суетных попечений и мирских наслаждений. Так как они не приучили себя к созерцанию Бога, они не вкусили духовных наслаждений, пока были в теле. Они и перед смертью не покаялись. Поэтому у них нет права вкушать сладость этих благоуханных чаш величайшего вечного созерцания».

Они будут только издали смотреть на награду, которой лишились из-за преслушания и пренебрежения евангельским божественным законом. И вечно будут повторять: «Увы нам, – из-за малой небрежности мы лишили себя вечной радости и вкушения благ».

«Мы погибли», – скажут монахи, которые позабыли об обетах при пострижении и были побеждены мирской суетой (как говорит святой Феодор Студит).

Поэтому будь внимателен, старец Хрисанф. Сохраняй в себе советы и образ твоего духовника. Помни, что он делает честь всему скиту. Тогда ты удостоишься вкушения духовных угод и здесь, в этом святом месте, и там, в будущей вечной жизни».

Вот какие прекрасные наставления произносил, обращаясь ко мне, старец Гавриил. Этими душеполезными советами он повел меня по светлому пути наших отцов, которые носили дырявые рясы, а на ноги надевали только тапки из свиной кожи. А некоторые священники служили литургию босыми, – и это на мраморных плитах собора. Они стояли на службе прямо, как кипарисы, а очи их всегда наполнялись слезами радости. Возносясь духом, они не чувствовали сурового холода. Когда всенощная заканчивалась, стасидии были мокры от слез. Их светлый пример всегда должен оставаться перед нами, тогда мы сможем следовать по стопам отцов.

Отец Игнатий духовник

Зазвонил колокол. Я вышел на террасу и увидел, что старец отец Онуфрий плачет. «Что случилось, старче? Почему звонят?» – спросил я его. «Духовник отец Игнатий скончался». Как только я об этом услышал, то едва не упал, подавленный скорбью.

Старец Онуфрий сразу же решил отправиться в каливу Святой Троицы. Он поделился со мной:

– Сейчас, друг мой, очень трудно найти духовника, изучившего и делание, и созерцание. Как мне говорил блаженной памяти старец отец Мина, – настанет время, когда монахи будут произносить: *Исповедайтесь*

*Господеви, яко Благ»⁵⁵, но не будут задумываться над смыслом слов Писания: *Вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старейших тебя, и изрекут тебе»⁵⁶.**

Сознавая свою надменность и эгоизм, я не стал просить разъяснения этих слов. Да и понимал, что старец мне сам все истолкует. И правда, старец продолжил:

– Итак, друг мой, послушай, что скажу. Когда духовный отец видит, что его послушник тоскует, гневается или раздражается, он не будет с ним разговаривать до тех пор, пока злоба не сойдет с его лица и он не успокоится. А после примирения он пошлет послушника за стены монастыря к другому духовнику, чтобы тот привел послушнику свидетельства из Священного Писания и святых отцов-подвижников, которые устами духовника восстановят весь прежний мир в его душе.

– Но теперь как нам быть? Духовный наставник умер, – спросил я. Он ответил:

– Ты, друг, спрашиваешь, кто из духовников может сравниться с отцом Игнатием в верности преданию нашего святого места? Послушай об отце Игнатии.

Духовник отец Игнатий (f1927)

Он прибыл сюда из Серры в совсем юном возрасте. Все имущество еще на родине раздал нищим и пришел босиком, держа в руке только посох. Он поступил в Катунакию к старцу, отцу Неофиту, и никогда не поднимал очей, чтобы посмотреть, есть ли хлеб, соль или еще что. Он взирал только на четки из тридцати узелков, давно обветшавшие. А также он читал книги: авву Исаака, Четвероевангелие, Псалтирь и «Плач» инока Фикары.

Эти книги он лобызал всякий раз, когда брал в руки. Старцу Неофиту он оказывал полное послушание. Он никогда не задумывался о наличии воды или хлеба. Он лишь воздавал благодарность Пресвятой Богородице, что Она удостоила его поступить к великому подвижнику. Его отличали сосредоточенное безмолвие, непрестанная молитва, обильные слезы. В Катунакии нет ни одной церкви. Когда братьям нужно причаститься, они отправляются в Малый или же в Великий скит Праведной Анны. По решению монастыря, отца Игнатия постригли в монахи. Все отцы видели его добродетель и обратились с прошением к Великой

---

⁵⁵ Псал. 135, 1.

⁵⁶ Втор. 32, 7.

Лавре рукоположить его в священники и предоставить ему полномочия духовника. Отцу Игнатию тогда было только двадцать шесть лет.

Все отцы, совершавшие подвиг безмолвия в Катунании, видели, что это не человек, а сверхчеловек. Он так твердо хранил заповеданное ему послушание, что даже на еду и питье просил с поклоном благословения старца. А когда старец посылал его идти босиком по снегу в Карее, он никогда не возражал. После поставления в духовники к нему на исповедь приходило множество людей: сербы, русские, болгары, румыны – ведь все они видели, что житие его преподобно.

Однажды, когда закончилась Божественная литургия, старец ударил его по щеке. Отец Игнатий не огорчился, а сказал такие возвышенные слова: «Послушайте, отцы и братья. Когда нас, молодых, старцы бранят или ударяют, нечего нам огорчаться. Напротив, мы должны радоваться. Нам оказана помощь. Ведь старцы позаботились о том, чтобы разом исторгнуть из нашего сердца дьявольский трезубец: надменность, эгоизм и превозношение. Наоборот, я огорчаюсь, если в какой-то день старец меня не обругает и не ударит. Я говорю своей душе: «Смиранный отец Игнатий, тебя сегодня не обругали, испытывай себя, чтобы дьявольский трезубец не вошел в твое сердце еще глубже»».

– Этот человек, послушай, друг, – продолжил свой рассказ старец Онуфрий, – со дня рукоположения каждый день служил литургию, пока совсем не ослеп. Вот сколь сильно пылала в его сердце божественная любовь.

– А теперь, старче, где нам исповедоваться?

– Не могу ответить, дабы ненароком не впасть в грех осуждения. Скажу тебе только, что духовный наставник должен соблюдать предельное послушание и быть безупречным в каждой мелочи, в каждом своем шаге.

Знаешь ли ты, что претерпел отец Мелетий, ученик старца Кирилла, из каливы Честнаго Предтечи в Малом скиту Святой Анны? Был девятый час, и старец спросил его: «Ел ли ты?» Тот промолчал и не ответил, ел он или нет. Затем он отправился на всеобщую в скит Святого Спиридона, в каливу Благовещения, где его ждали три брата-албанца: Иосиф, Николай, а имя третьего не помню. Он положил перед ними Святое Евангелие, они облобызались, он прочел над всеми разрешительную молитву и благословил причаститься Святых Таин. Когда старец Николай подошел к причастию, язык его вдруг свело и Святой Хлеб выпал у него из уст. Отец Мелетий чуть не пал замертво от страха, поняв, что натворил, и дрожа, как лист на ветке. Мы все тогда, понимаешь, друг, тоже застыли от ужаса.

Когда Божественная литургия закончилась, отец Мелетий открыто исповедовал свой грех.

А после он отправился к отцу Игнатию и к духовному твоему дяде, отцу Косме. Оба духовных наставника единогласно решили, что тринадцать дней он должен поститься до девятого часа. Пусть он ест только после девятого часа раз в день хлеб и воду, а только потом его можно допустить служить литургию.

Все старцы, кроме совсем молодых, говорили отцу Мелетию: «Как мы будем доверять тебе своих послушников, если ты сам проявил такую небрежность и такое непослушание?»

Поэтому духовник должен быть очень внимательным, чтобы во всем служить примером добродетели, как отец Игнатий.

Юродивый во Христе

В Карею каждую субботу приходил брат и продавал свои изделия. Затем он покупал все, что ему нужно на неделю, а оставшиеся деньги раздавал как милостыню, притворяясь дурачком.

Он никому не говорил, ни откуда он, ни чем он занимался в миру. Но есть предание на Святой Горе: все, кто притворяются безумцами, в миру достигли высоких должностей и для того и избирали быть безумцами, чтобы скрыть это. Порой они говорили о себе то одно, то другое, чтобы их добродетель не была явлена.

Люди, желавшие освободиться от нападения страстей, задавали вопрос монаху, а он отвечал юродиво. Однако кто внимал его совету и исполнял его, – тот освобождался от страстей.

Однажды, когда в субботу этот юродивый отец сидел у кладбищенских ворот, к нему подошел патриарх Иоаким III, обратившись: «Благослови, старче». Тот поднялся перед ним, как столп, не способный уклониться от истины. Патриарх повторил: «Прости меня, старче, что я не мог тебя прежде навестить. Помешали те гонения, которые учинял против меня весь наш поработанный народ».

Тогда Христа ради юродивый сказал: «Патриарше, дверь в мою каливу низкая – ты не сможешь вступить в нее».

Патриарх говорит: «Я нагнусь».

Старец ответил: «Если бы ты умел нагибаться, ты бы сейчас восседал на патриаршем престоле, где тебе и должно быть, а не бродил здесь по Святой Горе».

Патриарх был от природы гневлив. Он так вскипел, что монах сразу убежал. А патриарх Иоаким обуздал себя, задержав дыхание, поразмышлял над богомудрыми словами старца и тотчас оставил Святую Гору и вернулся в Патриархию. Совершая свое служение на престоле, он всегда повторял: «Преклоняй главу, тогда все будет в порядке».

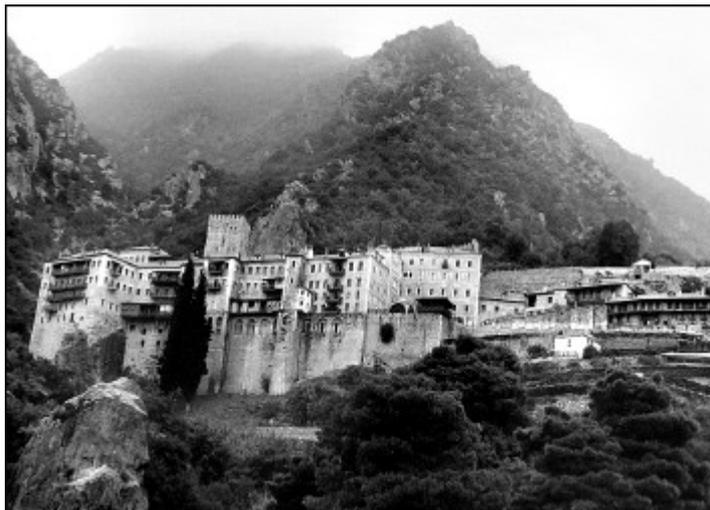
Духовник отец Иероним (1866–1943)

Первым духовником, который жил в сторожке в саду и исповедовал гонимых тогда ревнителей старого календаря, был иеромонах отец Иероним. Он родился на острове Крит, но в тринадцать лет оставил родителей и отечество и прибыл на Святую Гору, поступив в общину монастыря Святого Павла. С великим рвением и охотой он стал исполнять все святые правила монашеской жизни и весьма скоро соделался добродетельным монахом. Когда он достиг канонического возраста, его рукоположили в иеродиакона, а после в священники и поставили духовником.

Приучив себя к послушанию, отец Иероним ел очень мало, а литургию служил каждый день. Игумен, видя высоту его добродетели, дал ему благословение поселиться в скиту безмолвия, освященном во имя Пресвятой Троицы.

В этой обители подвига отец Иероним вел жизнь, далекую от всякой суеты. Он служил всенощные, непрестанно молился, соблюдал строгий пост и сносил любые неурядицы. Ел он то, что у него было. Если в монастыре заболел священник, отец Иероним шел и служил литургию. Жизнь его вся состояла из подвигов.

Европейцы, читая жития святых, не верили, что все, написанное о подвигах святых отцов, – правда. Один из них прибыл в монастырь Святого Павла и стал насмешливо отзываться о синаксарных чтениях.

Монастырь Святого Павла

Игумен (кажется, это был отец Синесий) не смутился, а взял европейского гостя за руку и повел его в скит безмолвия. Дойти до скита Святой Троицы было тогда очень трудно: дорога обрывистая и, если вовремя не рассчитать шаг, можно сорваться в море.

По обычаю, игумен постучался в дверь обители. Отец Иероним открыл им и облобызал руку игумена. Игумен вошел внутрь и ввел гостя. Они увидели, сколь малы помещения в скиту и что в них нет ничего: ни тарелки, ни вилки, ни одеяла. Только на умывальнике лежал высохший помидор.

Игумен сказал отцу Иерониму: «Не найдется ли у тебя, отче, хлеба нам поесть?»

Отец Иероним, как монастырский послушник, ответил смиренно: «Старче, у меня ничего нет, разве только один помидор, который садовник привез в прошлое воскресенье. Я только сейчас о нем вспомнил, когда вы попросили поесть».

Европейский гость спросил отца Иеронима: «Так, как часто ты ешь, отче?» Отец Иероним ответил: «Я послушник, игумен мой знает, когда мне нужно есть».

На обратном пути растроганный европеец сказал игумену: «Поистине, Православная восточная Церковь и сейчас знает делателей высочайших христианских добродетелей. Такие люди – пример для славного греческого народа, прошедшего через века мученичества».

По просьбе игумена монастыря Симонопетра отец Иероним перешел туда и вскоре был принят в монашескую общину. Там он познакомился с отцом Пантелеимоном, лучшим тогда певчим на Святой Горе.

Келья Святой Троицы монастыря Святого Павла

Они решили вместе вести отшельнический образ жизни. Для подвига безмолвия им была выделена калива в скиту монастыря Кутлумуш. Об этом узнали отцы, и все стали ходить к отцу Иерониму, чтобы выслушать советы об умной молитве и бесстрастии.

Однажды почтальон принес письмо для старца Пантелеимона. Но его не оказалось на месте: ушел на работу. Почтальон все же встретил его по дороге и вручил письмо, отправленное отцом Арсением с Саламина.

Когда отец Пантелеимон вернулся в каливу, его старец, отец Иероним, спросил: «Почтальон нашел тебя и передал письмо?»

Отец Пантелеимон ответил отрицательно.

Но прозорливый отец Иероним сказал: «Поройся у себя в сундуке и ничего никогда не прячь».

Когда летом отцы ходили на исповедь к отцу Иерониму, он мог предложить им только стакан холодной воды и несколько фиг, которые можно было нарвать с соседнего дерева.

Вскоре отец Пантелеимон отправился собирать фиги. Когда он проходил по настилу, одна доска сорвалась и он упал на скалы, повредив левую руку. Он закричал от невыносимой боли. Отец Иероним вышел на крики и увидел, что произошло. Старец сказал духовному чаду: «Раб Божий, разве не говорил я тебе, чтобы ты порылся в сундуке и ничего не прятал? Что мне теперь с тобой делать?»

Старец Пантелеимон стал просить прощения. Он вынужден был отправиться к родителям в Пирей, но вылечить его так никто и не смог.

Вернувшись на Афон, отец Пантелеимон поступил в святой монастырь Симонопетра. Его принял игумен отец Иероним, у которого в числе братии было много ученых людей из Афин. Он велел отцу Иерониму давать им уроки пения.

Когда Константинопольская Патриархия ввела новый, папский календарь, все отцы из Афин решили выйти из монастырской общины. Совесть не позволяла им поминать бесчинствующего патриарха. Среди непоминающих был и отец Пантелеимон, который отправился в скит Праведной Анны жить в безмолвии.

Скитское собрание обратилось ко мне, и я взял его к себе, в каливу Святой Троицы, чтобы и самому учиться у него как у старца. Он молился за меня, а когда мы собирались причащаться, я лобызал его десницу и просил прощения, потому что боялся, что он уйдет.

В день памяти пророка Илии послушник Пантелеимон принял постриг, как повелел мой старец Азария, и получил в монашестве имя Нектарий. Весь скит Праведной Анны радовался, что теперь здесь будет отменный певчий.

Отец Нектарий был знаменит, и многие приходили к нему постичь искусство пения, спрашивая, как разобраться в правилах византийской музыки. Он все растолковывал, приводя между делом множество полезных и поучительных примеров.

Вот только один из тех, которые я от него слышал.

Вокруг Кареи совершали подвиг отцы-нестяжатели, жившие как птицы небесные. Пробавлялись они тем, что плели веники, приносили их в субботу и продавали монастырю.

Один из этих отцов сидел у кладбищенских ворот, продавая веники. Многие подходили к нему и спрашивали у него советов. Никто не знал, кем этот старец был в миру.

Однажды к нему подошел один старец и сказал, что его послушник страдает духовной немощью, а он не знает, что с этим делать. Старец ответил: «Ему надо жениться».

Когда старец услышал эти слова, то испугался: «Как я могу отправить своего послушника в мир, чтобы он женился?»

Старец помолчал немного и сказал: «Ты же садовод, правильно? Дай ему лопату, пусть он вскапывает грядки с утра до десятого часа по византийскому счету. Увидишь, – он успокоится и больше мучиться не будет».

Затем старец Нектарий продолжил: «Ты видишь, что молодые монахи не носят афонские скуфьи, а надевают картонные. Это первый признак отступления от монашеского предания. Пройдет немного времени, и они введут множество новшеств, о которых даже говорить не буду. И в Святой Анне снимут подвижнические скуфьи, а наденут такие, как у поваров в миру».

Поэтому будьте внимательны, чтобы ваши послушники не пренебрегали преданиями Святой Горы Афон.

Отец Иоаким из скита Святой Анны (1895–1950)

Когда отец Иоаким прибыл из Америки в Пирей, у меня болел послушник и я его повсюду лечил.

Я узнал, что отец Иоаким будет служить литургию в церкви Святого Павла в Старой Коккинии, не принявшей новый календарь.

Я пошел послушать его проповедь. Когда он начал говорить, все печали спали с моей души и ум открылся небесным созерцаниям. С тех пор я постоянно советовался о духовных вещах с отцом Иоакимом. Почти каждый день заходил в дом, где он остановился, и мы говорили о монашеском делании в наши дни, прежде всего – о безмолвии и молитве. Отец Иоаким много общался на Афоне со священниками-старостильниками и убеждал их продать свои жилища и приобрести большой двух- или трехэтажный дом, где можно разместить квартиры и контору. Тогда можно будет брать на работу мужчин среднего возраста, стремящихся к монашеской жизни. Также хватит средств на то, чтобы приобрести автомобиль и поставить телефон, что совершенно необходимо, а также пригласить опытного духовника, который будет разрешать сложные вопросы.

Старец Иоаким незадолго до своей кончины (с распущенной бородой)

Но, к сожалению, афонские отцы-старостильники не приняли его предложения. Поддержал его только нестяжательный отец Евгений Дионисиат. Отец Евгений ходил всегда босиком, кости на его ногах загнили, и часто с них падали черви. Он брал этих червей и влагал себе в раны, чтобы тело испытывало еще большие муки.

Когда я узнал, что отец Иоаким в Америке со всей строгостью требовал исполнения церковных обязанностей, то спросил, как же стало возможно, что в стране, стремящейся ко всяким нововведениям, он всего этого добился: чтобы женщины ходили в благопристойных платьях и носили платок на голове, чтобы мужчины закручивали усы, чтобы дети вели себя на службе тихо; и как он способствовал регулярной исповеди и причащению всех.

Он мне смиренно ответил: «Когда я видел в церкви юношу или девушку, одетых по современной моде, я сначала молчал. Терпеливо сносил такой вид в течение трех литургий, а после подходил и задавал вопросы. Услышав о богоданных заповедях, молодежь отвечала, что будет следовать всем обычаям Православной Церкви. Мои прихожане достигали такой степени духовной жизни, что получали дар непрестанной молитвы и читали святых отцов, находя в их книгах ответы на вопросы. Православная Церковь, – прибавил отец Иоаким, – подражает смирению Владыки Христа. Многие тамошние еретики, видя нашу строгость, удивлялись, расставались со своими еретическими сообществами и становились православными христианами».

Калива Рождества Пресвятой Богородицы скита Праведной Анны

Отец Иоаким, стремившийся к еще большей высоте духовного делания, решил отправиться на Святую Гору в послушание к отцу Григорию из Костамонита. Отец Григорий, совершавший подвиг безмолвия в Кавсокаливии, перепечатывал на пишущей машинке святоотеческие поучения и рассылал их мирянам. Благодаря этим письмам, которые доходили и до Америки, отец Иоаким узнал о старце.

Я стал уговаривать отца Иоакима поселиться в каливе Святой Троицы вместе с другими прибывшими с ним из Америки братьями. Но он сказал мне, что уже дал обет отцу Григорию, а обет для него неотменим.

Отец Иоаким отправился в Кавсокаливию, где и стал послушником отца Григория. Так как в каливе не было церкви, отец Григорий решил купить каливу Рождества

Богородицы в скиту Праведной Анны. В этой каливе отец Иоаким был пострижен в великую схиму и продолжил свои подвиги.

Отец Савва (Маврояннис)

Я очень любил трудиться и, когда узнавал, что кто-то умеет работать больше, чем я, то огорчался.

Я привозил со Святой Горы разные изделия: иконы, застёжки с молитвой и многое другое.

Сами мы тоже писали иконы, но продавали и изделия других отцов.

Когда наши соотечественники были изгнаны из Турции, то отцы из разных монастырей Хиоса и других островов искали работу для своих знакомых.

Тогда в Пирее жила одна благоговейная девушка, ездившая в монастырь Святого Марка. В этом монастыре писали иконы в манере учеников Иоасафа – это первые из отцов Керасии, которые вообще никогда не ели с маслом. Даже на Пасху они не ели яиц, а красили картофелины в красный цвет и вкушали их с радостным пением «Христос воскрес». Основателем школы иконописи был отец Иоасаф, и все его последователи называли себя «Иоасафеи». Многие из них стали благоговейными подвижниками, поселившись в скиту Кавсокаливии.

Эту манеру иконописания изучали отцы монастыря Святого Марка на Хиосе, когда игуменом был старец Парфений, а также монахини женского монастыря Святого Константина.

Во время календарной смуты отец Савва (Маврояннис) ушел из монастыря Святого Марка на Хиосе. А та благоговейная девушка объезжала города и села и показывала иконы, которые пишут отцы из монастыря Святого Марка. Она получала заказы и привозила иконы.

Все образы, написанные отцом Саввой, источали святость. Внимательно посмотрев на икону, можно было сразу понять, что подвижник этот был всецело преисполнен добродетели.

Когда я узнал, что иконописная школа пресекается, то огорчился. Но потом, при виде гонений и немощей братьев, когда я жил в скиту Праведной Анны в каливе Святой Троицы, я решил передать все свои умения отцам, приходившим со Святой Горы.

Затем во времена оккупации мы все разбежались. Голод и отсутствие средств довели нас до того, что во всех обителях безмолвия не было даже хлеба. Только иногда благоговейные христиане посылали монахам муку и продукты. Но отцы не давали себе послаблений и ели раз в день без масла, позволяя его себе только в субботний и воскресный дни.

Однажды я отправился в монастырь на Хиос и застал там отца Гавриила, преемника отца Парфения. Он перепечатывал книгу преподобного Симеона Нового Богослова, и на глазах его были слезы. Я удивлялся всегда его подвижничеству и нестяжательству. Поражали ум и женские монастыри, населенные добродетельными монахинями. Они никогда не брали денег в руки, а в обмен на свое рукоделие получали просто иголки, нитки, шерсть и затем продолжали свою работу.

Там, на Хиосе, некоторые отцы не пили даже воды всю Святую Четыредесятницу, а другие питались всю Четыредесятницу только корой с деревьев. Некоторые монахини ели так: в среду после литургии – кусочек просфоры, а в субботу после литургии – сухари и салат, добавив туда ровно десять капель масла.

Святыня скита– икона праведной Анны

Я тогда был проповедником, много выступал в защиту старого календаря. Совесть меня обличала за то, что я поднимал глаза и видел этих монахинь.

Архиерей воздвиг в то время гонения на всех приверженцев старого стиля, и я перестал посещать простых жителей.

Во время оккупации мне по дороге встретился житель Хиоса и рассказал, что отец Савва скончался в своей крохотной келье. Отцы, которым надлежало его хоронить, боялись приблизиться, потому что все его тело кишело вшами. Пока же они стояли около кельи и препирались, вдруг увидели, как через дверную щель проползает множество муравьев. Они

было подумали, что у инока спрятано зерно. Но на следующий день, открыв дверь, увидели, что муравьи очистили все тело святого Саввы так, что даже следов не осталось. Когда тело предавали земле, оно было белым, словно очищенная мука.

Плача, я сказал на похоронах: «О, преславный отче Савва! Придя в монастырь еще мальчишкой, ты не огорчал никого из братьев. Ты сразу исполнял все повеления нашего старца отца Гавриила, который вел нас по пути святости. Теперь же, ни разу не пренебрегший послушанием, ты радуешься. Сталий, твой послушник, призвал тебя на небеса, чтобы ты радовался и ликовал вместе со всеми отцами, освятившимися на этом благословенном острове, прежде всего, вместе со святым Макарием Коринфским и его послушником, преподобным Никифором, благословившим на мученический подвиг множество новомучеников – греков, пострадавших в разных частях поработанного христианского мира. Поистине, кровью мучеников был утвержден наш народ».

Отцы из монастыря Григориат

Году в 1915-м или 1916-м на Афон прибыл врач из Пелопоннеса, пожелавший стать монахом. Он отправился в монастырь Святого Дионисия, где строго соблюдались все монашеские обычаи и очень чинно совершались церковные богослужения. Но, к сожалению, монастырь был раздираем национализмом. Отцы не любили выходцев из греческого государства и не приняли его. Тогда он отправился в монастырь Григориат, где все насельники были из центральной Греции. Они приняли его с великой радостью. Игуменом тогда был отец Георгий, отличавшийся несомненной добродетелью. А его помощником был отец Симеон, родом из Пирея; в миру он принадлежал приходу Благовещения у Инвалидного дома. Монастырские отцы, услышав, что в монастыре появился врач, отправились к игумену и попросили благословения пройти осмотр, потому что все страдали какими-то немощами. Отец Симеон пал к ногам игумена и сказал, чтобы он не пускал их к врачу, а то некому будет петь, служить и прислуживать. Игумен в простоте сказал: «Послушай, брат, если они заболели, как я могу их не пускать к врачу?» Отец Симеон промолчал. На следующий день ни один монах не вышел на работу: все остались у себя, потому что поверили, что больны.

Монастырь Григориат

Блаженной памяти игумен Георгий очень огорчился и сказал отцу Симеону: «Ох, этот пиреец. Надо было тебя послушать, а то что же мне теперь делать».

Тот смиренно посоветовал ему сделать следующее: велеть врачу обойти больных и успокоить, что они уже пошли на поправку.

Врач послушался игумена. Он обошел всех монахов, те выслушали его и отправились на служения.

Видя, что все монахи уже вышли на работу, игумен спросил отца Симеона:

– Бог тебя благослови, как только ты догадался?

– Старче мой, – ответил отец Симеон, – все на Святой Горе немощны. Ведь мы стоим на всеобщих, много постимся, отсекаем свою волю и помыслы и, главное, предпринимаем тяжкие труды. Мы ходим в горы, рубим там дрова и приносим вязанки на плечах. Особенно трудно тем, кто таскает дрова из верхних лесов Афона. Но Пресвятая Богородица обещала, что в этом святом месте, где мы обитаем, Она будет нашей Целительницей, Питательницей и Утешением немощным. Своею благодатью и силой Она укрепляет нас, и мы оказываемся выше всех 650 видов немощей, которые могут угрожать каждому человеку. Поэтому, старче, лучше посмотри на отцов, которые живут здесь давно, едят только хлеб с водой и доживают до ста лет.

Игумен молвил: «Велика благодать Твоя, Богородице! Ибо Ты питаешь и покрываешь Своею благодатью всех здешних отцов, как курица скрывает птенцов у себя под крыльями. Так изрек святой Никодим в службе святым отцам-святогорцам».

* * *

В монастырь прибыл бывший владелец кофейни на площади Омония, который захотел стать монахом.

Почему же этот человек так резко решил измениться? Мы, послушники, выяснили его историю.

В кофейне было принято играть в карты, и он тоже играл.

Он проиграл все свои деньги и все имущество, даже стулья в кофейне, а потом проиграл и жену. Когда он понял, что натворил, то возвел очи и взмолился Пресвятой Владычице Богородице:

– Матерь Божия, помоги мне оправиться от моего падения, и я отправлюсь на Афон и стану монахом.

Царица ангелов сразу услышала его и дала ему отыгаться.

С согласия жены, он отправился на Афон и поступил в монастырь Григориат. Враг на него так часто нападал, что он вскоре весь поседел.

Он дважды порывался уйти в мир, но после освобождения от борения и преподобно почил в монастыре Григориат.

* * *

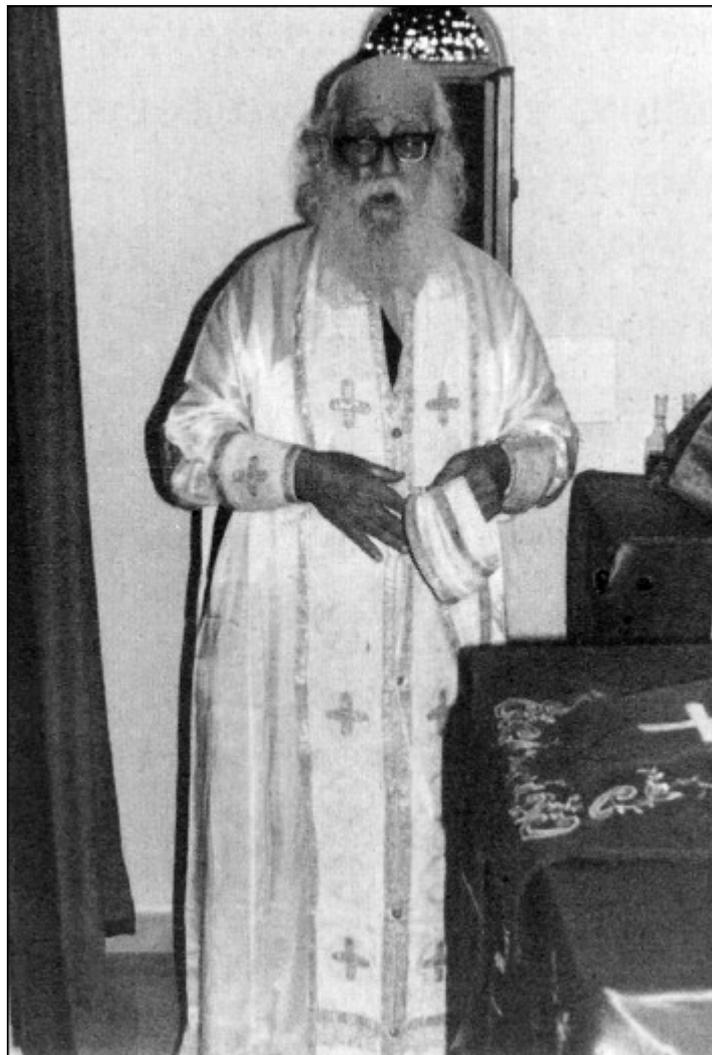
В этом же монастыре еще с давних пор жили великие подвижники. Многие меня просят написать о том, в чем состоит послушание, которое есть первейшая обязанность всякого монаха, особенно афонского. Тогда я вспоминаю размышления этих отцов.

Блаженной памяти отец Даниил, монах Дионисиата, стал отшельником. Он предался подвигу безмолвия в Катунакии, где после безмолвствовал старец Каллиник Затворник. Об отце Данииле из Григориата рассказывали, что он достиг столь высокой меры, что почти забыл о себе. Как мне поведали отцы, он совсем не вкушал, но только причащался, служа литургию ежедневно. Не помню, был ли отец Каллиник его учеником. Но и про него рассказывали, что он служил литургию каждый день и ничего не ел.

Из монастыря Преподобного Григория происходил и другой отшельник, отец Вениамин. Он поселился в скиту Святой Анны ради преподобной жизни. Как-то я уже вам рассказывал, что он обучил послушника по имени Симеон. Тот весьма возлюбил безмолвие, и, когда однажды в субботний или воскресный день явился в скит и подошел к отцам, те с недоверием посмотрели на него и сказали: «Какой прок тебе от безмолвия, когда ты все время довольно мурлычешь, словно домашний кот».

Сначала он чуть было не вспылал, но после сказал: «Если я буду празднословить, напомните мне, что я кот, чтобы я прекратил свое многословие».

Однажды в скиту его поставили канонаршить в соборе, и он совершал службу так, как усвоил ее в Григориате. Он канонаршил, а я тогда был чтецом. Нужно было прочесть после «Слава и ныне» девятого часа «Днесь висит на Древе», что чтец читает трижды, а затем уже вступает хор. Он стал спорить со мной, что этот тропарь не читается, а поется, – так это было принято в монастыре Григориате.

Духовник отец Хрисанф

Я сказал ему, что это – невозможно. Все, в чем меня наставили прежние отцы, я должен хранить и не спорить.

В монастырях и скитах не стоит распятий, но только иконы. Ведь мы вспоминаем спасительные Страдания Господа нашего Иисуса Христа, а не представляем их, как делают на Западе. К несчастью, Греческая Церковь стала использовать распятия с того времени, как отделилась от Вселенского Патриархата и стала автокефальной.

Итак, я читал посреди храма. Закончив чтение антифонов, я тотчас велел хору петь. Когда отец Симеон увидел, что я все читаю, как заповедали мне отцы, он молвил: «Нет». Он хотел, чтобы все было, как в монастыре блаженной памяти его старца. Я промолчал. После чтения Евангелия он упрекнул меня, почему не слушаю канонарха-уставщика. Я же взял его за руку и сказал: «Я из Святой Анны – и все, чему меня научили святые отцы, должен хранить даже до пролития крови». Потом потянул его за руку и пересадил со стасидии уставщика на другую, для старцев. Ох, нет уже сейчас во мне того рвения, которое было в молодости!

Отец Симеон сказал мне: «Благослови, я не прав», – и вернулся на свою стасидию. Отцы, сидевшие на своих «старческих» стасидиях, заплакали, а после перемолвились: «Вот ведь как строго отец Хрисанф следит за совершением богослужения – по всем требованиям устава, переданным нам святыми нашими отцами».

Затем уже последующие уставщики спрашивали меня об особенностях богослужебного устава в нашем скиту. Меня поставили уставщиком вместо прежних, сказав, что нужно слушаться человека, который все помнит, а остальным лучше помолчать.

Когда отец Симеон вышел, его спросили: «Что с тобой сделал отец Хрисанф?» Он смиренно ответил: «Я хотел совершить то, что слышал в монастыре Святого Григория, но старец Хрисанф мне не позволил».

Но что говорить о том, как поступают сейчас в соборе. Теперь там стоит распятие, его выносят при пятом чтении Евангелия, и все отцы идут процессией, как это делают на Западе и как это усвоила Греческая Церковь! Пусть Господь просветит их вернуться на путь предания отцов.